ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 35 АВГУСТ 1986

ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ ПРОШЛО ТРИ ГОДА. РАСА СТАЛА ШКОЛЬНИЦЕЙ

НОВЫЕ РАССКАЗЫ ВИКТОРА КОНЕЦКОГО

АКАДЕМИК И. В. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ: НАШ ОБЩИЙ ДОЛГ

ШЕДЕВРЫ ИЗ СОБРАНИЯ АРМАНДА ХАММЕРА

ЭТО СПЕКТАКЛЬ
СОВЕТСКИХ
И АМЕРИКАНСКИХ РЕБЯТ
О СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ
НА ЗЕМЛЕ БЕЗ ВОЙН.

«ДИТЯ МИРА»

Актер Федя Стуков (слева):
«Я нашел себе друга!»

Сцена из мюзикла.

«Обращаемся к странам и народам...»

РОДИЛОСЬ В МОСКВЕ

Владимир КОВАЛЕВ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

См. стр. 27.

В роли Рассказчицы Людмила Сенчина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (3084)

30 АВГУСТА — 6 СЕНТЯБРЯ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13

Сдано в набор 11.08.86. Подписано к печати 26.08.86. А 00717. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2108. Заказ № 3370.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

событие недели

Москва, 23 августа. Митинг в поддержку Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

Фото ТАСС

1 СЕНТЯБРЯ — ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ МИРА

Мэлор СТУРУА

время тревог и надежд

7 июля где-то на нашей планете родился ребенок, с появлением которого численность населения земного шара достигла пяти миллиардов человек. Об этом сообщил директор Вашингтонского института народонаселения Вернер Форнос. Пожелав символическому дитяти счастья, мистер Форнос тем не менее назвал его «отрезвляющим символом перенаселенности земли», ибо услышал в его младенческом писке очередной звонок, предвещающий демографическую катастрофу. (По данным института, население нашей планеты увеличивается сейчас на один миллион человек каждые четыре-пять дней и примерно на 85 миллионов ежегодно.)

В удивительный мир вступил наш пятимиллиардный человечек. Согласно теории вероятности, он скорее всего родился в какой-либо из развивающихся стран, поскольку именно там появляются на свет девять из каждых десяти новорожденных. Он родился в одном из тех уголков земли, где продолжительность жизни на 35 лет короче, чем в промышленно развитых государствах. Он родился на планете, где 800 миллионов человек не умеют ни читать, ни писать и где эта цифра сплошной неграмотности перевалит за миллиард к 2000 году.

Но и дети, сидящие за партой, чувствуют себя не очень уютно в нашем перенаселенном мире, перенаселенном не только людьми, но и оружием массового уничтожения людей. Согласно статистике правления Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), каждую минуту гонка вооружений поглощает в мире около двух миллионов долларов, и каждую минуту умирают тридцать детей от голода и болезней, которые можно было бы излечить. А вот выкладки Института мировых ресурсов и Международного института охраны окружающей среды и развития: человечество сидит на бочке с миллионом атомных бомб в пересчете на хиросимскую (и эту «бочку» по старинке величают пороховой!), численность голодающих продолжает увеличиваться, по последним данным, их насчитывается 800 миллионов человек.

Бедный пятимиллиардный человечек, как странен и страшен мир, в который ты вступил. Вместо освежающих или теплых, ласкающих дождей люди говорят о «кислотных дождях», образующихся в результате реакции атмосферной влаги с выбрасываемыми в воздух промышленными отходами и продуктами сгорания автомобильных двигателей. Вместо обычной зимы с санками, снежками и Дедом Морозом — красным носом людям мерещится «ядерная зима» — 40 миллионов тонн пыли и 200 миллионов тонн гари, выброшенных в атмосферу в случае массированного применения ядерного оружия, преградят путь живительным лучам солнца. И даже весна — символ пробуждающейся жизни ассоциируется не со взрывами почек, а со взрывами ядерными. Все это полугодие они несмолкаемо звучат на американских полигонах в штате Невада.

5 июня человечество отмечало Всемирный день охраны окружающей среды. По предложению руководства Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) этот день был ознаменован символическими церемониями посадки дерева мира. Обратите внимание, не просто дерева, а именно дерева мира. Природа и политика все чаще и сильнее переплетаются в наши дни. Такова уж природа политики ядерного века. И «политика» природы. (Вспомним грозное убывание на земле лесных массивов и наступление пустыни.) В Заявлении Советского правительства по поводу Всемирного дня окружающей среды в заключительном абзаце говорилось: «Пусть молодые саженцы мира хорошо примутся всюду, станут взрослыми деревьями, листву которых никогда не опалит пламя термоядерного пожара. Пусть они станут свидетелями вступления мира в XXI век без ядерного оружия». Язык дипломатических документов становится поэтичным не случайно. Помните, у Достоевского — красота спасет мир? Но и мир всем миром обязан спасти красоту и в первую очередь красоту человеческого бытия. В этой взаимовыручке — залог выживания...

Авария на Чернобыльской АЭС и катастрофа американского космического корабля «Чэлленджер», пожалуй, два наиболее драматических события 1986 года. Наиболее драматических и символических.

В Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по советскому телевидению 18 августа было сказано: «Две трагедии, связанные с техникой ядерно-космического века, случились в последнее время: гибель экипажа «Чэлленджера» и авария на Чернобыльской атомной станции. Они усилили тревогу, жестоко напомнили, что люди еще только осваиваются с теми фантастически могучими силами, которые сами же вызвали к жизни, еще только учатся ставить их на службу прогрессу. Эти события преподнесли

Тревога за судьбу планеты, желание подкрепить своим голосом миролюбивые действия Советского Союза вывели на улицы и площади Москвы, Ленинграда, Минска, Фрунзе, Донецка, многих городов и сел страны тысячи и тысячи советских людей. От Москвы до самых до окраин прошли в минувший субботний день массовые манифестации и антивоенные митинги. Лейтмотивом звучали слова: безопасность Земли — дело для нас святое, и сил для этого мы не пожалеем.

Участники митингов в Москве приняли Обращение к жителям столиц мира, в котором подчеркнута необходимость общими усилиями обуздать гонку вооружений, избавить планету от ядерных взрывов, сделать все возможное, чтобы односторонний мораторий превратить в многосторонний.

Манифестации в поддержку советских мирных инициатив проходят сегодня во многих странах земного шара, находят горячее одобрение народов планеты.

предметный урок того, что произойдет, если будет пущено в ход ядерное оружие».

Уроки «Чэлленджера» и Чернобыля... Извлекать их отнюдь не означает требовать, подобно Жану-Жаку Руссо, возврата «назад к природе». Как говорил Авраам Линкольн, «сограждане, нам никуда не уйти от истории». Земляне не могут стать тотальными луддитами. В конце концов лазером оперируют и хирурги, и уайнбергеры. Нет никакой необходимости возвращаться назад к природе. Да это и невозможно. Необходимо лишь разумно сосуществовать с природой в экологическом плане и менять природу мышления в плане политическом. Гибель «Чэлленджера» не остановит стремление людей к звездам. Авария на Чернобыльской АЭС не похоронит атомную энергетику. Иное дело, чтобы наука и техника не избрали своей целью вместо звезд «звездные войны», вместо атома-созидателя атом-разрушитель.

Здесь мне хотелось бы остановиться на сравнении СОИ («стратегическая оборонная инициатива») с Чернобылем и показать на этом сравнении, что есть уроки и «уроки». Выступая в политехническом институте штата Вирджиния в Блэксбурге, шеф Пентагона Каспар Уайнбергер глубокомысленно заметил: «Сама по себе техника не может быть ни наступательной, ни оборонительной. Все зависит от того, в какой системе она используется». На первый взгляд звучит, казалось бы, вполне резонно. Тем более, что у Уайнбергера речь шла не о социально-политической системе, а, так сказать, военно-прикладной. (Ударение, естественно, на последнем слоге.) Но вот что сказал далее Уайнбергер: «Как нам известно, греческий пехотинец в древности обнаружил бы, что его щит — неэффективное оружие, если бы он попытался напасть на своего противника. Иными словами, СОИ — это не оружие. Это исследования новейшей техники и технологии, которые, хочется надеяться, приведут к уничтожению вооружений».

Но Уайнбергер надеется на нечто абсолютно противоположное. Пример с греческим пехотинцем и щитом не подтверждает его — простите за каламбур — защитительную речь о СОИ, а, наоборот, опровергает ее. Ибо греческий пехотинец со щитом и мечом сильнее, скажем, скифского пехотинца, вооруженного одним мечом.

Но СОИ не только техника и технология, не только стратегия и политика. СОИ еще и психология. Пока кузнецы «звездных войн» куют лазерный колпак над Америкой, трубадуры «звездных войн» занимаются околпачиванием всего человечества, составляющего ныне гигантскую пятимиллиардную семью. Они пытаются убедить людей, истосковавшихся по миру, издерганных страхом перед войной, что путь в землю обетованную — и к тому же на реальной земле — лежит именно через СОИ, которая «сбивает ракеты, а не убивает людей». Да, пока что она не убивает их, а лишь сбивает с толку.

Уникальность ситуаций, переживаемых человечеством, несомненна. Впрочем, они были таковыми и до Чернобыля, и до «Чэлленджера». «Доядерное мышление в сущности потеряло свое значение 6 августа 1945 года»,— подчеркнул М. С. Горбачев в телевизионном выступлении 18 августа. Советский руководитель имел в виду ядерную бомбардировку Хиросимы. Человеческая цивилизация подошла к развилке истории. Мы оказались на уровне уникальности момента, или, как сейчас принято говорить, момента истины. Вот почему прошедшее полугодие было не только временем тревог, но и надежд. Уже в январе мы выступили с развернутой программой поэтапной ликвидации ядерного оружия до конца века. В феврале на XXVII съезде КПСС была провозглашена идея создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Затем последовали конкретные предложения, облегчающие возможность соглашения об удалении ракет средней дальности из Европы. Были предложены меры по устранению химической угрозы. В мае мы в третий раз продлили мораторий на ядерные испытания. В июне социалистические страны выступили с развернутым планом сокращения вооруженных сил и обычных вооружений на всем европейском континенте от Атлантики до Урала. Был предложен целый ряд инициатив для укрепления мира в азиатско-тихоокеанском регионе. На стол женевских переговоров были положены новые конструктивные компромиссные предложения. И, наконец, в августе было принято решение вновь продлить односторонний мораторий на ядерные взрывы до 1 января 1987 года.

Даже этот отнюдь не полный график движения советской дипломатии в 1986 году показывает, что мы были на уровне уникальности момента, атакуя новым мышлением застарелые, затвердевшие пласты конфронтации.

Но бурение туннеля должно проходить с обеих сторон. Однако в Вашингтоне уникальность момента не ощутили, вернее, ощутили совсем не так. Вашингтонский график 1986-го — это график ядерных и ракетных испытаний. Вашингтонский график — это разбойничье нападение на Ливию, это голосование за предоставление военной помощи никарагуанским «контрас» и афганским душманам, это новый, неимоверно раздутый бюджет гонки вооружений. И наконец, планы срыва последних тормозов, которые еще сдерживали ее,— Договора ОСВ-2 и других советско-американских соглашений.

Да, прав, сто раз прав был Альберт Эйнштейн, говоривший, что «политика — дело гораздо более трудное, чем физика». Американские ученые, работающие на программу СОИ, пытаются сконструировать миниатюрные самоуправляющиеся противоракеты, поражающие цель элементарной силой удара. Их называют «умными камнями». Вполне возможно, что умные физики создадут «умные камни». Вопрос не в этом. Вопрос в том, найдутся ли на Западе достаточно умные политики, чтобы не держать эти камни рокового преткновения за пазухой. Но пока что вашингтонские политики мечтают о другом: насыпать побольше «умных камней» на свою чашу военного паритета, чтобы склонить его весы в свою пользу. История их ничему не научила. Ведь умные физики есть и у нас. И негоже, живя в стеклянном доме, швыряться камнями — не даже, а тем более умными — в соседа.

Но вернемся к нашему пятимиллиардному человечку. По горькой иронии судьбы он родился в 1986 году, провозглашенном ООН Международным годом мира. Собственно, горечь иронии в том, что Год мира оказывается рекордным по ассигнованиям на гонку вооружений. Согласно данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (СИПРИ), во всемирных масштабах расходы на вооружения в 1985 году возросли по сравнению с предыдущим на 3,2 процента, а в 1986 году эта динамика роста еще более усилится, причем по обоим годам лидерство принадлежит Соединенным Штатам.

По-иному отнесся к Году мира Советский Союз. Он салютовал ему тишиной, длительной тишиной на своих ядерных полигонах. «Продлевая свой односторонний мораторий,— сказал М. С. Горбачев,— Советский Союз вносит еще один весомый вклад в общее стремление добиться того, чтобы этот год остался в истории достойным своего названия».

Недавно президент Рейган дал интервью журналу «Пипл». Вот заключительный диалог из этого интервью:

«**Вопрос:** Как мы прочитали, один ясновидящий написал вам письмо, в котором предсказал гибель космического корабля многоразового пользования, и даже привел в качестве причины дефектные кольца. Считаете ли вы, что провидцы часто бывают правы? Вы когда-нибудь прибегали к услугам прорицателей?

Ответ: Нет. Но должен признаться, как оказалось, мне трудно полностью сбросить их со счетов. В писании сказано, что такие люди будут.

Вопрос: Не ощущаете ли вы, что и вам нужен ясновидящий?

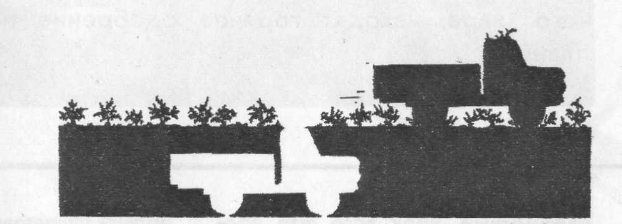
Ответ: Мне часто казалось, что было бы очень удобно, если бы я сам временами мог обладать таким даром».

Я привел этот отрывок из интервью Рейгана журналу «Пипл» совсем не для того, чтобы позабавить читателя предрассудками обитателя Белого дома. Согласитесь, ничего забавного здесь нет. Цель моя заключалась в ином. «Ясновидение» государственного или политического деятеля — это его провидение, прозрение, его умение предсказывать будущее не по звездам и тем более «звездным войнам», а в результате применения нового мышления; это искусство не смешивать «волю божью» с политической волей, с политическими реалиями. К сожалению, подобное «ясновидение» весьма дефицитный товар в современном Вашингтоне, хотя он и наводнен всевозможными астрологами, хиромантами и прочими представителями «черной магии».

Апокалипсис «плохо подкован» в социально-экономических науках, он не разбирает, где капитализм, а где социализм. Радиоактивные тучи путешествуют без виз.

В заключительной главе недавно вышедшей книги президента вашингтонского Института по изучению проблем космоса и безопасности Роберта Боумэна «Звездные войны»: оборона или Звезда Смерти?» говорится: «В предстоящие годы, взглянув на небо, мы сможем увидеть движущиеся по орбитам огоньки: это будут либо космические конструкции, обеспечивающие благосостояние людей, либо «звезды смерти». Выбор за нами». Да, выбор за человечеством, пятимиллиардный член семьи которого совсем недавно огласил своим криком чьи-то хижину или дом. Мир входящему!

Чернозем для свалки?

Так и не смог узнать, сколько земли за эти годы вывезено с полей. Спрашивал в Госагропроме, в Министерстве торговли, в Центросоюзе. «Нет такой статистики»,— отвечали мне.

К. БАРЫКИН

— А кто вам сказал, что землю везут на городские свалки? — напористо интересовался один ответственный товарищ.

— Сам видел,— ответил я.

И рассказал, как директор одного из овощных магазинов упрашивал шофера:

— Прихвати землю.

— Что значит прихвати? — отбивался тот.— Не килограмм же, не два...

До того как этот тяжелый, вдвоем поднимали, ящик все же оказался в кузове видавшего всякие виды грузовика, я попросил взвесить его.

— Брутто? Нетто?—деловито поинтересовался водитель.

— Чистую землю,— попросил я.

...Земля была и впрямь чистая. Такой радуется хлебороб, когда выходит в поле. Весной она тоже была полем — картофельным. Помогла вырастить хороший урожай, а сейчас ее втаскивали в кузов, чтобы отвезти подальше и выбросить.

— И так ежедневно,— сетовал директор.— По сто—сто двадцать килограммов чернозема. Душа болит...

С каждого, кто ест картошку, пытаются взимать этот своеобразный земельный налог. Небольшой, но все же... Он не согласован ни с кем. В Минфине о нем, похоже, даже не догадываются. О нем умалчивает статотчетность. Его обходят в разговоре фининспектор с поэтом. Налог этот учрежден, полагаю, не по умыслу, а по лености (но только ли?) тех, кто картошку отправил в магазин. Повез с налипшими комьями земли-кормилицы.

...Грузовик с немосковским номером мчался в столицу с такой скоростью, будто участвовал в ралли. Но автосоревнований в эту пору не предвиделось, и госавтоинспектор поднял жезл.

— Куда торопитесь? — поинтересовался он.

— Так ведь картошку везу.— Водитель показал подорожную.

Все было честь по чести. Из Марнеульского, это в Грузии, сельскохозяйственного объединения клубни отправили, чтобы они поскорее попали москвичам.

Инспектор не любил нарушителей. Но тут такое дело — ранняя картошка. И страж дороги ограничился замечанием, напутственно козырнув на прощание...

Если бы он знал, что грузовик вывозит не столько урожай, сколько землю из гористой, не изнывающей от избытка чернозема республики! Сей «товар» не был указан ни в одном документе, его везли, можно сказать, втихомолку, хотя грузили днем, прилюдно, гласно грузили, не скрывая.

Когда машина наконец притормозила на овощной базе, ее стали разгружать и ахнули:

— Снова земля...

Пришлось вызвать инспектора, уже не дорожного, а по качеству овощной продукции. Так и появился на свет акт № 003182, в котором деловой скороговоркой извещено: что, сколько и откуда. Всего в машине было 14 тонн. Чего? Более восьми процентов, почти десятая часть,— та самая дорогая, ухоженная, оберегаемая крестьянином земля. В следующей машине из того же хозяйства — 7,9 процента от веса всего груза. Не пожелали отставать от соседей и работники Болнисского хозяйства республики. Они расторопно отозвались на заказ московской овощной торговли и выслали ей восемь вагонов картошки — и тоже, само собой, с землицей. Картофель был ранний, недешевый, продавался по 40 копеек за килограмм и сулил доход.

— Намучились мы с этими «добавками»,— сетовали в разговоре со мной работники Главмосплодоовощпрома.— Из года в год одно и то же. Одно время вроде бы наметилось улучшение. Но потом снова многие хозяйства будто поставили себе цель — вывезти со своих полей побольше земли.

— Сколько же ее поступило в этом году?

— Мы такие подсчеты не ведем. Но если напишете «сотни тонн», ошибки не будет.

Строго говоря, есть документы, ограничивающие «земельный налог» на картошку, ими допускается, что по весовому соотношению не может быть земли более чем один процент.

— Один процент? Да откуда у вас такие данные? — горячится директор большого овощного магазина, что на Красной Пресне, Виктор Александрович Полянский.

Директор приглашает меня на задворки магазина, где грузят очередные 108 килограммов чернозема.

— Куда повезете? — спрашиваю шофера.

— Дорога известная — на свалку...

Здесь я обхожу молчанием вопрос о цене земли, а вопрос этот возник сам собой, когда увидел, как в другом магазине засыпают только что полученный картофель в плотные бумажные пакеты. Поди разберись, сколько в него попало земли, вывезенной с грузинского или с подмосковного поля. Сколько за нее заплатил любитель картошечки? А кто подсчитает урон, который наносится полям?

В Министерстве торговли РСФСР отыскал, да и то не без труда, «далеко не полные», как мне сказали, цифры. Начальник отдела хранения и переработки овощного товара А. К. Жабаров сообщил, что за один прошлый год привезли вместе с картошкой 24 тысячи тонн чернозема.

— Но это заниженная цифра,— пояснил Алексей Касимович.— Мы можем учесть только то, что прошло сортировку и закладывается на длительное хранение. Земли же привозится больше...

— В два, в три раза? — попытался уточнить я.

— Не могу назвать точные данные, не знаю их,—сказал Жабаров. К тому же, заметил он, в магазины и на базы, подчиненные Министерству торговли, попадает примерно треть овощей и фруктов. Основная торговля этим товаром теперь идет через магазины Госагропрома. Стал я прикидывать, и получалось, что ежегодно с полей вывозятся в никуда с перевалкой в магазинах и на базах многие тысячи тонн земли.

Мы говорим «эрозия», «ветер выдувает», жалуемся на другие причины обеднения полей, а сами грузим драгоценную землю в автомобили, в вагоны, в контейнеры и везем ее как бросовое приложение к той же картошке...

— Может, взвесим этот пучок моркови? — попросил я заместителя директора того же магазина Нину Константиновну Адилову. Она подошла к электронным весам, положила несколько морковок. На табло выскочила цифра — 405 граммов. Мы подставили морковь под струю воды и затем снова положили на весы.

Табло показало 360.

И не желало накинуть ни одного грамма.

— Это еще цветочки. Вот в прошлом году в Подмосковье прошли дожди, так нам морковь везли почти пополам с землей...

— Куда же вы ее денете?—снова спросил я.

— На свалку,— терпеливо повторил директор.— На городскую свалку. Сейчас выбьем автомобиль и...

Чернозем везут на свалку! Доколе? Ответ на поставленные в публикации вопросы мы ждем от Госагропрома, от Госстандарта, из Министерства торговли.

изопублицистика

Игра начинается вполне корректно...

Первая атака отбита...

РУМБЫ И РУБЛИ

Виктор Конецкий в «Огоньке» дебютировал в 1962 году, когда писателю было 33 года и когда наш журнал с большой охотой печатал рассказы и молодых, и маститых авторов.

Сегодня один из самых ярких русских прозаиков, Виктор Викторович Конецкий, вновь публикуется на огоньковских страницах, знаменуя возрождение нашего интереса к произведениям лучших рассказчиков.

Среди особенностей таланта и натуры, выделяющих его творческую манеру и человеческую личность, есть одна, какую чрезвычайно редко сыщешь у современного сочинителя: Виктор Викторович не просто продолжает любить свою прежнюю профессию, но продолжает работать в родной стихии, плавая время от времени в различных чинах на морских судах.

И теперь, принеся в редакцию два смешных рассказа и уходя в очередной рейс, Конецкий предложил, чтобы у журнала появился временный спецкор в Северном Ледовитом океане. Мы согласились — и вот первая такая корреспонденция: «Румбы и рубли» — перед вами, читатели «Огонька».

В ней та же, «конецкая» интонация (в чем-то уже обостренная, болезненная, из иронии уходящая в гнев от слишком долгой запущенности иных наших недугов), что и в прозе писателя. В частности, здесь в открытую, а в рассказе «Поджиг, который выстрелил» с невеселым смехом исторгается стон души, измученной вконец укоренившейся нашей, до недавнего времени, привычкой к пьяни — привычкой, оборачивающейся трагедией снисходительности к этой преступной «слабости».

Для тех же, кто за горьким смехом все-таки не заметит горьких же слез, повторим слова Конецкого, которыми он раньше пытался в подобных случаях спасаться: «...и не принимайте ничего буквально — дядя шутит!»

Итак, почти четверть века спустя Виктор Конецкий снова на полосах «Огонька».

6 августа вылетаю в Мурманск на теплоход «Кингисепп». Рейс в Арктику на порт Зеленый мыс (Колыма). Год рождения судна 1969-й, длина 102 метра, осадка в грузу 6 метров, водоизмещение около 6000 тонн, мощность двигателя 2900 лошадиных сил, скорость 13 узлов.

Листаю страницы своей морской биографии за последние годы.

1979 год, теплоход «Северолес», рейс Мурманск—Певек (Чукотка). Завязли в Айонском ледяном массиве, пять пробоин, с огромным риском вышли на Владивосток (вместо Игарки), обогнув с норда остров Врангеля. Среди других полезных вещей доставили тогда в Певек два трюма коньяка. 1982 год, теплоход «Индига», рейс Мурманск — Хатанга (Восточный Таймыр). В двух трюмах 12 735 ящиков портвейна, вермута и другой бормотухи в бутылках. Вроде прибыльно: общая стоимость «отравы» с учетом полярной надбавки миллион рублей. В тяжелых льдах пролива Вилькицкого обломали лопасть винта,— вибрации, потекли дейдвудные сальники. Обрезали симметричную лопасть и вышли из Арктики «на пропеллере», то есть на двух лопастях. В таймырской тундре осталась пирамида Хеопса из пустых бутылок. Ремонт судна за границей, убытки в валюте переводу на «бормотушные» рубли не поддаются. 1984 год, теплоход «Индига», рейс Мурманск—Колыма. Простояли в ожидании груза 22 дня, ибо Калуга отправила для полярников 23 000 тонн полностью сгнившего картофеля. Мурманский торговый порт сам превратился в пирамиду Хеопса из ящиков с картофельной жижей. Ударили морозы. Женщины — приемщицы груза с Диксона, Колымы, Дудинки, Певека ложились на рельсы перед вагонами и грузить гниль на суда не давали. 1985 год, теплоход «Лигово», рейс Мурманск—Колыма, груз картофеля, который можно было бы просеять сквозь любое сито. Опять пробоина в первом трюме при форсировании тяжелой ледовой перемычки. Даже самая маленькая водотечная дырка на судне означает то же, что и прободная язва у вас,— обязательное лечение и убытки, убытки: ведь свой груз мы везем с помощью суперсовременных атомоходов, вертолетов, навигационных спутников, нас обеспечивают сотни полярных станций. И почти каждую навигацию, несмотря на такое обеспечение, теряем суда... И вот молодые матросы мне говорят: «Вы, В. В., нами командуете, капитан дальнего плавания и еще книжки пишете. Объясните: зачем гниль и бутылочное стекло сквозь такие сумасшедшие льды волокем?» И хочется биться головой в стальную переборку от бессилия и бешенства.

Вот плыву нынче опять, хотя давно пора тратить оставшееся время только на литературу. Но хочу своими глазами посмотреть на начало перестройки и интенсификации.

Лицо страны, России обращено к Северному Ледовитому океану. Там наш фасад. Однако мышление наше традиционно континентальное. При выработке нового миросозерцания необходимо все время помнить, что СССР — огромная приокеанская держава. Поездка М. С. Горбачева на Дальний Восток в этом смысле символична.

На стр. 22—26 читайте рассказы Виктора Конецкого.

ТАКОЙ ВОТ ФУТБОЛ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Но и защита на месте...

Пас на левый (или правый) край...

Меткий удар головой и...

Счет снова ничейный...

Председатель колхоза Н. Г. Пегарьков с новоселами микрорайона.

разговор на меже

Николай БЫКОВ
Фото Б. КУЗЬМИНА

ПЯТЬ СТРАНИЦ ИЗ ДОРОЖНОЙ ТЕТРАДИ

Как вы думаете, сколько времени понадобилось природе, чтобы создать слой пахотной земли? Триста, пятьсот, а то и тысячу лет уходили на каждые три — пять сантиметров почвы. А вот чтобы их лишиться, достаточно нескольких часов ливня или пыльной бури. Или мгновения ядерной потравы. Или считанных лет порчи, проявления социального варварства, если допустить к работе в поле человека равнодушного, агрономически неграмотного, по сути, временщика.

На Земле нет ничего дороже земли. Декрет о земле — один из первых декретов Советской власти. Судьба русского чернозема — только часть проблемы плодородия отечественной нивы. Кто сегодня полю хозяин? Кому отвечать за экологическую эрозию? Отношение к земле определяет уровень культуры, достигнутый обществом. И степень заинтересованности в ее полноправной жизни. Так сколько же стоит земля, столь ранимая почва, пашня — наша кормилица?

О хлебе сказано много слов. Алексей Прасолов, которого помнит воронежская земля, сказал по-своему мужественно: «Когда всенародной кручиной он станет мучительно жечь, сурово разведав причины, берутся за плуг или меч».

1

«...Этот страшный метеорологический погром» — так написал о неурожае 1891 года самобытный наш философ Николай Федорович Федоров. Из журналов и научных отчетов, хранящихся в научно-исследовательских учреждениях Воронежской области, известно, что годы недородов, опустошительных засух вмешивались в жизнь центрально-черноземных областей удручающе часто. Почти бесхлебными здесь были годы 1946 и 1952, несколько лет в шестидесятые годы, черной бурей запомнился 1969 год, и вновь зачастили годы засух: 1972, 1979, 1984.

Вот и нынешний год — дождя не было ни в мае, ни в июне... Поздние дожди — благо не великое, все равно колос легкий. Но сейчас речь о другом. Экспедиция великого почвоведа Василия Васильевича Докучаева показала век назад, что упадок степного земледелия — следствие иссушения и деградации почвы. Засухи пришли туда,

откуда ушли леса. Чернозем остался без влаги. Вот в таких изменившихся условиях занимаются ныне земледелием воронежцы, да и их соседи... Так можно ли сегодня, в известной всем ситуации сказать вслед за Н. Ф. Федоровым, что засуха не от социальных причин, а явление только климатическое?

Леса человек свел. Он же плугом распахал все пригодные земли, и они, оставшись без дернины, породили овраги, человек пустил на поле с километровыми гонами железного коня; выжил многолетние травы, от имени плана сеет пшеницу по пшенице, и даже добрый хозяин не в силах отстоять право земли на отдых — на пар, на паровое поле, обязательное в севообороте...

Так что небо небом, но ведь на земле не пришельцы живут. Люди явно перестарались в стремлении побольше «взять милостей от природы». Да еще как можно скорее.

Тяжела не только «шапка Мономаха», тяжело и бремя земли, оно посильно только полноправным хозяевам, делает их счастливыми.

2

В поездке по области чаще всего встречали словом «перестройка». Это, конечно, радовало, хотя обычно тут же следовало скептическое: «Все, что можно было, раскритиковали. А что дальше?» Я ехал с предвкушением встречи с небывальщиной, жаждал первых, здравым смыслом подсказанных подходов к давним проблемам. Но собеседники мне не подыгрывали, не шли навстречу благим ожиданиям моим скорых перемен. Их соучастие в диалогах — то ли в летнем лагере на дойке, то ли в изможденном зноем поле или на виду откормочников на двенадцать тысяч голов — было традиционно малословным. Разумеется, селяне слышали, что упразднены некоторые министерства и тресты, а ведомственность в принципе осуждена, они и сами знают, что «Сельхозтехника» давно себя дискредитировала и теперь переименована в РТП (ремонтно-техническое предприятие), но люди и в области, и в районах остались те же, только оклады в РАПО и областном АПК повыше стали... Да и откуда же им быть, новым людям? Вот это-то обстоятельство и заставляет набраться терпения. Понятно, хорошо быстро не бывает.

— Больше ошибаться нельзя,— охладил меня теперь уже старый мой знакомый председатель колхоза Михаил Владимирович Батухтин. Колхоз «Путь к коммунизму» давно живет и развивается интенсивно, с ускорением постоянным, гармонично, не в ущерб окружающей среде. Михаил Владимирович председательствует более тридцати лет. Более! Фактор, бесспорно, определяющий в жизни села Ямного многое. Все, чего достигло уникальное на воронежской земле хозяйство,— результат давних и упорных радений. Колхоз пригородный, на супесях дает сто очков вперед любому хозяйству на черноземе! Уверен, что по-прежнему продолжающиеся телеэкранные поучения, например, на тему пахать или не пахать, смешны в доме Батухтина да и любого другого колхозника, не отрывавшегося от земли всю затянувшуюся эпоху реорганизаций, когда продвигались вперед методом проб и ошибок,— того селянина, который исповедует власть земли, но не приемлет власти над землей.

И такие люди в деревне есть. Сегодня ставка именно на таких. В областном комитете партии подчеркнули особую по нынешним временам роль руководителей колхозов и совхозов, воителей против шаблона, иждивенчества. Даже воспеть просили таких председателей, как Николай Григорьевич Пегарьков. Фронтовик, бывший (но и настоящий!) политработник, душевный человек. Велик председательский стаж у зоотехника Марии Митрофановны Бердниковой, хозяйки строгой и авторитетной, избранной односельчанами, знающими ее с детства. Талантливы, иначе не скажешь, председатели Николай Яковлевич Аверин — он экономист по призванию, Анастасия Максимовна Аскольская, у которой учатся строить новое село... Что ни человек — личность. Есть, есть подлинные хозяева земли! Жаль, что мало... Речь не о патриархальном крестьянине, а о современном предприимчивом человеке дела.

Мария Митрофановна Бердникова из Аннинского района сказала мне:

— Старое не сразу отомрет, вот и на отжившие инструкции многие жалуются как на палки в колесах. А я так понимаю, главная инструкция теперь — это решения съезда. Партия нам, кто на хозяйстве, доверяет, чего же еще!..

Помнится, кто-то из них, хозяев, особо уважительно говорил о Терентии Семеновиче Мальцеве: он, пожалуй, один у нас крестьянин, на развод оставленный, а так ведь на земле все больше работники, исполнители.

Мысль о достойном хозяине поля, дойного гурта не новая. Мучительная мысль. То, что так бурно переживается нами всеми в 1986 году, некоторые пережили лет двадцать, а то и тридцать назад. Проблема доверия к специалистам и руководителям хозяйств, а также вопросы оплаты труда на земле и ферме, развития так называемого соцкультбыта, подъема качества жизни в деревне — все они родились не сегодня, тогда же и обсуждались, правда, одолевались единицами. Такие преуспевали на земле не благодаря, но вопреки...

Николай Григорьевич Пегарьков, что председательствует в хохольском колхозе «Великий Октябрь», так считает:

— Тут главное — люди готовы? Не готовы? Они в общем-то работу свою знают, а я, председатель, все специалисты должны с ними самими работать. Трудиться над ними! Над их подобием нашему человеческому идеалу. Можно так выразиться?

В колхозе открыт памятник женщине. Прекрасная фигура высоко поднята в центре поселка на асфальтовом взлобке среди роз. Издалека видна. Русская женщина. Мать, работница, хранительница очага и всех добрых начал. Нигде подобного памятника не видел. Здесь уже не раз проводили День солдатских вдов. Потрясающий праздник любви и благодарности тем, кто, превозмогая личное горе, жил, растил и вырастил детей, ни дня не провел без колхозной работы. Есть в поселке улица имени Бреусовой. Кто такая? Екатерина Ивановна — телятница, уважаемый человек. Памятник в с е м, а ей — именная улица. На площади и на улице Колхозный бульвар — розы, розы.

— Девять тысяч роз высадили,— уточнил Николай Григорьевич.— Девять тысяч почему? Такое наше народонаселение, каждому чтобы по розе!

Я, разумеется, и хозяйственные данные в правлении записал, и они хорошие, но цифр не привожу, факты человеческих отношений дороже.

Мы говорили об уроках самодеятельности. Самодеятельность — слово привычное, особенно в деревне, но главный смысл его, первоначальный, с годами утрачен. А ведь это не только «два притопа, три прихлопа». Самодеятельность — естественная форма жизни подлинного хозяина в селе. Крестьянин всегда был прежде всего самодеятелен; другое дело, что ему до революции было не развернуться, захомутали его нужда, бесправие.

3

А кто нынче хозяин, кто нет — определяет и еще не раз определит д е л о. Но не слова о перестройке. Урожайность зерновых в центрально-черноземных областях (ЦЧО) неуклонно снижалась: девятая, десятая, одиннадцатая пятилетки как ступени вниз. Подводили погоды, это ясно. Но ведь именно здесь, в Воронежской области, создана модель степного земледелия — заповедная, докучаевская Каменная степь. Чтобы противостоять воле, капризам неба. Поля зонального НИИ сельского хозяйства и трех его опытно-показательных хозяйств не знают, что такое засуха. За сто лет несколько поколений земледельцев, исповедующих законы, открытые отечественной школой почвоведения, одолели здесь и суховеи, и бездождье, и эрозию почв!.. А рядом — безбрежные земли, теряющие гумус.

Бледные черноземы... Отчего бы это?

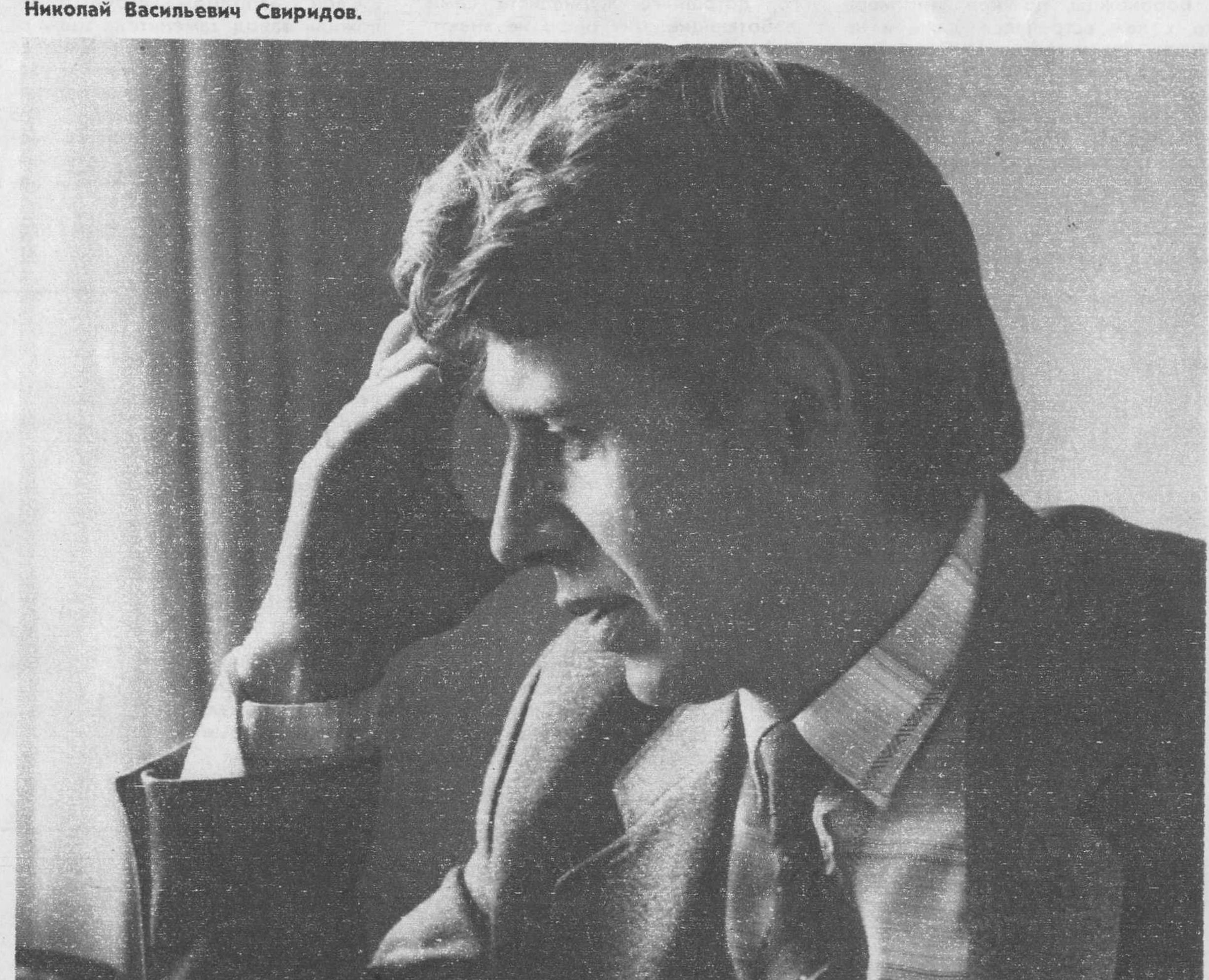
О земле на воронежской земле со мной говорили меньше всего; почти не говорили. А ведь все от нее, от земли. Как же так? С кого же тогда спрос? Почему вековой опыт Каменной степи никакое не достояние воронежцев и соседей их по ЦЧО? Сказались годы антиэкономики, годы администрирования. Когда «давай-давай» лишало земледельцев в о з м о ж н о с т и д е л а т ь землю, делать урожай. Внедряли сдельщину и вынуждали отмахнуться от немого зова земли...

— Сколько стóит земля?

Этот вопрос я задавал почти всем собеседникам моим в Аннинском, Верхнехавском, Хохольском, Рамонском районах. Воспринимали его как шутку. С детства мы

Николай Васильевич Свиридов.

все знаем, что земля, основное средство производства, у нас государственная, колхозам она дана бесплатно. Но к бесплатному известно какое отношение. От меня с интересом узнали, что в Москве земля стоит 21 копейку за пакет. Столько же стоит пачка вафель. Пакет тяжеленький, но небольшой, а в нем чернозем, не знаю, сколько. Стали гадать, пересчитывать, но и микрокалькулятор не помогал. Бесплатно—это более доступно. Но есть цена земле и другая: за отчужденную от колхоза пашню под строительство государственное предприятие платит несколько тысяч рублей за гектар. Но и эта недостойная цена с потолка. Ибо бесценны черноземы, единственные на планете, бесценна земля жизнеродящая.

Что, публицистика захлестнула? Да нет. Захлестывает сознание, что теряем самое главное национальное достояние. Пока доход наш национальный только на четверть создается в сельском хозяйстве — двадцать восемь процентов. Повысить эту долю — задача и серьезная, и неотложная. Государство за последние три пятилетия направило в сельское хозяйство много больше пятисот миллиардов рублей. Отдача была. Но не такая, чтобы могла удовлетворить всех нас, это видно по магазинам. Так что же, не в коня корм? Действительно, прирост в сельском хозяйстве за минувшую пятилетку составил чуть больше... одного процента. Так что забота о земле, о плодородии, точнее, о его воспроизводстве — главная на всю последующую жизнь! Сейчас на развитие АПК отпущена треть всех предстоящих капитальных затрат страны — до 1990 года. Так что все теперь зависит, как эта треть затрат окупится. Как отзовется каждый рубль? А это, в свою очередь, зависит от действительного отношения к земле. От тех, для кого нести ее бремя — призвание.

4

Воронежцы, по крайней мере те, с кем встречался, даже и не знают, что у них, в ЦЧО, стогекттарка дает продукции вдвое меньше, чем на Украине. Правда, здесь на одного занятого в сельскохозяйственном производстве приходится земли вдвое больше, чем на той же Украине. Да тут и хозяйства технически почти вдвое хуже оснащены... А почему?

Итак, круг замкнулся: снова речь о людях, о тех, кто остался в селе, остался на земле работать.

А качество работы связано напрямую с оплатой за нее... За работу? Или за выход в поле? Или все же — за наработанное, за продукцию? Нынче принцип оплаты за конечный продукт декларируется широко. Но применяется робко и чаще как бы косвенно. Все-таки привыкли в селе за двадцать пять лет к помесячному рублю. Хлеб в деревне не пекут! Благое когда-то дело теперь мешает росту производительности труда. Зарплата и в городе-то не определяет всей меры старания, проявляемого работником. А тут человек один на один с полем...

Но что еще более взволновало, так это ситуация, сложившаяся в бригадах на подряде. Работа людей по единому наряду там, где ее не только продумали, но и организационно, технически обеспечили специалисты,— явление положительное. И определяющее успех при хозрасчетных отношениях. Подряд выгоден всем и все же широко не внедрен до сих пор.

Пугает жесткая зависимость от реальных погодных условий? Люди сами отказываются от выгоды? Но есть ли они, выгоды работы на подряде? Помогло исследование воронежского коллеги В. Лободова. В растениеводстве в прошлом году каждый механизатор (в основном, конечно, механизатор) на подряде произвел продукции более чем на тысячу рублей. И за этот труд каждый получил по 165 рублей за месяц работы. А все остальные в поле работавшие произвели продукции каждый на... 73 рубля, но месячный заработок и у них неплохой, составил 133 рубля. Продукции меньше раз в четырнадцать, но оплата труда практически такая же. Производят почти вдвое меньше, чем проедают,— вот какая экономика. В животноводстве: свинарка на подряде «выращивает» свинины на 1432 рубля за 170 рублей в месяц, а на обычной ферме на 804 рубля практически за ту же зарплату.

Уверен, что в отличие от смелого, дотошного журналиста сами работающие этих цифр не знают. Но и, конечно же, з н а ю т! Чувствуют, что действительно творческий труд их, кто работает на подряде, оплачивается явно хуже.

5

За пятнадцать лет из сел и деревень Аннинского района ушли, выехали пятнадцать тысяч человек. Своеобразная социальная эрозия под стать эрозии почвы. Зато остались те, кто хочет жить в селе. Кто любит землю, не признаваясь в любви громогласно, и умеет на ней работать. Умеет — главное. И есть в районе семьсот пятьдесят специалистов — огромная сила. При отраслевой системе, которая нынче всепризнана, эти специалисты многое могут сделать: отстоять севообороты, отстоять право парового поля на существование и расширить его площадь до десяти, а то и двенадцати процентов и брать дешевые корма на поле многолетних трав, которые требуют затрат труда раз в пятьдесят меньше, чем та же свекла...

Николай Васильевич Свиридов — председатель совета Аннинского РАПО. Он агроном. Молод, работает, по всему видно, с удовольствием. И ориентируется в своем хозяйстве (районный колхоз!) отлично. Его врасплох не застанешь. Так вот, Николай Васильевич сказал, что ставка на людей с хозяйственной жилкой себя оправдывает. И еще оправдает себя. Совет РАПО старается прежде всего помнить о тех из тридцати четырех хозяйствах, которые пока не стали на ноги. Как председатель, он «держит вожжи»— не погоняет, а именно держит, чтобы бег с громоздкой телегой районного хозяйства был направленным.

— А то есть еще любители подскочить и дернуть за узду на полном скаку!..

В РАПО все специалисты прошли аттестацию, сразу стало видно, кто есть кто. Вся власть свелась к компетентности. Отношения между партнерами только договорные. Экономически оправданный подход к делу, любому.

— Учимся!— Николай Васильевич смотрел испытующе, глаза в глаза.— Без этого нельзя. Каждое одиннадцатое число каждого месяца День конкретной экономики. Не лекция, а коллективный поиск прибыли. Тактика — как деньги делать. И люди ожили, глаза загораются, находят выход из безвыходного!

Свой аэродром строим, заложили завод заменителя цельного молока,— перечислял Николай Васильевич.— Организовали и узаконили самовывоз молока партнером — масломолкомбинатом, это революция! Каждый шофер молоковоза — приемщик, учетчик, лицо, отныне ответственное и перед колхозом.

В колхозе имени Димитрова както накануне весны выставили всю наличность техники, и оказалось, что треть механизмов и машин ни разу не использовалась. Вот где мертвый капитал. Таких уроков немало. В районе разных машин на двенадцать миллионов, а все ли они используются? И тут же умная голова предложила: нужна комиссионная продажа. Тебе не надо — отвези в райцентр на «железную ярмарку», кто-то купит. Пора, давно пора торговлю противопоставить фондированию.

— Принцип кооперации — это единственный способ вырвать деньги у партнеров. В пользу колхоза. Но они тянут с отчислением. Пока ни сахарный завод, ни бывшая «Сельхозтехника» не перечисляют своего пая в фонд РАПО.

Я хорошо понимал недоумение Свиридова. Мне природа конфликта ясна: иное начальство в главках хотело бы помыкать селом.

Аннинскому РАПО нужен сухой обрат — установка действует, а из Воронежа приказ маслокомбинату: переключитесь на выпуск сухого молока. План-то, оказывается, заводу по-прежнему спускают оттуда. Вот вам и «перестройка»!

— А что вы, председатель? Какова ваша позиция?— негодуя на инстанции, спрашиваю Николая Васильевича.

— А я третейский судья, Соломон я,— парирует Николай Васильевич.— Но вообще-то за мной вся районная рать! Так что данную нам власть не упустим!

Побольше бы таких, как Свиридов! Побольше...

* * *

Закончу словами Василия Васильевича Докучаева:

«Если действительно хотят поднять русское земледелие, еще мало одной науки и техники, еще мало одних жертв государства: для этого необходимы добрая воля, просвещенный взгляд на дело и любовь к земле самих землепашцев».

Самих землепашцев!.. Они еще не везде почувствовали на себе это социально-политическое бремя. Счастливое бремя последней ответственности. Без них благие намерения останутся на бумаге. Но чтобы дело на земле и любовь к земле стали жизнью людей, они, эти люди в селе, должны и жить лучше, чем жили еще в недавнем прошлом. И даже чем живут горожане. Уж это-то ясно. Тут связь интересов — государственных и личных — прямая.

Уважаемые товарищи!

Выставка «Шедевры пяти веков» из собрания американского коллекционера Арманда Хаммера недавно открылась в Новосибирске. Прошу опубликовать в журнале репродукции с полотен Рембрандта, Рубенса, Тициана с комментариями искусствоведа.

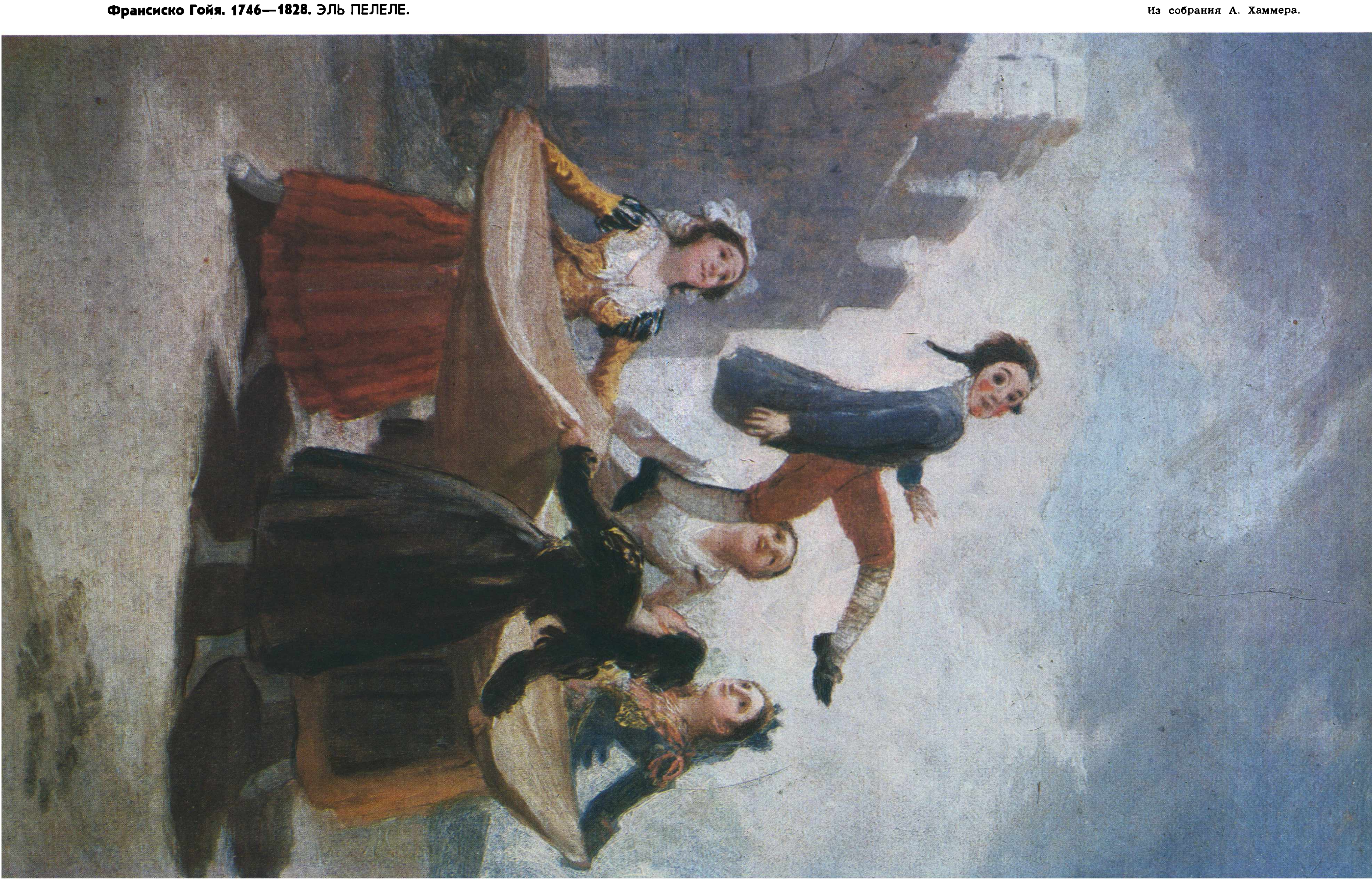
Учительница ЕРЕМИНА Е. С.

ОТ РЕДАКЦИИ: Публикуя в этом номере подборку картин из коллекции А. Хаммера, предполагаем напечатать в этом году цветную вкладку с репродукциями холстов, которые хочет увидеть наша читательница.

Франсиско Гойя. 1746—1828. ЭЛЬ ПЕЛЕЛЕ.

Из собрания А. Хаммера.

Жан Франсуа Милле. 1814—1875. ОТДЫХ КРЕСТЬЯН.

Из собрания А. Хаммера.

Всю ночь с 17 на 18 июня 1983 года микрохирург Рамази Отарович Датиашвили ждал прибытия из Литвы в Москву девочки по имени Раса, чтобы в операционной решить спор с судьбой в пользу ребенка, лишившегося по воле слепого случая обеих голеней. Операция по приживлению отрезанных сенокосилкой ног (на языке медиков она называется реплантацией) началась ранним утром и длилась больше девяти часов. Об этом «Огонек» рассказал в № 40 за 1983 год.

Беда трехлетней девчушки из далекого хутора взволновала всю страну. И, пока Раса лежала в хирургическом центре, в редакцию шли теплые письма девочке, которая стала всем родной. «Почта девочки Расы» —так назывался наш второй материал об этом случае (№ 1, 1984 год).

Прошло три года, а письма Расе продолжают приходить в «Огонек». Всех волнует, как она живет, удачна ли операция. И вот мы снова в Литве.

Ю. СУРХАЙХАНОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

«Поплавать» необходимо для закалки.

Раса идет в школу

Республиканская Неменчинская детская больница расположилась километрах в тридцати от Вильнюса. Там находится сейчас Раса. Больница эта санаторного типа, предназначена для укрепления здоровья детей. Расположена она в сосновом лесу, тут же школа. Обычно дети здесь не задерживаются больше двух месяцев и возвращаются домой, окрепшие, к старым друзьям и прежним играм.

Раса в больнице провела три года. Ей делали различные процедуры, массаж, разрабатывали травмированные мышцы — словом, в буквальном смысле ставили на ноги. Все это время она находилась под опекой заведующей травматологическим отделением Р. В. Сарулене.

— Обо всем, что произошло с Расой,— рассказывает Регина Вацлавовна,— мы прочли в газетах. И вдруг узнаем, что она едет к нам. Конечно, это большая ответственность, ведь столько людей приложили большие усилия, чтобы спасти девочку. У нас бывали дети с тяжелыми травмами, но это уникальный случай — пришитые ноги. Через несколько недель после прибытия к нам Раса начала делать 2—3 шага, а когда пошла по-настоящему, сотрудники из всех отделений собрались и, знаете, плакали и радовались. Это был самый большой праздник в нашей больнице за десять лет ее существования.

И сейчас на лице Регины Вацлавовны улыбка, а в глазах слезы.

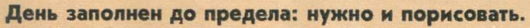
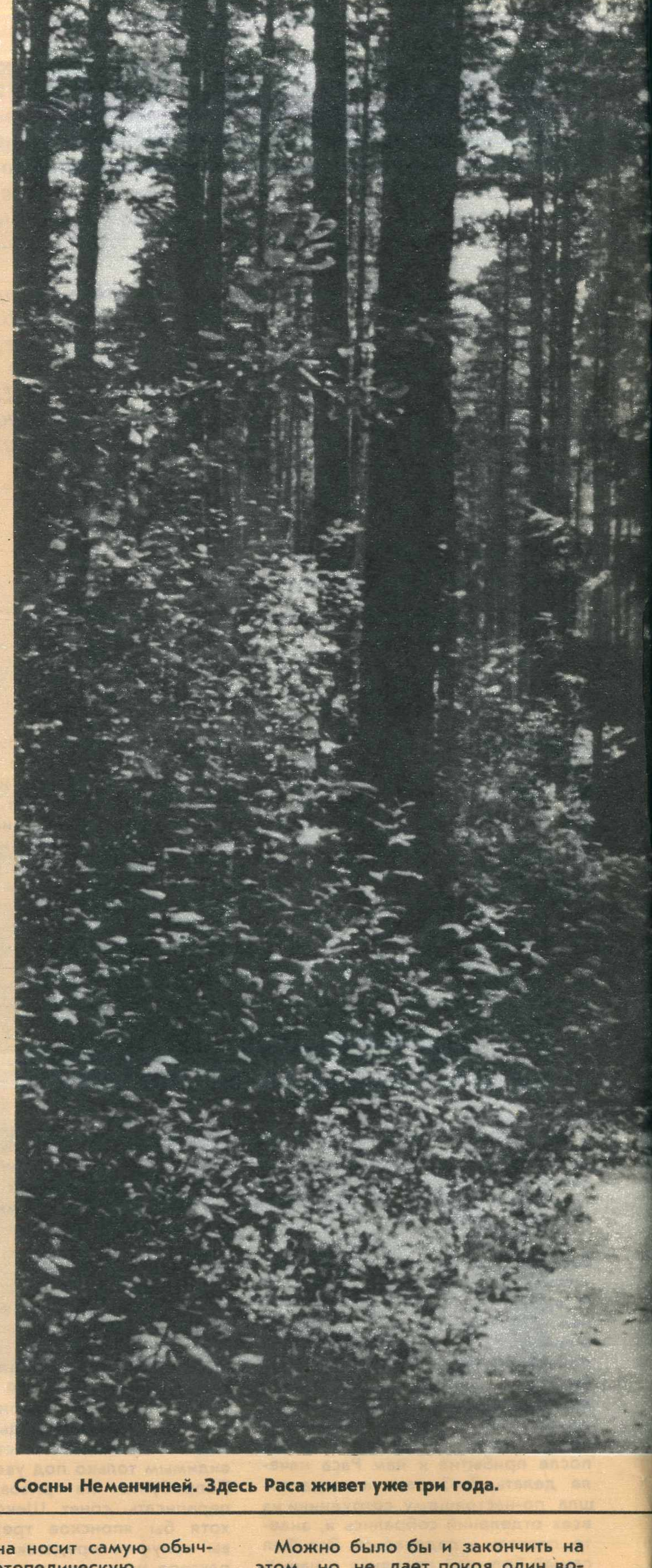
Так получилось, что Рамази Отарович Датиашвили приехал из Москвы в Вильнюс одновременно с нами. Раса встретила его огромным букетом цветов и первое время вообще не отходила ни на минуту от своего спасителя.

Должен сказать, что девочка, вероятно, понимая, чего от нее хотят, с удовольствием демонстрирует свои возможности. Прыгает через скакалку, играет в футбол — и с такой силой лупит по мячу, что замирает сердце. Девочки в этом возрасте все немножко обезьянки, любят понравиться, привлечь внимание. Не чужда этого и Раса, как только видит, что от нее отвлеклись, капризно топает ножкой и кричит мне: «Юра (она всех зовет по имени), идем играть!» Но когда внимание людей сосредоточено на ее ногах, она сразу же становится серьезнее, всеми своими действиями показывая, как далеко она продвинулась в лечении. Видимо, Раса знает, что произошло с ней, вот только не до конца осознает, насколько это сложно и серьезно.

Если Раса за три года удивительно похорошела, то этого не скажешь о ее «крестном отце». У Датиашвили появились седина, ранние морщины, сутуловатость. Работа микрохирурга не красит его внешность. Профессор Виктор Соломонович Крылов, руководитель центра микрохирургии, разрешил нам как-то присутствовать на нескольких операциях, мы видели, чего они стоят хирургам. Травмы чаще всего происходят днем, пока доставят пострадавшего, наступает ночь. И тогда хирург и ассистент садятся за микроскоп голова к голове и так, склонившись над чужой бедой, работают десять — четырнадцать часов. Мельчайшие сосуды, нервы — все это сшивается инструментом, видимым только под увеличением. Попробуйте на рисовое зерно переписать сонет Шекспира или хотя бы японское трехстишие и вы получите представление о характере нагрузок микрохирурга — весьма, впрочем, отдаленное.

Три дня в общей сложности мы провели с Расой. В этом году девочка идет в школу, и мы по поручению коллектива редакции «Огонька» купили Расе форму, которую она сейчас же надела, и ранец.

Раса, она сидит у меня на коленях, воспользовавшись тем, что мы заняты беседой с Рамази Отаровичем и главным врачом Адольфом Юозовичем Имбрасасом, завладела моей записной книжкой, ручкой и возится с ними. Нарисовала в моей записной книжке домик, собачку и цветок. «Ты можешь написать свое имя?»— спрашиваю ее. Утвердительно ки-

День заполнен до предела: нужно и порисовать.

Сосны Нeменчиней. Здесь Раса живет уже три года.

вает и старательно выводит латинскими печатными буквами — RASA. На «бис» пишет, опять же печатными буквами — МАМА, тут уже не определить, какой шрифт, латинский или кириллица. Стараясь, чтоб в голосе не прозвучало недоверие, которое в глубине души все же было, спрашиваю: «А на русском языке можешь писать?» Опять кивает. «Ну напиши что-нибудь». Раса задумалась, и тут кто-то из медперсонала подсказывает: «Напиши «Огонек». Уверенно начав писать слово, наверняка ей незнакомое, Раса вывела четыре буквы, но на пятой «Ё» запнулась, пририсовав что-то вроде ласточкиного хвоста к букве «Н». Поколебавшись, она взялась писать заново, и на этот раз получилось.

Учить письму не входило в обязанности медиков, но Раса очень восприимчивый, очевидно, с богатым воображением, любознательный ребенок. Поэтому с ней интересно заниматься. Еще у нее большая склонность к самостоятельности и даже лидерству в коллективе: мы обратили внимание, что она верховодит в группе, где большинство детей старше ее и намного крепче. Словом, чтобы перейти в новое качество — стать школьницей, Раса готова не только физически... Шестилетняя девочка (семь ей исполняется в октябре) уже может делать кое-что из того, чему ее будут учить в школе.

И во всем остальном Раса растет и развивается как нормальный, полноценный ребенок — это констатировали все медики, кстати, обувь она носит самую обычную, а не ортопедическую.

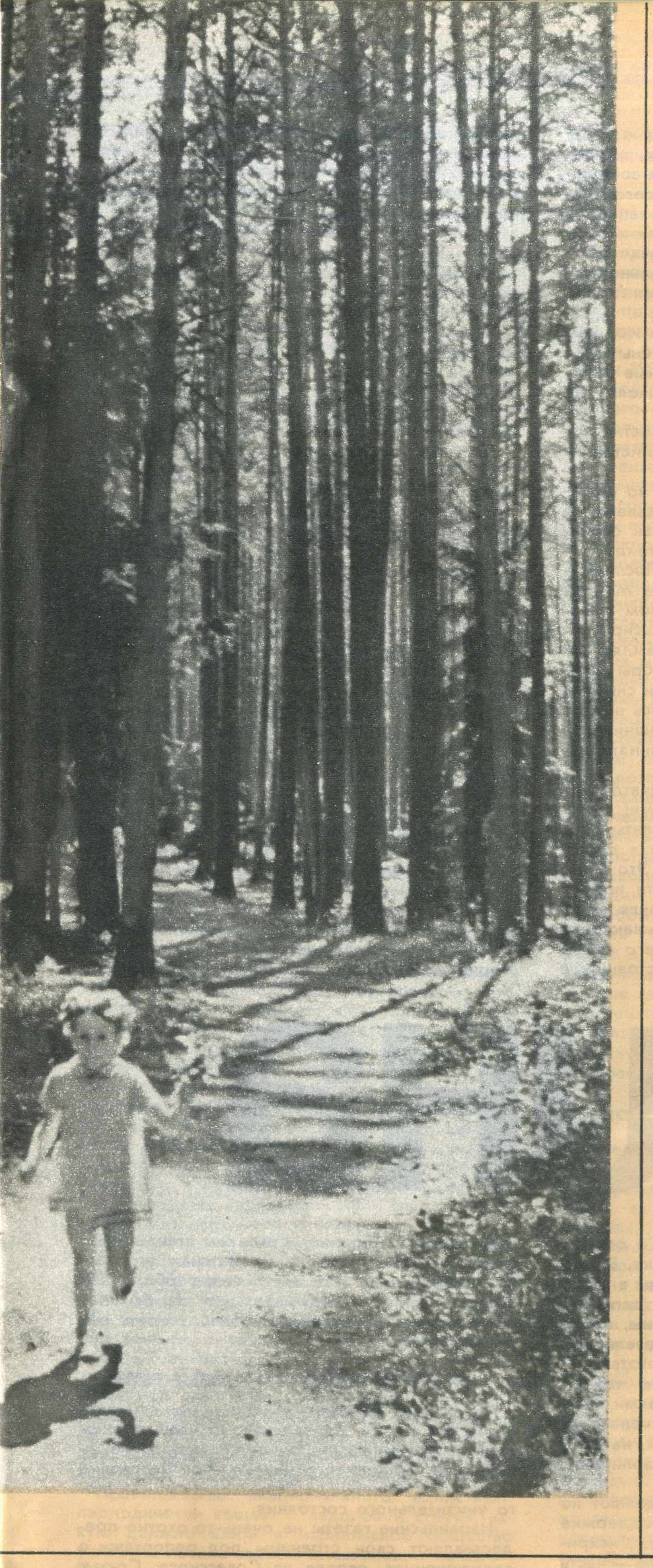
Однажды, это случилось на следующее лето после травмы, Раса, усыпив бдительность воспитательницы, влезла на дерево. Сбежался почти весь персонал больницы. Ее упрашивали спуститься вниз поаккуратнее, а она лишь весело хохотала и долго не желала спускаться, словно наслаждалась переполохом, который устроила.

— Вы знаете,— подвела итог своему рассказу Регина Вацлавовна,— было очень страшно, вдруг упадет, но когда она благополучно спустилась, мне стала так понятна эта ее радость, ее победа.

Действительно, Раса настолько подвижна, что кажется, будто в ней сидит по меньшей мере три девочки.

Можно было бы и закончить на этом, но не дает покоя один вопрос. Он навеян статьей в журнале «Журналист», посвященной соблюдению этических норм в публикациях на медицинские темы. В частности, в ней давалась отрицательная оценка того, как освещался в печати и на телевидении случай с Расой. Главный упрек журналистам — не была соблюдена анонимность пострадавшей девочки. И хотя автор не называет никаких имен, и в частности наш журнал, статья эта будит ответные размышления.

Разумеется, журналисты, писавшие о Расе, отбирая факты, должны были всякий раз задаваться вопросом: не будет ли она от этого страдать на протяжении своей жизни (в школе или когда

Но больше всего она любит футбол.

достигнет возраста невесты)? А ведь вопрос не праздный, речь идет о судьбе человека, о его душевном комфорте в будущем.

Журналистская этика не свод законов, а наш нравственный, профессиональный ориентир. Она требует не только осторожности, но и смелости. И в каждом конкретном случае пишущий сам определяет степень допустимого в интимных вопросах, когда речь идет о личности и личной жизни — здесь все зависит от такта самого журналиста.

Раса, естественно, не была объектом эксперимента и не могла быть им. Методика приживления разрабатывалась много лет в отделении микрохирургии Всесоюзного научного хирургического центра Академии медицинских наук СССР. К моменту, когда произошло несчастье с Расой, были проведены уже сотни успешных реплантаций. Эта работа ученых была удостоена Государственной премии СССР. Но вот парадокс: хотя сообщения о таких операциях появлялись в печати, но без упоминания имен спасенных людей, микрохирургия оставалась в тени, а «приживление» и вовсе считалось «черной магией» не только для «простых смертных», но и для многих медиков, от которых зависело направление на эту операцию.

Анонимность героя абстрагирует и все случившееся с ним, размывая границы реальности происшедшего, вплоть до вторжения в область научной фантастики. И было бы небезынтересным сейчас подсчитать, сколько человек за три прошедших года попали на реплантацию, а не остались калеками, именно благодаря огласке случая с конкретной Расой, а не абстрактными Н. В., Б. К. ...

Этот материал мы готовили полтора месяца. Были соображения «за» и «против». Но, может быть, вопрос в пользу публикации решился окончательно, когда мы увидели спустя два месяца после операции ноги Расы без гипса, обычные детские ножки, и врач сказал, что она будет ходить, бегать, как все дети.

Почему мы боимся показывать страдание? Ответное ему — чувство сострадания: врожденное, чистое, но, увы, робкое. Его даже стесняются, особенно в детстве. Мы пытаемся культивировать сострадание на искусственном субстрате: «зайчик попал под трамвайчик». Кому из дошколят не читают добрых книжек? А каковы их плоды, когда дети вырастают? Почему «очкарики», «хиляки» становятся изгоями в школе? Причина одна — не воспитана способность сострадать.

А случай с Расой — конкретной, неабстрактной — вот она на обложке «Огонька»,— может быть, впервые многих детей, узнавших про нее, заставил подумать и понять, что все мы сделаны из весьма непрочного материала... И почувствовать чужую боль как свою, что и есть сострадание. Почта от школьников не только сострадание сегодня, но и нравственная поддержка Расе в будущем.

Цезарь СОЛОДАРЬ

паутина

ЭТО — АПАРТЕИД

В современном израильском обществе все явственнее наблюдаются признаки апартеида — крайней формы расовой дискриминации, осужденной в 1973 году Международной конвенцией ООН. Эта конвенция, принятая международным сообществом, предусматривает не только меры по пресечению апартеида, но и наказание за такое преступление против человечества.

Передо мной репортаж о рабовладельцах из Тель-Авива, опубликованный Лили и Жан-Пьером Франей в парижском журнале «Революсьон». С условиями труда палестинских арабов французские журналисты познакомились в городе Калькилья на Западном берегу реки Иордан:

«Рано утром отправились посетить «рынок рабов»— так палестинские арабы называют «черный» рынок рабочей силы. Люди толпятся там в ожидании появления израильских хозяев. Подъезжает машина, израильтянин выбирает несколько человек и уезжает с ними. Бедняки не осмеливаются даже спросить о плате.

Не брезгующие ничем хозяева не довольствуются тем, что эксплуатируют рабочего практически за гроши, они еще и задерживают выдачу заработной платы, а тех, кто слишком настойчиво ее требует, прогоняют или даже избивают. Отдельные хозяева проявляют подлинное коварство, вызывая полицию для ареста тех рабочих, которым сами предложили переночевать у себя в Израиле (что запрещено арабам с оккупированных территорий).

За ничтожную плату арабы трудятся на самой тяжелой работе. Среди них высок процент несчастных случаев. Когда кто-то получает травму, хозяева в один голос говорят: «Мы не имеем к этим людям никакого отношения».

На примере большинства предприятий Западного берега реки Иордан французские журналисты убедительно показали, как свертывание производства и сокращение заказов «в первую очередь сказывается на рабочих арабах — за последний год их заработная плата уменьшилась на одну треть». Вот один из них — Махмуд Аббас, отец одиннадцати детей, единственный кормилец семьи. О нем рассказывают авторы репортажа. Он соглашается на любое понижение своей заработной платы, ибо в условиях оккупации не может обучиться какой-либо специальности и лишен возможности получить работу в другом месте. В случае увольнения он, как и большинство местных жителей, не получит компенсации, а о пособии по безработице и говорить нечего.

«Беднейшие среди бедных арабские жители сектора Газа, также оккупированного Израилем, остаются изгоями на своей земле,— установили на основе непосредственных наблюдений Лили и Жан-Пьер Франей.— Будучи не в состоянии обеспечить себе средства к существованию в Газе, где безработица достигает 40 процентов самодеятельного населения, многие поселились поблизке к так называемой «зеленой линии» (отделяющей Западный берег и сектор Газа от Израиля), чтобы попытаться найти работу в Израиле. Живут они в ужасных условиях по пять человек в комнатке, в лачугах, кишащих крысами...»

Репортаж французских журналистов с оккупированных Израилем палестинских земель мало чем отличается от повседневных сообщений оттуда, где апартеид достиг своего апогея,— из ЮАР и индейских резерваций в США. Разве то, о чем сообщают Лили и Жан-Пьер Франей, не есть лишение или существенное ограничение политических, социально-экономических и гражданских прав коренной части населения вплоть до ее изоляции! Разве современные изгои Западного берега Иордана и сектора Газа фактически не поставлены Тель-Авивом вне закона! Разве современные работорговцы сионистского толка не довели до предела свою расистскую практику!

Апартеид на оккупированных палестинских землях идет в ногу с геноцидом сионистов на земле истерзанного Ливана.

Строго документальный репортаж во французском журнале «Революсьон»— далеко не единственное доказательство того, как сионистский расизм дает метастазы апартеида.

Я видел документальный фильм «Послушайте!» кинодокументалиста из Мюнхена Моники Маурер. Подпольно — в самом прямом смысле слова — снят этот фильм на аннексированных израильтянами палестинских землях Западного берега реки Иордан. Операторы пользовались скрытой камерой, порой они снимали на ходу из автомобиля. Это отразилось на техническом уровне ленты, но зато лишний раз укрепило веру зрителя в то, что принято называть правдой жизни.

Как горька она, эта правда, запечатленная Моникой Маурер и ее помощниками! Палестинцы, которых израильские оккупанты пока еще не выгнали из их домов, живут в постоянном страхе, в мучительной тоске. Это можно увидеть на лице матери, чьи дети играют на улице, по которой проходит патруль оккупантов, на лице старика, обрабатывающего жалкий клочок земли, оставленной его семье израильтянами; на лицах людей, стоящих с ведрами в очереди к единственной в огромном поселке водоразборной колонке. Ведра разрешается наполнять только дважды в день. Израильские же власти с демонстративной щедростью заполняют водой бассейны, предназначенные исключительно для развлекающихся еврейских богатеев.

Палестинские жители лишены не только хлеба и воды, работы и учебы. Побоями, пинками, руганью их пытаются лишить человеческого достоинства. Везде — на улицах, на рынках, в их собственных домах — их изолируют, третируют, уничтожают.

Все это сионистские оккупанты делают не только с ведома, но при прямой поддержке администрации Соединенных Штатов. Дискриминация палестинцев на их же земле — часть запланированных стратегических планов американского империализма. Ему нужна кровоточащая рана на теле Ближнего Востока. О том, чтобы такая рана не заживала, усердно заботится его верный жандарм — Израиль.

Когда заканчивалась работа над этими очерками, сионистская пресса с удовлетворением отмечала «вынужденное, но достаточно строгое усмирение властями ЮАР мятежников из среды черного населения». За этой насквозь лживой формулировкой — длительная, тотальная расправа расистского режима с борющимся коренным населением страны. Против жестокой этой расправы с борцами за элементарные человеческие права подняли голос протеста все прогрессивные люди мира. Даже вашингтонским руководителям пришлось выдавить из себя скупые слова формального возмущения и пробормотать нечто невнятное о каких-то неопределенных санкциях в отношении ЮАР. Но Израиль не снизошел и до этого. Премьер-министр Шимон Перес во всеуслышание заявил, что Израиль не прекратит дружбы с ЮАР. Пять тысяч израильских военных инструкторов обучают юаровских карателей, расстреливающих коренных африканцев из израильского же оружия.

Сионистские правители Израиля и режим ЮАР накрепко связаны коричневой паутиной расизма, нитями, пропитанными кровью людей двух «неполноценных», с их точки зрения, рас— африканской и арабской.

Нерушим союз сионистских и южноафриканских расистов на базе ядерного содружества. При всесторонней поддержке правительства США, которое не возражает даже против того, что израильская агентура «ворует» из американских военных складов электронные устройства для ядерной бомбы! Израиль вместе с ЮАР добивается овладения различными видами ядерного оружия.

Но сейчас у израильских политиканов новая большая радость: Вашингтон предложил Тель-Авиву участвовать в милитаризации космоса.

Впрочем, известный тель-авивский обозреватель Ш. Гимельфарб без обиняков назвал свою восторженную статью на эту тему «Звездные войны» и израильская политика».

Из чего же исходит израильская политика? Прежде всего из постулата, откровенно игнорирующего опасность милитаризации космоса для жизни всех людей планеты, включая, конечно, и территорию Израиля: «Поскольку речь идет о системах оружия, основанных на самой современной технике в мире, каждое государство, к которому США обратились с предложением присоединиться к СОИ, должно чувствовать себя польщенным: ведь только государство с высоким техническим потенциалом может быть партнером по работе над таким проектом».

Но у несказанно польщенных сионистов имеется более веская причина благожелательного отношения к предложению участвовать в безмерно опасной для человечества милитаризации космоса. Причина столь же стандартная, сколь и клеветническая: «советская угроза». По утверждению того же Гимельфарба, в Советском Союзе только и думают, как бы «помочь арабам уничтожить Израиль, стереть его с лица земли».

ЦЕНТРЫ АБСОРБЦИИ — НОВЫЕ ГЕТТО

Положение евреев — выходцев из социалистических стран в Израиле час от часу ухудшается. И материальное, и моральное. И «бывшие» все явственней ощущают свое бесправие и, главное, полнейшую безвыходность из такого унизительного состояния.

Израильские газеты не очень-то охотно предоставляют свои страницы под репортажи о злоключениях евреев из Советского Союза. Но о бедственном положении матери четверых детей все же в марте 1985 года рассказали. И даже указали точный адрес несчастной семьи: Ор-Акива, Шикун Шазар, 809/16, на четвертом этаже. Но этаж-то из-за дырявой крыши, венчающей дряхлый, полуразрушенный дом, к жилью не пригоден. Единственная радость, цинично острит израильский журналист,— это бесплатная дождевая вода. Мать вынуждена была с одной временной работы переходить на другую, а затем оказалась безработной. Старший сын, получив увечье на производстве, стал инвалидом. Средний призван в воинскую часть, действующую на оккупированной ливанской территории. Ему известно, что два его брата и мать, преждевременно превратившаяся в немощную старуху, голодают.

«Тут соседствуют юмор со слезами, а легенда с ложью»— к такому «глубокомысленному» выводу приходит журналист Яков Абаев.

Нет, тут от начала до конца царствует горькая правда о наплевательском отношении сио-

Окончание. См. «Огонек» №№ 33—34.

нистских властей Израиля к судьбе приехавших в страну людей, в том числе бывших советских граждан. То, о чем рискнул рассказать Абаев,— одна из многих наглядных иллюстраций к словам о «гетто для евреев из России», не раз звучавших на провалившемся 5-м «съезде» объединения выходцев из СССР в феврале 1985 года. Хотя руководители объединения (их-то министерство абсорбции и сохнутовцы сумели своевременно купить, как говорится, с потрохами!) старались провести съезд под сионистскую дудку, в резолюции пришлось все же признать: «Выходцы из СССР должны организоваться в мощный кулак, который в условиях израильской деятельности пробьет стену пассивности, враждебности, бюрократической вакханалии».

Пусть у читателя не создастся впечатления, что упомянутый «съезд» действительно представлял собой массовую организацию, более или менее полно объединяющую бывших граждан СССР. Только закончился «съезд», как посыпались резолюции протеста других «объединений» и «федераций» олим, утверждающих полную незаконность съезда. Как видите, борьба между всякого рода иммигрантскими организациями не только не стихает, но, наоборот, накаляется. Каждая старается урвать куш побольше из подачек министерства абсорбции и Сохнута. Преуспевают в этом жалком соревновании те «объединения», чьи руководители наиболее щедры на антисоветские резолюции и заявления.

И все же ни один «съезд» олим сионистам и их прихвостням из новоприбывших не удается провести по своему сценарию.

В одном выступлении можно было услышать, что центры абсорбции олим из Советского Союза превращены в своеобразные гетто. В другом подчеркивалось, что еще более отчаянное, совершенно бесправное положение евреев из Эфиопии — слабое утешение для бывших советских граждан, официально поставленных на несколько (!) ступенек выше бывших эфиопских. Сионистским подголоскам пришлось услышать и такое: «Мы понимаем, что мы нужны вам главным образом как орудие пропаганды против Советского Союза. Вы нам упорно вдалбливаете, что вся пропагандистская кампания в защиту евреев СССР строится на логике существования государства Израиль. Вы так поглощены этой логикой, что вам некогда подумать, как многие олим мучаются без квартир и работы, как инженер работает сторожем, а музыкант чернорабочим, как многие находятся прямо-таки под следствием — чистые они евреи или нечистые».

Под напором таких выступлений (их изложение я позаимствовал из израильской прессы) Герцель Гродник от имени президиума 5-го «съезда» вынужден был сквозь зубы признать: «До сих пор не решена проблема обеспечения жильем, тысячи олим вынуждены проживать в центрах абсорбции и на временных квартирках. До сих пор действует правило, по которому при любом сокращении штатов в первую очередь страдают олим. Тысячи олим прибыли в страну в возрасте пятидесяти и более. Однако существующие законы не учитывают стаж при начислении пенсии».

Правительство «национального единства» * периодически вещает о «здоровой струе», какую должно влить в израильское общество усиление потока евреев, выезжающих из СССР. Под «здоровой струей», вероятнее всего, понимается вербовка кадров для проживания в военизированных поселениях на оккупированных территориях. Но вот о том, как обеспечить жертвам вербовки мало-мальски сносное существование, лидеры «национального единства» молчат. Эту «второстепенную» проблему они отодвигают на задний план под натиском более важных для них дел: продолжение оккупации многих районов Ливана по фарисейскому способу «уходя — остаться»; разжигание вражды между различными религиозными и социальными слоями ливанского населения; преследование палестинцев любыми методами вплоть до бандитского нападения бомбардировочной авиации на территорию Туниса; наглая подготовка к нападению на Ливию и т. д. и т. п. Всего «неотложного» не перечислишь. Если даже израильские власти паче чаяния и сочтут проблему обездоленных олим «первостепенной», она все равно будет решаться на расистский лад в интересах сионизма: «новоприбывшим» противопоставят «коренных».

* Это «единство» сионистских партий из числа сторонников Бегина — Шарона и сторонников Переса — Рабина сами израильтяне откровенно именуют «свадьбой ради развода».

Все эти преступные акции израильских властей подрывают само израильское общество, подогревают расизм и усиливают фашистскую опасность в стране — вот к какому выводу пришел пленум ЦК Коммунистической партии Израиля, решительно осудивший в конце сентября 1985 года политику террора оккупационных войск против палестинского населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа. За попытки сионизма карательными деяниями превратить эти исконные земли палестинцев в израильскую Иудею и Самарию, а также за фактическое продолжение интервенции в Ливане государство Израиль платит дорогой ценой — изо дня в день ухудшается его экономическое положение. Оно, как подчеркнули участники пленума ЦК КПИ, характеризуется беспрецедентным обнищанием трудящихся.

Обнищание! Это страшное слово можно было услышать не только на форуме израильских коммунистов, но и прочитать в официальных материалах израильского института национального страхования, проведшего исследование доходов населения. Выводы поистине беспрецедентны: на долю 30 процентов израильских семей с наименьшей заработной платой приходится только лишь 4 процента всех доходов. Материальный уровень жизни этих семей, не считая безработных и «неучтенных неимущих», опустился значительно ниже официального (то есть завышенного!) уровня бедности. Это означает: бедняки ютятся в так называемых «мааборотах» — жалких, кишащих крысами лачугах; бедняки лишены возможности обеспечить семью минимумом продуктов первой необходимости; дети бедняков не учатся в школах. Но в исследованиях института приведены и другие цифры: высокообеспеченные семьи — их в Израиле 10 процентов — присвоили себе 34 процента всех доходов. Их жизнь, полную безудержной роскоши и неограниченных затрат, порою небезосновательно сравнивают с пиром во время чумы.

ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮЕТ

Фред Розенблат. Некоторые американские евреи произносят это имя негодующе. Иные — с отвращением. А большинство — с чувством стыда за разбойничьи деяния «лиги защиты евреев», возглавляемой Розенблатом.

На этом посту он оказался достойным преемником бандитствующего раввина Кахане. Раввин, переселившись в Израиль, сделал большой скачок в своей карьере: хотя израильские власти вынуждены были неоднократно арестовывать и даже судить его, он все-таки добился депутатской неприкосновенности — избиратели, примыкающие к профашистской партии «Ках», протащили Кахане в депутаты кнессета *.

У него есть все основания быть вполне довольным деятельностью Фреда, которого американские евреи прозвали Фердом — на идиш лошадью.

На верную лошадку поставил Кахане. Подобно своему предшественнику, Фред Розенблат совершает один террористический акт за другим. В ноябре 1985 года он, к примеру, организовал поджог здания, где помещается штаб-квартира Антидискриминационного комитета американцев арабского происхождения. Ворвавшиеся в комитет сионистские террористы осуществили поджог с таким размахом и рвением, что только по счастливой случайности не было человеческих жертв. Но все еще впереди, считает Розенблат. В телеграмме за своей подписью он предупредил Антидискриминационный комитет: «Плохо, что мы вас не застали, когда нанесли свой визит. Надеемся скоро посетить вас снова». Вот как Фред Розенблат и его приверженцы, которых в США по старой памяти продолжают именовать кахановцами, своеобразно понимают «защиту» евреев. А ведь защищать американских евреев действительно надо. От оскорблений, нападений, погромов.

* Впрочем, он продолжает наведываться в США. Летом 1985 года Кахане приехал туда с единственной целью: оживить давнишние контакты со старейшей антисоветской организацией — пресловутым НТС и с махрово-контрреволюционной сворой украинских националистов — ОУН. По мнению основателя террористической «лиги» и организатора еврейских погромов, теперешним энтээсовцам и оуновцам следует более усердно вместе с кахановцами «защищать» евреев путем антисоветских хулиганских вылазок.

Процитируем усопшую тель-авивскую газету «Трибуна». В пространном сообщении «Евреи Бруклина не уступают насилию» говорится:

«Еврейское население бруклинского квартала Барроу-парк (район Нью-Йорка неподалеку от местонахождения основных служб кахановской лиги.— **Ц. С.**) начало организованную акцию по самозащите, чтобы положить конец участившимся набегам антисемитских хулиганов на местных евреев.

Председатель бруклинской еврейской общины несколько раз обращался к ответственным властям Бруклина с просьбой усилить полицейскую охрану в Барроу-парк, особенно в вечерние часы, но до сих пор не получил соответствующих обещаний.

Бездействие властей еще больше поощрило хулиганов. Тогда местные евреи организовались сами, чтобы принять эффективные меры для самозащиты. С этой целью они создали сеть патрульных машин, в которых добровольцы дежурят, сменяя друг друга в течение суток. Патрульные машины снабжены необходимым оборудованием для оказания скорой помощи и для немедленной отправки пострадавших в больницу».

Приведу еще короткую выдержку из корреспонденции Берла Фримера «Еврейская беднота в богатом Лос-Анджелесе», опубликованной в тель-авивской газете «Наша страна»:

«Немногое известно об обездоленных евреях Америки, влачащих жалкое существование. Вот официальные статистические данные, собранные группой социальных работников по просьбе муниципалитета Лос-Анджелеса: 30 000 еврейских семей в городе живут на грани полной нищеты. Эти 30 000 семей насчитывают 56 000 человек. Не следует скрывать тот факт, что в Соединенных Штатах имеется еврейская нищета. Лишь десять процентов состоятельных американских евреев составляют прослойку еврейской общины США. А тяготы антисемитизма падают на беззащитных остальных...»

Приведенные цитаты относятся ко второй половине семидесятых годов.

А как обстоит дело десять лет спустя, во второй половине восьмидесятых? Изменилось ли что-нибудь?

Изменилось. К худшему.

Ноябрь 1985 года. Сорок седьмая годовщина приснопамятной гитлеровской «хрустальной ночи». К этой дате американские неонацисты приурочили в Бруклине разгром четырнадцати еврейских лавок. Дабы подчеркнуть расистский характер своей вылазки, погромщики нарочно выбрали для своей бандитской акции улицы, где проживают семьи евреев, вызволенных в конце второй мировой войны из гитлеровских лагерей смерти.

Так называемая большая пресса Америки не уделяет почти никакого внимания непрерывно растущему в стране антисемитизму. Даже о самых отъявленных погромных вспышках она упоминает мимоходом как о второстепенных происшествиях. В то же время ректор Массачусетского университета Даффи прямо признал, что «антисемитизм — это проблема американского общества».

Определение по существу весьма и весьма сдержанное. Думаю, более точен бывший харьковчанин, бывший врач и, как он сам о себе говорит, бывший человек Борис Менделевич, изведавший после бегства из Израиля восемь месяцев «свободной» жизни в США:

— В детские годы я впервые услышал об ужасах ку-клукс-клана. В юности мои ближайшие родственники стали жертвами нацизма. А в зрелом возрасте мне пришлось воочию увидеть, что представляет собой сплав ку-клукс-клановщины и неонацизма. Было это в Бронксе — районе Нью-Йорка, где сгрудились и притворяются, что живут, бывшие советские граждане еврейской национальности. И те, кто бежал из Израиля, и те, кому «пофартило» попасть в Соединенные Штаты, минуя Израиль. Хотя Бронкс в порядке горькой шутки именуют изолированным еврейским местечком на территории Нью-Йорка, и там нас настигают антисемиты. Об оскорблениях на улицах и в магазинах я уже не говорю. Иногда стано-

КУДА они уходят?

Станислав ТОКАРЕВ

Как же меняется он внезапно, этот юноша, этот спортсмен! Еще позавчера никому не известный, кроме доброго тренера и доброй мамы, он был скромен, воспитан, тише воды ниже травы уходил домой со стадиона. Но позавчера вечером он побил мировой рекорд, в него впилась пресса, готовая тотчас тиражировать мудрые мысли, каковых у него пока нет, и придумывать их за него. Телевидение на весь мир продемонстрировало милое лицо. Вчера наш знакомый, что называется, проснулся знаменитым, у него обнаружилось множество обязанностей: выступать, присутствовать, заседать в президиумах. Обнаружилось множество новоявленных друзей, готовых к услугам. Каким неприступным стал он, как высоко и гордо закинул голову! А сегодня, представьте, он уже ветеран — в спорте своя геронтология. Пробил его час переплыть ту реку, которую никому из них не миновать. И на лице его растерянность, он внезапно обнаруживает, что не нужен ни друзьям, ни тем, кто под локотки провожал его на пресс-конференции. Как же так? Что случилось? Помилуйте, он тот же, что был...

Куда уходят чемпионы? Чемпионы практически в 99 случаях из 100 на вопросы журналистов о том, как планируют они будущее свое, отвечают: «Хочу быть тренером».

Механически отвечают. Бездумно. Даже, прямо скажу, чтобы отвязаться. Тут недавно веселые эстрадники изображали интервью с известной гимнасткой. «Когда я в семь лет уйду со спортивной арены, стану тренером». Это так смешно, что даже грустно.

«Куда уходят?» — носится в воздухе как знак, как гамлетово: «Неладно что-то в королевстве»...

Не единицы, не десятки, а сотни ежегодно оставляют большой спорт. Иногда это количество резко повышается, когда спортивные организации проводят очередное омоложение, волевым методом избавляя сборные от тридцатилетних, а то и двадцатилетних (в зависимости от вида спорта) «ветеранов».

На моих глазах долго, упорно и настойчиво пытались проводить с помоста замечательную гимнастку Нелли Ким. Она не поддалась нажиму и в двадцать два года стала чемпионкой мира. Да зачем же за примерами далеко ходить? Чемпионат мира по футболу недавно продемонстрировал нам, в какой большой спортивной цене тридцатилетние — уже умудренные жизненным опытом, но еще в самом еще мужском цвете и соку. Они основа, опора, костяк. Убедились мы также и в том, что именно таких-то не хватало нашей сборной, вот и хрустнули ее тонковатые косточки.

Бог ты мой, Людмила Пахомова и Александр Горшков, совершенные в искусстве ледового танца, не совсем уж так по собственной воле покинули арену. То есть, конечно, нашлось кому их заменить на несколько лет, и позолоченные медали столько же весили, но сколько же счастья могла бы еще принести нам Людмила Пахомова, чародейка, и болеть-то начавшая после ухода.

Но это, повторяю, чемпионы. А еще и о нечемпионах я должен повести речь.

На состязаниях боксеров информатор объявляет: «В красном углу мастер спорта такой-то, он провел двести боев, в ста пятидесяти добился победы... В синем углу мастер международного класса, провел сто восемьдесят боев, в ста семидесяти победил!» Где же сто пятьдесят и сто семьдесят проигравших?

Дороги к пьедесталам — извините, что перефразирую,— вымощены разбитыми надеждами всех, кого поверг триумфатор.

Еще находясь на стержне жизни, чемпион — да и нечемпион — пытается прибиться к институту физкультуры. Или к физкультурному факультету педагогического института. А как же иначе, если он вращается в замкнутом кругу: сборы, тренировки, соревнования,— все это как дом родной, с этим страшно расстаться? Да и о трудоустройстве его никто не печется.

Что я понимаю под словом «трудоустройство»?

Ну хотя бы беседы, лекции, которые может провести, допустим, историк или математик, биолог либо словесник. Молодые преподаватели или аспиранты, кликни только клич, непременно найдутся. Мысленно вижу скептическую усмешку некоего начальника сбора. Конечно, при трехразовой невероятной по нагрузкам работе только и слушать историка. Кино бы успеть доглядеть вполглаза.

— Потому-то, — скажет такой начальник,— десять лет назад и поступали ребята в другие вузы, что нагрузки были не чета нынешним, времени и сил хватало, а теперь — шалишь.

Согласясь частично с этими контрдоводами, я попрошу права на развитие мысли о трудоустройстве.

Может быть, даже не так прямо и буквально, но просто о духовном развитии, об интеллектуальном должна идти речь. Ведь сборы сперва отупляют, потом же, когда тупость входит в привычку, когда спроса с себя самого нет никакого, наступает своего рода эйфория: ни тебе мысли о нынешнем дне, ни о завтрашнем. Плыви туда, куда тренер рулит. Перефразируя старую поговорку, можно сказать: «Почему спортсмен гладок? Потренировался, поел да на бок».

Зиновий Гердт, долгие годы выступавший с куклой-конферансье в образцовском «Необыкновенном концерте», шутил со своим красивым прононсом: «В зале спортсмены, им не понять». Шутил в концерте именно для спортсменов. И они хохотали! А случайно ли, что в бригады мастеров искусств, отправляемые на Олимпийские игры, на чемпионаты мира, чтобы развлекать спортсменов и отвлекать от мыслей о стартах, включаются почти одни юмористы да пародисты, в крайнем случае шансонье домашнего розлива?

Может, это именно потому, что «спортсменам не понять»? Так, что ли, руководство считает? Так оно уважает юных своих подчиненных?

А ведь все не так. Вот история, случившаяся со мной.

Служебная командировка привела меня в Тбилиси. И я узнал, что на единственном тогда в стране деревянном треке тренируется сборная велосипедистов, готовясь к выступлению на Олимпийских играх. А велосипед — первая моя любовь в спорте. И я отправился туда. Встретил старшего тренера Ростислава Варгашкина. После тренировки пошли обедать. «Слушай,— спохватился вдруг Слава,— у меня же в плане воспитательной работы есть пункт «Беседа журналиста». Приезжай к нам завтра вечером, очень тебя прошу». И я дал слово, а проснувшись утром, раскаялся. Что я скажу им — умудренным, закаленным да в конце концов наслушавшимся бесед и призывов? Но не давши слова, крепись, а давши, держись. Поехал я к ним в гостиницу. Слова говорил пышные, ходульные. Выражение лиц у слушателей было скучное. Я не выдержал. «Хватит,— сказал,— не нужно это вам: давайте я расскажу об обстоятельствах последних дней Пушкина». И что вы думаете? Два часа они слушали так, что, как говорится, муха не пролетела. А потом будущий олимпийский чемпион Игорь Целовальников попросил: «Может, завтра про Лермонтова расскажете?»

По части пищи, так сказать, телесной у спортсменов вроде все в порядке. По части пищи духовной голод царит. Знаю, едал: к примеру, на известной базе «Озеро круглое» под Москвой, где зимой готовятся пловцы и гимнасты, два-три раза в неделю крутят кино. Из тех, что полегче, подетективнее. И все.

вившься и жертвой рукоприкладства. Буквально на третий день моего пребывания в Бронксе на бирже труда мне пригрозили: «Если мы тебя,— последовали соответствующие антисемитские эпитеты,— еще раз увидим здесь, пожалеешь. Убирайся к себе в Израиль!» Я спросил знакомого минчанина, бывшего минчанина, к кому можно обратиться за защитой. И в ответ он с горькой усмешкой сказал: «Уж не в лигу ли защиты евреев собираетесь обращаться? Кахановцам не до нас. Нами они «интересуются» только тогда, когда узнают, что мы тоскуем по Советской стране. Тогда они начинают нас «воспитывать». А так они заняты другими делами...»

Грустный парадокс: расисты еврейского происхождения не хотят защищать евреев от нападок американских расистов.

Впрочем, ничего парадоксального тут нет: расист расисту — всегда единомышленник, пособник. И еще один давний «закон» тут действует: сионизму, ратующему за переселение евреев на «землю отцов», выгоден антисемитизм в любой стране «рассеяния».

Ворон ворону глаз не выклюет.

КТО НА ОЧЕРЕДИ!

«Моисей». Этим библейским именем сионисты нарекли одну из своих самых коварных расистских операций, осуществленных за последние годы не откровенно милитаристским, а завуалированно мирным способом. О масштабе и значении этой операции для Израиля можно судить по тому, что ею лично руководил исполнявший обязанности председателя Всемирной сионистской организации Левинский, помогал ему бывший заместитель директора ЦРУ Уолтерс, что вместе с крупнейшими лидерами американского и канадского сионизма свою лепту в содеянное преступление внес и суданский диктаторский режим недавних печальных времен Нимейри.

Жертвами долговременной и многоступенчатой операции под кодовым названием «Моисей» стали многие тысячи фалашей — эфиопских черных евреев.

Еще сравнительно недавно сионистские ортодоксы в Израиле презрительно называли фалашей «лжеевреями», не имеющими права быть причисленными к «богоизбранной нации». Почему же вдруг, сделав поворот на 180 градусов, сионисты затрубили о своем священном долге «вернуть фалашей в лоно страны отцов»?

Вовсе не вдруг. Израилю, во-первых, спешно понадобились новые резервы для пополнения орудующих в Ливане и заметно поредевших войсковых частей. Израиль, во-вторых, стал ощущать резкий «дефицит евреев» в беспрерывно создаваемых на захваченных палестинских землях и на границе с Ливаном военных поселениях.

Сионистские спецслужбы без стеснения «сыграли» на сильной засухе в некоторых местностях Эфиопии. Под предлогом помощи пострадавшим от стихийного бедствия «единоверцам» в страну проникли сионистские вербовщики из США, Канады, Великобритании. В контакте с враждебными демократической Эфиопии контрреволюционными бандами они стали вывозить фалашей в специальные лагеря на территории Судана. «На деле эти лагеря оказались лагерями смерти»,— справедливо отмечает литовский публицист М. Алексас, детально исследовавший все ступени операции «Мои-

Но кто осмелится утверждать, что им, которым необходимы самые высокие мысли и чувства, чтобы защищать честь Родины, во все остальное время требуется душевный ширпотреб? Пусть слово «трудоустройство» звучит буквально, лобово, но расширение интеллектуального, морального, социального кругозора необходимо молодому человеку постоянно. Тем более, если учитывать, что его ожидает еще долгая и, как мы понимаем, не всегда легкая жизнь.

В свое время, когда сборной пловцов руководил нынешний доктор наук, директор Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры Сергей Вайцеховский, у него в команде было положено регулярное изучение иностранных языков. Он ушел, и дело похерили.

Но вернусь к вопросу, поставленному в заголовке. Куда все-таки уходят чемпионы и нечемпионы тоже?

Мой старый знакомый, известный фигурист Сергей Четверухин, когда ушел со льда, окончил авиационный институт, а работать пошел тренером. Там дело не заладилось, пригласили в балет на льду. Он и по сю пору танцует. Так что средства, потраченные государством на обучение инженера Четверухина, вылетели в аэродинамическую трубу.

Другой мой товарищ, гимнаст Леонид Аркаев, закончил инженерно-строительный институт, диплом защищал по железобетонным плитам, а сейчас — старший тренер сборной страны. Так что плитой придавило истраченные на него деньги.

На факультете журналистики я руководил дипломной работой известного хоккеиста Владимира Юрзинова. Он еще играл в команде «Динамо», приносил мне испещренные скорописью странички, я складывал их на подоконник, уверенный, что в конце концов мне придется переписать их наново. Но когда я набрался труда прочесть полученное, то выяснилось, что передо мной великолепная работа, тонкая и умная, посвященная взаимоотношениям между спортсменами и работниками прессы. Защита прошла на «ура». Но Юрзинов — это общеизвестно — не стал журналистом, он тренер рижского «Динамо», один из руководителей сборной страны.

Мимо ворот пробил что ли журналист Юрзинов? И все-таки это все примеры, так сказать, положительные. Наши спортивные герои худо-бедно нашли свое место в жизни, не потерялись, хотя и не использовали знаний, полученных в вузах. Не использовали? Нет, и это не всегда так.

Успехи Леонида Аркаева на тренерском поприще, несомненно, связаны с тем, что в вузе у него сформировался инженерный склад ума — точный, логичный, взвешенный, рассудительный. Владимир Юрзинов — воспитатель чемпионов—созрел, несомненно, под воздействием своей общественной профессии.

...Но, как сказано выше, сегодня спортсмен прямиком идет в институт физкультуры, хотя далеко не каждый из наделенных талантом бегать, прыгать, метать диск и бить по мячу может стать тренером. Многолетним опытом доказано, что разные тут потребны способности. Чемпион зачастую просто не способен понять, почему у учеников не получается то, что самому ему давалось играючи. Делай, как я, и все в порядке. Не выходит? Потому что ты лентяй, не стараешься. Так и колотятся они лбом в стенку. А хороший тренер часто получается из неудачника в спорте, который пробует все методы, бьется над всеми системами, изучает опыт других, учится, старается и потом талантливо учит других.

Приемная комиссия ГЦОЛИФК этим летом не сочла нужным поставить на собеседовании ни балла одному пареньку только потому, что он не имел звания мастера. Так себе, разрядник. С ним и беседовать нечего. А паренек этот — педагог милостью божьей, он уже в школе, с мальчишеских лет, тренировал малышей... А сколько заранее ничего не решавших и пришедших по инерции в институты физкультуры знатных спортсменов, увы, поздно понявших, что они ошиблись!

Несколько лет назад в том же ГЦОЛИФКе я беседовал с третьекурсниками отделения гимнастики. Начистоту, без педагогов. Из двадцати человек сказали, что их действительно влечет тренерская, педагогическая профессия, только двое. Остальных отпугнули тяготы после первой же практики. На столичных вокзалах носильщиками в последнее время стали работать некогда именитые спортсмены. Наши любимцы трудятся в мастерских металлоремонта, в бюро ритуальных обрядов. Среди барменов спортсменов много... На все это долгой предварительной подготовки не надо.

Они жаждут трудиться засучив рукава, но где найти приложение своим силам? И вот маленькая иллюстрация к вышесказанному. В комитете физкультуры одной республики был у меня знакомый, ведавший гимнастикой. Все-то мы друг над другом подшучивали. Что касается меня, то довольно неуклюже: «Ты, Саша, еще не уволен?» Эдак десять лет прошло, встречаемся снова, и на мой вопрос следует печальный ответ: «Представь, уволен». Что случилось?

А то, что в его отдел была зачислена сперва одна знаменитая в прошлом гимнастка, потом вторая, потом третья. И когда оказалось, что штаты раздуты, уволили моего знакомого. Он мужчина, он не пропадет, а им, бывшим грациям, куда податься?

Получается, грациям дали не зарплату, а род пенсии.

А в самом деле, почему бы и нет? Разве нет подобного прецедента, скажем, в балете, где нимфы и сильфиды, вдосталь порадовав нас, зрителей, своим искусством, получают законно выслуженную пенсию, едва перейдя рубеж тридцатилетия. Так же, как мускулистые атлеты из цирка. А почему хорошо потрудившимся спортсменам пенсии не полагается?

Они сильны — да, они смелы — да. Но приходит час, когда им нужна наша помощь. Как же важно, чтобы спортивные деятели всех рангов заботливо следили за жизнью тех, кто сошел со спортивной арены, следили не по должности, а по велению сердца.

Фото А. Бочинина

Стадион провожает Игоря Нетто.

сей». За 11 месяцев в этих лагерях от голода и эпидемий погибли около 3 тысяч фалашей. Тех, кто выжил, тель-авивские спецслужбы вывозили под видом мусульманских паломников через ФРГ, Италию и другие западные страны в Израиль. Приложили к этому руку и бельгийские сионисты, договорившиеся с несколькими авиакомпаниями. «Так охотники за живым товаром, используя методы международного гангстеризма, вновь продемонстрировали свое полное пренебрежение основными правами человека»— к такому, единственно правильному, выводу приходит литовский публицист.

Да, вывезенные обманным путем в Израиль фалаши потеряли там человеческие права, обретенные ими в ступившей на путь социализма Эфиопии.

Из палаточных центров абсорбции у фалашей только два пути: либо в действующую армию в качестве пушечного мяса, либо в военные поселения на роль даровой рабочей силы с выполнением по совместительству обязанностей надсмотрщиков за арабами из близлежащих селений. Некоторые из наиболее отчаявшихся фалашей выбирают третий путь: самоубийство. Израильская пресса удивлена: самоубийство, дескать, не в африканских традициях. Что ж, с помощью сионистов фалаши быстро «европеизировались». И даже «американизировались»— становятся наркоманами.

Итак, расистской операцией «Моисей» сионизм рекрутировал и обездолил тысячи семей эфиопских евреев. Кто на очереди?

Вопрос задан не без основания. Не исключено, что на очереди евреи, проживающие в Индии, преимущественно в Бомбее и пригородных селениях. Не случайно сионистской прессе велено разглагольствовать об индийских евреях как о потенциальных иммигрантах, только, мол, и помышляющих о скорейшем возвращении в Израиль. Одновременно критикуются агенты Сохнута в Бомбее и Калькутте за «пассивность и неумение напомнить» индийским евреям об их долге перед исторической родиной.

То, чего не могли добиться сохнутовцы, поручено специальным экспедициям чиновников израильских раввинов. Хотя Индия не поддерживает дипломатических отношений с Израилем, участники вербовочных экспедиций под прикрытием своих духовных званий проникают в Индию без виз. Израильская пресса публикует трескучие реляции вербовщиков о горячем желании всех индийских евреев переехать в Израиль. Дескать, у них «пробудилось национальное самосознание». Ложь!

Но в этих реляциях не сходятся концы с концами: выезду некоторых «тоскующих» по Израилю потенциальных олим, оказывается, мешает... невозможность продать свое имущество, стоимость которого сами сионистские эмиссары в отдельных случаях оценивают в десятки тысяч долларов. Вот так «нищенское» положение!

Итак, Сохнут и министерство абсорбции все же планируют затянуть в свои сети новые жертвы. Где их разместят? Не в тех ли палатках, что оставят фалаши, которых к тому времени, быть может, перебросят в военные поселения и пустыню Негев?

Кто еще на очереди? В какие точки каких континентов протянут свои щупальца сионистские эмиссары в поисках рекрутов? Какие новые жертвы собирается сионизм опутать коричневой паутиной расизма?

Пройдет немного времени, и наступит день премьеры советско-шведского художественного фильма «Мио, мой Мио», над которым завершают работу Центральная киностудия имени М. Горького и стокгольмская кинофирма «Нордиск Тонефильм».

В один из съемочных дней на Центральной киностудии имени М. Горького состоялась наша встреча с режиссером фильма Владимиром ГРАММАТИКОВЫМ и автором сценария Уильямом ОЛДРИДЖЕМ

— Уильям, как возникла идея совместной постановки?

— Эту идею предложил наш продюсер Ингемар Эйве, давно мечтавший экранизировать сказку известной шведской писательницы Астрид Линдгрен «Мио, мой Мио». Сначала мы предполагали осуществить постановку своими силами, но потом решили, что лучший вариант экранизации даст нам работа с советскими кинематографистами.

Для того, чтобы выбрать режиссера картины, нам пришлось просмотреть много советских фильмов самой разнообразной тематики — как взрослые, так и детские. И лишь после того, как мы увидели ленты «Шла собака по роялю», «Руки вверх» и «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», пришли к единодушному мнению — режиссером нашей картины должен быть Владимир Грамматиков.

— Какими требованиями руководствовались шведские кинематографисты при выборе режиссера совместной постановки?

— Прежде всего умение работать с детьми-актерами. Мы исходили из того, что в данном случае важна способность режиссера создать на съемочной площадке такую творческую атмосферу, в которой полностью бы раскрылся талант маленького актера. Владимир Грамматиков, как мы убедились сначала по его фильмам, а потом в самом процессе его работы, обладает такими качествами.

— Чтобы выбрать режиссера вашей картины, вы целый год смотрели советские фильмы. Очевидно, такая система отбора возникла оттого, что в Швеции недостаточно хорошо знают наш кинематограф?

— И не только в Швеции, но и вообще на Западе. Шведские зрители имеют весьма ограниченное представление о советском кино. Мы можем только догадываться о том, сколько в Советском Союзе есть прекрасных киномастеров. Пример Грамматикова — тому подтверждение. Он неизвестен на Западе, но когда мы показали его фильм тем, кто финансирует нашу постановку, они были просто в восторге.

— Что привлекает вас в творчестве Грамматикова?

— Тонкий юмор. Я бы мог назвать его даже юмором абсурда.

— Я не считаю себя художником абсурда,— включается в наш разговор Владимир Грамматиков.— Просто я очень люблю комедию и всегда тяготел к этому жанру. Правда, в данной картине, к сожалению, будет мало комедийных ситуаций. По сюжету она скорее грустная. А ведь дети любят посмеяться. Что же касается самой идеи совместной работы, то я с удовольствием принял предложение представителей шведской фирмы «Нордиск Тонефильм» участвовать в съемках фильма. Но, правда, с условием работать с советскими оператором, художником и директором картины. Это не прихоть. Дело в том, что мы хорошо знаем друг друга, знаем свои возможности, и поэтому многие вопросы, возникающие в процессе съемок, решаются быстро. Меня очень обрадовало согласие шведских коллег. В условиях кинопроизводства время—основной критерий, по которому определяется вся деятельность съемочной группы. В совместных постановках ответственность за сроки сдачи картины повышается вдвойне.

— Уильям, ведь ваша фирма могла обратиться с предложением совместной работы и к другим зарубежным партнерам, например, к Италии или Франции. Вы же предпочли наших кинематографистов. Чем это объяснить?

— Дело в том, что, на мой взгляд, в Европе найдется немного стран, обладающих такими студийными возможностями, какие есть в Советском Союзе. Причем использование павильонов в киностудиях СССР обходится гораздо дешевле, чем в других странах.

— Мне кажется,— добавляет В. Грамматиков,— что наряду с причинами коммерческого и технического характера немаловажное значение имеет и творческая сторона нашей совместной работы. У нас есть прекрасные режиссеры, операторы, художники, я не говорю об актерах,— их очень много. В свою очередь, и мы можем многому поучиться у наших партнеров, например, умению организовывать работу съемочных групп. Только в обмене опытом, заимствовании всего лучшего, чем располагает та или иная зарубежная киношкола, мы можем добиться в совместном труде желаемых результатов.

— Как проходила работа над фильмом?

— По условиям договора рабочая версия картины снималась на английском языке, это обусловлено конъюнктурой мирового проката, поэтому нам сразу пришлось столкнуться с довольно сложной проблемой — найти исполнителей главных ролей — мальчиков 8—9 лет, прекрасно говорящих на английском языке...

Мы начали поиск в московских спецшколах с английским языком. Просмотрели и прослушали много кандидатов. Но, к сожалению, все наши поиски оказались безрезультатны. Школьники в этом возрасте только начинают изучать иностранные языки. Так что на пробах было хорошо видно, что дети совершенно не держат текст, начинают думать над тем, как сказать, вспоминают слова и т. д. То есть ни о какой игре не могло быть и речи. Нас поджимали сроки, и мы были просто в отчаянии. Наконец, решились на эксперимент — пригласить на эти роли английских ребят. Я побывал в Лондоне, и после отбора с помощью специально приготовленных тестов мы нашли двух мальчиков: 10-летнего Николаса Пиккарда (он играет Мио) и 11-летнего Кристиана Бейла (у него роль Юм-Юма, друга Мио). Эти ребята уже имеют опыт съемок в фильмах, учатся в школе с театральным уклоном. На одну из главных ролей в нашей картине мы пригласили также известного английского актера Кристофера Ли. Еще один английский кинематографист был занят в фильме — это Дерек Мединс, специалист по комбинированным съемкам. Думаю, что его мастерство по достоинству оценит зритель.

— Кто из советских актеров принимал участие в картине?

— Игорь Ясулович (Энно) и Любовь Германова (мать Мио). Остальные роли исполняют зарубежные актеры из США, Англии и Норвегии — это Тим Боттомс, Стиг Энгстрем и другие. Признаюсь, что столь разнородный по своему национальному составу съемочной группы у меня никогда не было. Естественно, были сложности, в первую очередь это касалось сферы общения и передачи информации. Но здесь есть и свои плюсы. Потому что каждый зарубежный участник съемочной группы вносил в работу что-то свое, причем лучшее. Ведь картина наша снимается для детей, и любой недостаток, просчет, как на лакмусовой бумажке, потом проступит на экране.

— Где проходили съемки фильма?

— Сначала в Москве, затем в Стокгольме, Шотландии, Крыму и снова на Киностудии имени Горького в Москве. Трудности были не только технические, но и этические. Например, нам очень хотелось, чтобы в картине снялся известный английский актер Майкл Йорк. Но когда западная печать стала раздувать шумиху по поводу событий в Чернобыле, он отказался приехать в Ялту. Так же поступила и другая не менее популярная шведская актриса Эве Фрёлинг.

Зато другой актер, Тим Боттомс из США, оказался выше всяких вымыслов по поводу мнимой радиации в Ялте. Он прекрасно провел съемки. И перед отъездом домой сказал нам: «Какая это чепуха — забивать людям головы ложью и слухами о пустынных пляжах и городах Черноморского побережья Крыма». Нельзя не согласиться с ним. Ведь в Крыму с нами были и два английских мальчика, Николас и Кристиан, и операторы из Норвегии, и шведы. И все себя прекрасно чувствовали.

— Да, так и было,— подтверждает Уильям Олдридж.— Единственное, о чем я могу вспомнить с сожалением,— это отсутствие свободного времени в Ялте, практически весь световой день был посвящен съемкам.

— Уильям, вы прекрасно говорите по-русски. Где вы изучали русский язык?

— В Москве, ведь я шесть лет учился во ВГИКе, на режиссерском факультете. Решение приехать учиться в Москву не было случайным. В Лондоне, в доме отца, всегда бывали советские писатели, музыканты, актеры и режиссеры. Много мне рассказывал о Советском Союзе и отец, он сюда часто приезжает. Так что после окончания школы я решил поступить в Государственный институт кинематографии. У меня много друзей в Москве и в других городах вашей страны.

Беседу вел Александр АБДРАШИТОВ

СОВМЕСТНО и при участии

Кадры из фильма «Мио, мой Мио». На первой полосе вкладки (внизу): режиссер Владимир Грамматиков и автор сценария Уильям Олдридж.

Фото В. МАЙКОВСКОГО

ТРОИЦКАЯ БАШНЯ

Сувенир на хозрасчете

Пять лет тому назад московским производственным объединением «Художественная гравюра» было выпущено всего 27 новых изделий. Случалось, шел товар для плана. И оставался он на магазинной полке. Теперь от вала отказались, изучают спрос, выпускают новую продукцию небольшими сериями. Вот ведь как дело повернулось, когда оценка труда всех, от директора до рабочего, стала зависеть от того, расходится ли товар.

— Идея нового сувенира только зарождается, а специалисты уже определили, для кого он,— говорит главный художник объединения Г. Высоцкая.— Москвич, знаем, скорее приобретет утилитарную вещь. А гость города предпочтет плакетку, значок, панно с рисунком на московскую тему.

Работая в содружестве с искусствоведами Научно-исследовательского института художественной промышленности, на «Художественной гравюре» ищут свой стиль, стараются развить традиции городского народного промысла. Это очень важно — сохранить черты, которые были присущи изделиям московских мастеров прошлого.

На некоторых предприятиях сувениры тиражируют фотопечатанием или механическим копированием. Для «Художественной гравюры» этот путь неприемлем. Здесь определили «своего» покупателя, умного и тонкого, верят ему и ориентируются на его вкус.

В объединении принято быстро заменять устаревшие изделия. В прошлом году было выпущено пятьдесят три вида новых сувениров, скоро в магазинах появится настольный очечник — вещица для покупателей ранее неизвестная.

С текстильного участка объединения ежегодно выходит товаров на полмиллиона рублей. Еще в 1983 году на художественный совет были представлены платья, блузы, скатерти разных фасонов и расцветок, и совет охотно утвердил их. Но никак не могут назначить цену на те же скатерти...

Новое не ради новизны, а для того, чтобы доставить радость покупателю. Потому-то с таким тщанием стараются вести дело. Тут и хорошо разработанный план внедрения новой техники, и социальное развитие предприятия, и организация труда. Но все это непросто — очень уж разбросаны цеха объединения, немало устаревшего оборудования.

...Склонились над рабочими столами художники. И крышка шкатулки расцветает озорным орнаментом.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

●

◀ В цехе декоративной росписи. За работой Анна Петрова (справа) и Татьяна Меркулова * Новые изделия.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Известный современный болгарский поэт Димитр МЕТОДИЕВ родился в 1922 году. Он автор многих стихов лирики, вошедших в сборники «О времени и о себе», «Стихотворения и маленькие поэмы» и других.

Большое место в творчестве Методиева занимает тема болгаро-советской дружбы, братства наших народов. Этому посвящена поэма «Страна мечты», ставшая этапной вехой в творчестве поэта.

«Огонек» начиная с 1953 года регулярно публикует стихи Методиева в переводах таких мастеров, как В. Федоров, В. Солоухин, В. Фирсов, К. Ванщенкин...

Сегодня мы знакомим наших читателей с новыми стихами Д. Методиева, переведенными на русский Владимиром СОКОЛОВЫМ.

ДИМИТР МЕТОДИЕВ (Болгария)

И рядом с сердцем осень дремлет

●

И вновь темнеет рано... В этом
знак, что длиннее будет ночь.
Сентябрь еще в зените светлом.
Еще и солнечная мощь
дарит земле тепло, как прежде.

Прилягу на траве
в надежде
на прибыль сил.
Неотвратимо
придет зима, а с ней и снег.
И только, осень, ты незримо
одна прильнешь ко мне навек,
меня укутав шелком сини,
чтоб не узнало сердце стыни,
остановившее свой бег.

Что ты вещаешь, черный ворон,
витая надо мной почти?
К другому берегу лети!
Не рано ль свой дражайший норов
ты кажешь?..
Здесь еще я свой.
Здесь бесконечности все внемлет.
И рядом с сердцем осень
дремлет,
даруя голубой покой...

МОРЕ

С самим собой всю эту ночь
проспорив,
теперь лежишь без сил,
как в забытьи...
Гнетут ли и сейчас тебя,
о, море,
глубины сокровенные твои?
А как металось ты!
Как ты старалось
их выбросить на берег, на песок!
Пока не догадалось, что осталось
все-все в тебе —
твой каждый день и срок.
И надо примириться. Позабыть.
И перестать извечно говорить
все о своем...
Ах эта память, память!

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

Я молчу. Мечты уносит
за грозой гроза.
Но молчать об этом просят
черные глаза.

Завтра ночью уезжаю.
Слушай, так нельзя!
Не другому ли сияют
черные глаза?

И спросить о том опасно —
загрустит краса.
Не хотят, чтоб было ясно,
черные глаза.

Ах, пускай прольется дома
горькая слеза.
Утоплюсь, уйду, как в омут,
в черные глаза.

ДЕТСТВОМ ПАХНУЛО

Снег перестал. И синева
неохватима взглядом.
Повозка тащится едва,
а жеребенок рядом
то фыркнет, обгоняя мать,
то вскинет гриву весело.

Ну, сколько можно вопрошать:
в чем суть твоя, поэзия?

Повозка. В поле снеговей.
От ветра ветки клонятся.
И жеребенок за своей
бегущей тенью гонится.
И он... И он...
Не проходи,
следи за этим действом!..

И вновь пахнуло лошадьми.
Пахнуло милым детством...

●

Однажды встретишь ты рассвет,
когда меня уже не станет...
Каким безлюдным белый свет
тебе, любимая, предстанет.

Ты над портретом в тишине
не будешь плакать...
Но покуда
ты будешь звать меня во сне,
на этом свете жить я буду.

Я буду молодо творить,
скитаться без отдохновенья,
хвалить я буду и судить
мир с прежней силой вдохновенья,
и так же буду вас любить
как до последнего мгновенья...

СОНЕТ

Спасибо, милая моя,
за очи добрые, как милость.
Все изменяется. Земля —
и та заметно изменилась.

И старый друг уже не тот.
Трудов и лет несем мы бремя.
И паутинки все плетет
у наших глаз большое время.

Но в час усталости, когда,
влача минувший день труда,
иду, на сутки постаревшим,

я тороплюсь в наш старый дом,
чтобы во взгляде дорогом
себя опять увидеть прежним...

●

Твои глаза зовущие
умеют оттолкнуть.
Но все дороги сущие
слились в единый путь —
к тебе, с тоскою ноющей,
иду и день и ночь.
Иду, ведь все равно еще
ты не сказала «прочь».
Но и «останься» все же ты
не прошептала мне.
Все дни, что мною прожиты
в ознобе и огне,
все — путь к тебе, то ждущая,
то нет. Пока иду,
я пережил грядущие
и радость и беду.
К твоим глазам томительным,
к их пламени и льду
иду путем мучительным
и перекрестка жду —
где две дороги разные
нас разведут, скорбя,
где будущее ясное
я встречу.
Без тебя...

●

А наша осень даже не считает
необходимым посетить леса.
Она для них еще лишь выбирает
медь, злато — свадебные чудеса.

Повсюду зелень — пышно
и безбрежно.
С трудом уходит солнце со двора.
И даже тени льнут тепло и нежно
к тебе сейчас, осенняя пора.

Все в ярких платьях, женщины
смеются.
Открыты плечи смугло и тепло.
И каблучки так звонко и светло
неровным пульсом в душах
отдаются.

И нет такого возраста мужского
в богатом перекрестками раю,
чтоб не склонил средь шума
городского
перед очами голову свою.

А наша осень, летом так богата,
на перекрестке солнечном стоит.
И словно будущая мать куда-то
в неведомое с нежностью глядит.

наследие

Память — это совесть

Известный советский ученый физико-химик Игорь Васильевич Петрянов-Соколов активно участвует в деле сохранения и пропаганды памятников отечественной истории. Почетный член и член президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, председатель редакционного совета популярного альманаха «Памятники Отечества», Игорь Васильевич много сил отдает проблемам культурного наследия. В этом сложном и важном деле накопилось немало нерешенных вопросов. С академиком ПЕТРЯНОВЫМ-СОКОЛОВЫМ беседует журналист Т. КНЯЗЕВА.

И. В. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ,
академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий

«Полюбите Родину всеми силами — и она вас возлюбит...» Именно с этих слов прекрасного русского художника, ученого, гуманиста и патриота Николая Константиновича Рериха я хочу начать разговор о том, что столь важно в жизни каждого человека: память — это совесть. Совесть перед собой, перед современниками, перед поколениями, прошедшими по родной земле, перед будущим. В самой сути этого понятия лежит любовь к Отечеству. Для того, чтобы любить землю своих отцов — свою землю,— надо знать, за что ее любить. Надо знать ее историю, знать героев и их подвиги, уметь ценить и понимать красоту, созданную нашими славными предками.

— Ваше личное ощущение чувства Родины. Как складывалось оно именно у вас?

— Думаю, так же, как у многих других людей: память держит и хранит те события — большие и малые, каждое из которых оставило след в жизни. И начало начал — воспоминания детства. Помню родную деревню, поля окрест ее, леса, долы. Вижу высокую Ужову гору, из-под которой бьют прохладные ключи Ярки с такой силой, так обильно, что рождается река. А над ее истоком у подножия горы примостилась маленькая часовенка. По весне здесь молодежь водила хороводы, пела старинные песни. Отсюда, из этих мест, увела меня дорога в жизнь. И с собой, как самое дорогое, я унес эти детские воспоминания...

— Бывало ли ваше чувство Родины чем-либо задето, уязвлено? И чем, какие действия, события вызывали такое состояние?

— Совсем недавно я пережил нечто подобное. И до сих пор не могу понять, кому и зачем все это понадобилось. Дело в том, что моя деревня, отцовский дом, где я рос, давно манили и звали меня к себе. И хоть никого из близких и родных уже там не осталось, я все-таки решился на эту поездку. Представлял себе, как выйду из автобуса задолго до своей остановки и пешком пойду по дороге в направлении родного села. И будет это весной, и мне навстречу, вся в кипени майских садов, будет плыть белоснежная колоколенка, которую так мудро и точно поставили когда-то мои далекие предки, что она организовывала ландшафт всей округи. С какой стороны бы ни шел, не ошибешься, не заблудишься, выйдешь точно к селу. А там, среди порядка деревенских изб, уже видится своя, особенная, потому что каждая изба была изукрашена резьбой на свой манер, и не было среди них одинаковых...

И вот недавно я поехал, посмотрел и больше возвращаться туда не хочу. Потому что нет больше моей маленькой Родины, той, что жила во мне с детских лет и которой я так дорожил. Бессмысленно снесена колоколенка, разобрана на кирпич старая церковь, вырублены яблоневые сады, засорены ключи, а от часовенки и следов не осталось. Без особого усердия там и сям понаставлены какие-то нелепые и чуждые душе строения. При виде всего этого явилось единственное желание — поскорее уйти отсюда. Причем, я уверен, такое же желание владеет и теми, кто теперь вынужден жить в этом исковерканном селе. Потому что нельзя любить то, что не имеет своего лица.

Я очень хорошо понимаю и ценю людей, которые хлопочут о сохранении своеобразия своего ли дома, улицы, села, города. И заниматься этим их заставляет именно любовь к своей земле, к своей стране. Это истинные граждане, и их хлопоты должны встречаться с пониманием. Но, увы, нередко равнодушные администраторы сводят на нет их усилия. Примеров тому немало. Так, в Москве уже десятки лет работал бы Музей декабристов. Он не только украсил бы столицу, но скольким людям внушил бы гордость за то, что были в нашем русском роду такие герои, подвижники, светочи самоотверженности и благородства. Но десять лет длилась волокита по его созданию...

Вот уже сколько лет общественность требует указать имена создателей памятников, монументов столицы, вот уже сколько лет «безымянны» мозаики Дейнеки, Лансере, Корина на станциях метро, ну хоть бы что-нибудь было тут сделано?!

В Москве же, у Никитских ворот, стоит церковь Большого Вознесения, в которой венчался Александр Сергеевич Пушкин. Общественность предлагает открыть в старом здании концертный зал. Ее призывы, письма, подписанные учеными, писателями, известными композиторами, певцами, печатали центральные газеты на протяжении двадцати лет. Прошли долгие годы, пока здание храма — свидетеля счастья, любви нашего Пушкина, занятого рядовой московской конторой, решили наконец превратить в концертный зал.

Вот я и думаю, почему так долго мы раскачиваемся, почему доверяют людям, не любящим Москву (а только так можно их бездействие, противодействие, их инертность понимать), решать судьбу ее памятников, улиц, ее архитектурного облика. По-видимому, настала пора освобождаться от таких равнодушных чиновников.

Обнадеживает, что в последнее время Московский городской комитет партии уделяет серьезное конструктивное внимание проблемам сохранения исторического облика Москвы. Но как много скопилось здесь нерешенных проблем...

— Вы так горячо заговорили о Москве — как вы расцениваете в целом состояние ее культурно-исторического наследия?

— Я не случайно от рассказа о родном селе перешел к Москве. Это мой второй дом, где я живу и работаю, и его культурное достояние, его своеобразие не безразличны мне. К сожалению, я отчетливо вижу, что в этом плане в Москве царит неблагополучие. По роду моей общественной деятельности я бываю на заседаниях президиума Центрального совета общества охраны памятников, где рассматривается целый ряд серьезных проблем охраны, реставрации памятников, львиная доля которых приходится на Москву. Вот результаты нескольких очень важных предложений общественности.

Вскоре после принятия законов СССР и РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» общественность выступала за сохранение Школьной и Тулинской улиц в Москве, единственного уникального слободского ансамбля, связанного композиционно с Андрониковым монастырем — местом, где творил величайший художник Древней Руси Андрей Рублев, за сохранение дома Остерманов-Толстых, одной из немногих деревянных построек допожарной Москвы, дома петровского времени на улице Димитрова в Москве, дома Щепкина на улице Ермоловой.

Несмотря на то, что эти вопросы обсуждались на страницах центральной прессы, когда за сохранение этих памятников выступили видные деятели советской науки и культуры, приходится с грустью констатировать, что Тулинской улицы больше нет, Школьная превратилась в нелепые сувенирные

украшения на фоне построенных рядом многоэтажных безликих громад, дом Остерманов-Толстых уничтожен, дом на улице Димитрова снесен, вместо дома Щепкина — пустырь.

Удивительно все же, как хладнокровно-бюрократически относятся представители органов, призванных отвечать за памятники истории и культуры в Москве, к выступлениям общественности, критическим публикациям в центральной прессе. Выработан совершенно определенный путь — со всем соглашаться, все обещать... и ничего не делать. Лишь один пример — дом № 6 по улице Ал. Толстого, где жил, приезжая в Москву, Александр Блок. «Огонек», «Советская Россия», «Московская правда» не раз писали о судьбе этого дома. Академик Д. С. Лихачев в своих публицистических выступлениях и книгах обосновал необходимость создания в этом доме музея великого русского поэта, автора революционной поэмы «Двенадцать». На словах и в официальных ответах представители Мосгорисполкома и Министерства культуры РСФСР были, конечно, за создание здесь музея Блока. На деле — в дом вселяется очередная строительная контора. Пренебрежение общественным мнением, игнорирование суждений и рекомендаций компетентных людей, прямой обман общественности нетерпимы. Пока не поздно, следует поправить дело с блоковским музеем в Москве и добиться, чтобы слова у лиц, ответственных за охрану памятников истории и культуры в столице, не расходились с делами.

Сейчас много говорят и пишут о сохранении своеобразия нашей дорогой столицы. Но опять же эти вопросы поднимает общественность. Пока еще мы не услышали ни в прессе, ни в диспутах, наподобие тех, что так успешно организует заслуженный деятель искусств РСФСР Савелий Ямщиков, суждений лиц, ответственных за историко-архитектурный облик города, работников ГлавАПУ и Моссовета. Хотелось бы знать, а какие же конкретные выводы сделаны из всех выступлений и предложений общественности?

Именно сейчас, когда особенно остро и, как мы надеемся, результативно, встал вопрос об охране историко-архитектурного облика Москвы, когда только прошел пленум МГК КПСС, под угрозой сноса, а может, и исчезновения историческая застройка Ульяновской улицы, где расположен комплекс памятников XVIII—XIX веков, а также здания, поставленные в честь победы на Куликовом поле, — храмы Алексея Митрополита и Сергия в Рогожском. И все потому, что градостроители предполагают проложить здесь новую транспортную магистраль. А между тем этот уголок Москвы, где сходятся улица Коммунистическая, площади Прямикова и Застава Ильича, интересен тем, что имеет большую историко-революционную ценность.

Отсюда начиналась знаменитая Владимирка, здесь Софья Перовская готовила нападение на царский поезд, в 1905 году здесь действовал один из первых в Москве комитетов РСДРП — Рогожско-Симоновский. Многие здания хранят память об известных революционерах: А. С. Бубнове, Н. Н. Прямикове, И. Арманд.

Не побоюсь сказать, что все приведенные примеры показательны: как явное недомыслие именно руководящих работников Мосгорисполкома и ГлавАПУ, призванных, поставленных государством на то, чтобы умело и рачительно вести хозяйство Москвы, куда неотъемлемой частью входит и ее духовное достояние. Во всяком случае, подобная позиция наносит значительный урон патриотическим чувствам москвичей и гостей столицы. И особенно молодежи.

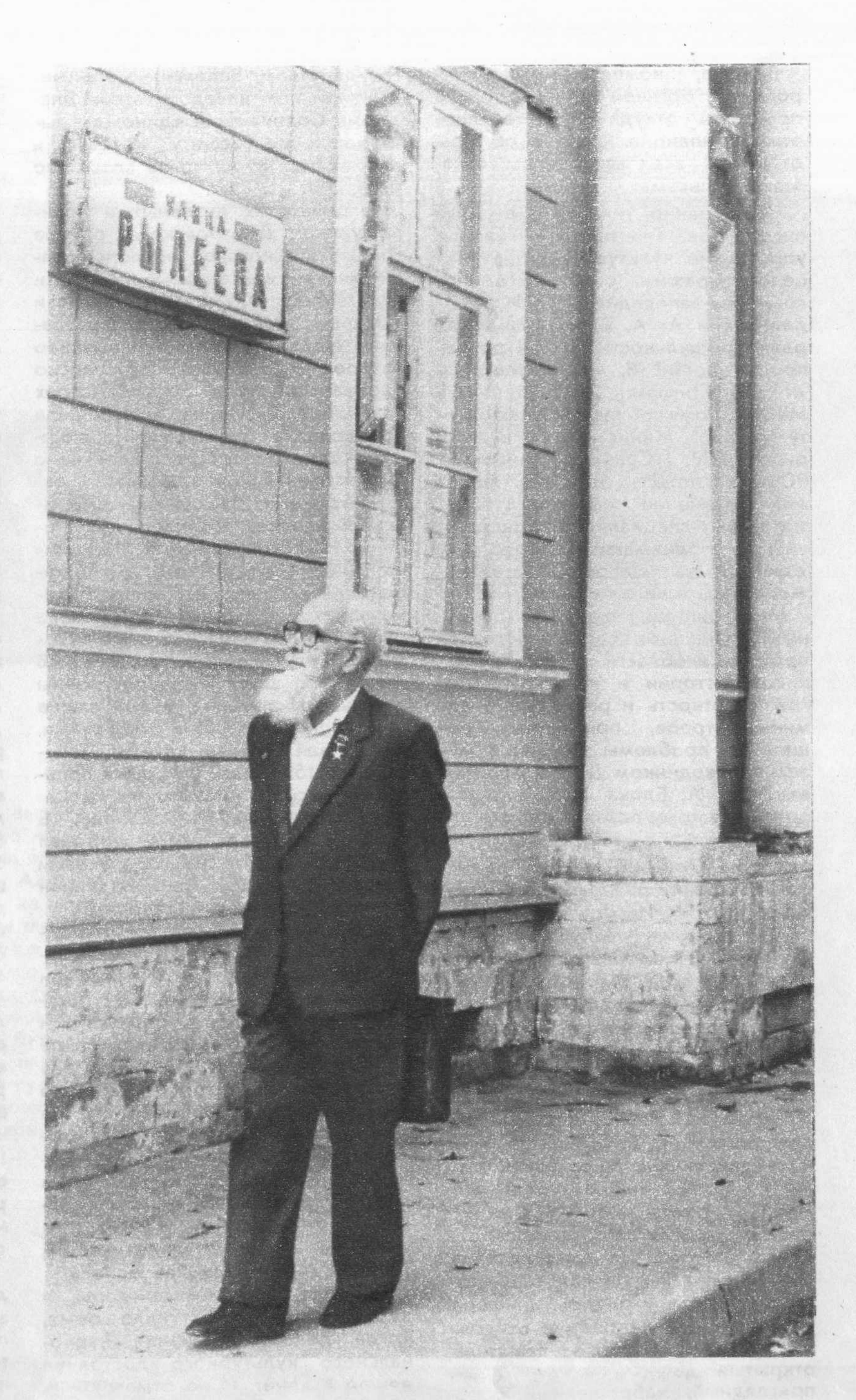
— Таким образом, мы и подходим к сердцевине нашего разговора: воспитание историей — воспитание патриотическое. Связь времен, преемственность поколений — что дают они сегодня молодежи?

— Нет ничего проще, как прервать связь времен, преемственность поколений. И если молодые с их бескомпромиссностью, с их верой, которую просто отнять, а вернуть бывает куда-куда как трудно, волей обстоятельств становятся свидетелями равнодушия, неуважения старших, а тем более руководителей, облеченных административными полномочиями, к судьбе национальных духовных ценностей, к нашей исторической памяти, материализованной в наследии веков, то как знать, не присутствуем ли мы здесь при явлении, которое не хотелось бы и называть на страницах печати,— разрушении патриотизма. Да, и опять приведу пример — жестокий пример. Вот уже сколько лет согласно постановлению правительства ведется реставрация древней церкви на территории московского завода «Динамо», где некогда были похоронены воины, павшие на Куликовом поле, где упокоились в отеческой земле легендарные Пересвет и Ослябя. Однако не пересказать всех тех уверток и ходов, путем которых руководители завода «Динамо» воздвигают все новые и новые препоны к выявлению истинного достоинства и чести славного памятника нашей героической истории. Да, завод соблюдает свои интересы: рост объема производства, реконструкция — дело немаловажное. Но о чем торг! О заповедном месте, где покоится прах воинов Дмитрия Донского, ратников той великой битвы, которым столетиями своей истории должна быть признательна Родина!

Вот и хочу сказать, какой же это пример для молодых и для немолодых рабочих самого завода «Динамо»? Здесь к празднованию шестисотлетия Куликовской битвы должен был открыться музей. Музея нет.

— В приведенных примерах вы видите виновными администраторов. Но, может быть, не они одни причина того, что не реставрируются многие памятники, не открываются музеи, не сохраняется историческая застройка?

— Что касается вины, то я думаю, в определенной степени ее можно поделить на всех: на общественность, которая где-то не дохлопотала и бросила заботу на полпути, на реставраторов, порой недобросовестно относящихся к делу, на архитекторов, многие из которых, создавая свои проекты, не считаются с исторической застройкой, чем разрушают и искажают облик города, на равнодушных людей, чья совесть еще не разбужена общественным сознанием. Но большая часть вины, считаю, падает именно на администраторов: под ними я разумею от-

дельных руководителей организаций и учреждений, арендующих исторические сооружения, и нередких представителей местной власти в старинных городах и селах. Да, именно эти товарищи бывают ущербны в отношении чувства Родины.

Вот один из самых последних. Весной этого года группа академиков, писателей, деятелей искусства обратилась в Совет Министров РСФСР с письмом, в котором обосновывалось предложение о создании в Подмосковье Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника Д. И. Менделеева и А. А. Блока на базе организующегося сейчас музея-заповедника А. А. Блока. Академик Д. С. Лихачев, заслуженный деятель искусств РСФСР С. В. Ямщиков, писатель В. Г. Распутин, другие достаточно компетентные товарищи, в числе которых был и я, обосновали наше предложение тем, что находящиеся рядом две усадьбы, связанные с великими деятелями отечественной науки и литературы Д. И. Менделеевым и А. А. Блоком, неразрывны в истории отечественной культуры. Казалось бы, это должно быть ясно каждому. Ведь этой проблеме посвящены книги, статьи в специальной и общественно-политической печати. Писал об этом, кстати, и «Огонек». В Подмосковье может быть создан совершенно уникальный музей-заповедник.

К сожалению, по бюрократическим каналам наше обращение из Совета Министров РСФСР перекочевало в Главное управление культуры Мособлисполкома, то есть в ту самую организацию, которая вот уже добрый десяток лет противится решению этого вопроса так, как того требует элементарный здравый смысл.

Ответ на наше предложение заместителя начальника Главного управления культуры Мособлисполкома М. Д. Григорова просто фантастичен. Вначале он заявляет, что общие затраты на восстановление Боблова, по расчетам Главного управления культуры, составят 22 миллиона 210 тысяч рублей. В связи с этой суммой «Госплан РСФСР отклонил эту программу от рассмотрения».

И правильно отклонил, добавлю от себя. Потому что эта сумма и придумана в расчете на отклонение и для того завышена без меры. Представляет ли тов. Григоров, что за дом был у Менделеева в Боблове и какие дворцы, пути сообщений и т. д. его проектировщики намеревались там возводить и сооружать?

Видимо, компетентным контрольным органам целесообразно проверить, откуда все же взялись эти 22 миллиона. Я прошу об этом от имени всех авторов вышеуказанного письма.

Совершенно уникально резюме письма тов. Григорова: «Главное управление культуры считает нецелесообразным создание единого музея-заповедника Д. И. Менделеева и А. А. Блока ввиду их разнопрофильности». Чьей разнопрофильности? Я, уже отвлекаясь от стиля письма, позволю задать Московскому областному комитету партии, Министерству культуры СССР, Совету Министров РСФСР вопрос: неужели продуманное мнение серьезных, компетентных специалистов, конструктивно поднимающих проблему единого музея-заповедника в Подмосковье, ничего не значит?

Мне кажется, одна из основных бед нашего современного положения в области охраны памятников истории и культуры — некомпетентность и равнодушие администраторов, призванных решать эти проблемы. Пример с музем-заповедником Д. И. Менделеева и А. А. Блока, к сожалению, ярчайшее тому подтверждение.

Примеров, увы, множество. В древнем Юрьевце на Волге прямо против здания райкома партии погибает Входо-Иерусалимский собор, памятник республиканского значения. В подобных случаях пускаются в ход стереотипные оправдания: нет средств на реставрацию, нет рабочих рук и вообще, дескать, «горят» сельскохозяйственные или иные планы, а времени в обрез. А я скажу, были бы и средства, и Ивановская мастерская включила бы объект в план, и людей можно было бы найти... Но у местных властей нет ни желания, ни охоты заниматься памятниками города. И этот вывод я делаю из того, что даже простая, примитивная забота хозяина — перекрыть крышу листом шифера, чтобы защитить строение от дождя, и той нет. И стоит памятник, открытый дождям и ветрам, неприглядный, заброшенный, с облупленными стенами, словно в чистом поле, а не в центре города. Единственное, что на нем поддерживается,— это мемориальная доска с надписью: «Охраняется государством».

Под Москвой в Щелковском районе, например, имеется прекрасный пример для подражания — восстановление и реставрация усадьбы Гребнево. На ее примере, ее судьбе поучиться многому можно. Даже тому, как арендатор преодолевал яростное сопротивление местного райисполкома, который упорно пытался половину архитектурного комплекса передать другому арендатору. В уме не укладывается такая ситуация, но это было, мне самому довелось выяснять обстоятельства дела.

Уж коли я заговорил о подмосковном Щелковском районе, не могу замолчать еще один факт — в семи километрах от усадьбы Глинки позабыта местными властями Воскресенская деревянная церковь 1705 года. Обгоревшая, настежь разбитые окна и двери, она тихо умирает на глазах жителей современного села, а вместе с ней темнеет и выгорает от непогод мемориальная доска, на которой еще с грехом пополам можно прочесть, что здание охраняется государством. Вспоминаю, как несколько лет назад писатель Владимир Солоухин не единожды выступал в ее защиту и устно, и письменно, но ничто не возымело действия.

О ценностях духовных и архитектурных Дмитровского района той же Московской области писали многие центральные газеты и журналы. В их защиту выступал и «Огонек». Мне бы хотелось указать еще на один чрезвычайно интересный объект, живописно расположенный в 30 километрах от города Дмитрова, вблизи села Рогачева. Это Николо-Пешношский монастырь. Представление о его исторической значимости дают строки из текста на мемориальной доске: «Монастырь основан в 1361 году монахом Мефодием, учеником основателя Троице-Сергиевской лавры Сергия Радонежского... В середине XV века был построен самый древний храм монастыря — церковь Николая. В XVI—XVIII веках были построены остальные строения, в том числе и монастырская стена с воротами. Царь Иван Грозный посетил монастырь в 1553 году. Во время польско-литовского нашествия монастырь был сильно разорен. В 1700 году в монастыре побывал Петр I, и в том же году указом Петра монастырь был подчинен Троице-Сергиевской лавре».

Один памятник, а как отразилась история России, какой наглядный ее учебник! И ведь он же сохранился! Здесь бы туристский центр расположить, благо и места подходящие, а в монастыре сейчас пребывает дом инвалидов № 3 Московского горсобеса. Мало сказать, что помещение это не приспособлено для такого использования, надобно видеть, как тяжело приходится здесь инвалидам и обслуживающему их медперсоналу, а ведь за этим стоит распоряжение какого-то чиновника, и, по всей вероятности, не одного.

Приводя все эти примеры, я хочу сказать, что наступило время, когда дело сбережения национального культурного достояния вошло в зенит. И не отмахнуться, не отмолчаться нерадивым руководителям — пора требованиям времени взглянуть в лицо. Я поневоле выстраиваю логический ряд: будь иной руководитель хоть трижды спец в администрировании, хозяйствовании, экономике, но если ему чужды вековые ценности Отечества, в таком руководителе заключен духовный, нравственный изъян. Больше скажу: социальный, политический изъян. Коммунист-руководитель не может быть в наши дни узким прагматиком. Задача социального ускорения, заданная партией,— это не только увеличение, совершенствование производства материального, но стимул производства духовного — нового, глубокого, всестороннего патриотического воспитания.

— Ваши примеры рисуют тревожную картину. Какие конкретные предложения подсказывает вам опыт работы в руководстве Всероссийским обществом охраны памятников, в редакции альманаха «Памятники Отечества»?

— Уже двадцать лет, как создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Несомненно, оно оказало большое влияние на развитие интереса широких масс к истории Родины, ее культуре, на создание общей заинтересованности в судьбе ценностей старины. В его недрах зародилось много интересных идей, поддержанных государственными организациями, таких, как подготовка Свода памятников истории и культуры, как организация студенческих реставрационных отрядов, как создание самых различных туристско-экскурсионных маршрутов: «Золотое кольцо», «Уральский пояс памятников науки и техники», музеи под открытым небом и многие другие. Думается, есть заслуга энтузиастов Общества охраны памятников и в том, что в нашей стране приняты законы СССР и РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Я чрезвычайно горжусь, что мне самому посчастливилось участвовать в подготовке этого закона.

Во всяком случае, сегодня общественность подняла такие широчайшие горизонты в деле сбережения историко-культурного наследия, что без государственного решения этих задач уже не обойтись. Потому было бы крайне желательно создание Государственного комитета по охране и реставрации памятников при Совете Министров РСФСР со всеми надлежащими полномочиями. Только такой подход решил бы в корне назревшие проблемы. Уверен, тогда бы пришлось совершенствоваться и нашему законодательству. При государственном комитете были бы срочно разработаны и утверждены подзаконные акты.

Что же касается Москвы, то было бы разумно осуществить новое административное районирование ее с выделением центрального района в пределах Садового кольца, территория которого сейчас, как слоеный пирог, разделена на 13 районов, с объявлением ее единой историко-культурной территорией. Ведь один хозяин в доме всегда лучше, чем два, и, несомненно, лучше тринадцати.

Но ход размышлений ведет и дальше. Коль скоро вся, так сказать, материальная сторона дела перейдет из рук полуправного в том смысле общественного органа в руки государственного учреждения, которое будет наделено полнотой правовых, финансовых, производственных возможностей, то обществу будет предоставлена сфера духовная. А именно и в первую очередь пропаганда, популяризация патриотических ценностей, приобщение к тому важнейшему делу все более широких кругов населения. Готово ли сейчас Общество, его центральные руководящие органы, его советы на местах к такого рода работе? Боюсь, что нет. В руководстве Обществом и в его областных подразделениях усвоился дух успокоенности, обрисовывается, что узок круг энтузиастов, а вернее сказать, полностью не раскрыты те потенциальные возможности энтузиазма, которые заложены в сознании народа.

Но особенно бы хотелось, чтобы энтузиазм ревнителей наших национальных ценностей соприкоснулся бы со школой, с поколением, которому суждено принять в руки все эти ценности. Не берусь предсказывать, какие это может принять формы — как со стороны самих энтузиастов, так и в методиках органов народного образования, но уверен в одном: «уроки Родины», как определил такого рода желательную новизну Леонид Максимович Леонов, буквально стучатся в двери школы.

сва
на
ме

дьба...
плоходе

День 8 августа для Людмилы Суперанской и Алексея Гордышева стал памятным на всю жизнь. И не только потому, что это был день свадьбы, но и потому, что это был прекрасный, веселый, необычно организованный праздник.

Люда и Алексей работают на водном транспорте, и свою свадьбу они решили сыграть на белом теплоходе.

Итак, теплым, солнечным утром у причала Москвы-реки стояло небольшое комфортабельное судно под названием «Мирный». Перед отплытием молодожены разбили о его борт бутылку шампанского, как при спуске нового корабля на воду, когда судну и экипажу желают «счастливого плавания». Счастливого плавания по морю жизни пожелали юной паре все присутствующие.

Но эта бутылка шампанского, несмотря на собравшуюся большую, шумную компанию, оказалась... единственной. Как говорится, «гуляли» без алкогольного допинга. А гуляли весело.

Когда возвратились на берег, новая молодая семья посадила свое первое деревце — рябину. Оно даст начало аллее молодоженов, посадка деревьев новобрачными теперь станет традицией.

А. ВИКТОРОВ

Фото автора

Виктор КОНЕЦКИЙ

ИСТОРИЯ С БЮСТОМ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

«Быть знаменитым некрасиво».
Б. Пастернак.

Часто удивляет дешевизна в нашей стране некоторых бытовых вещей, о цене которых узнаешь неожиданным образом или, если хотите, путем. Имею в виду чашки, тарелки, графины, наволочки или матрацы. Узнаю я их цену в ресторанах или гостиницах, когда чего кокнешь или прожжешь. И каждый раз удивляюсь — дешевка! А ведь годами прозябаешь дома с разбитой чашкой или с графином, у которого давно горлышко треснуло, а пробка потерялась. И в голову не придет сходить в посудную лавку и тряхнуть мошной на три или там даже пять рублей, ибо тебе не трешка мерещится, а мининум сотняга убытков.

Недавно в дорогом ресторане перевернул целиком стол на очередного своего режиссера-экранизатора. И обошлось все удовольствие в жалкий четвертак...

Но вернемся к моему бюсту.

Вылепил бюст столичный скульптор-монументалист Геннадий Дмитриевич Залпов абсолютно спонтанно, то есть неожиданно и для себя, и для меня.

Затрудняюсь сказать что-либо определенное о степени гениальности Залпова, так как в пластических искусствах, как и в музыке, ни бельмеса не понимаю.

Но одно его творение — Николай Васильевич Гоголь в натуральную величину, стилизованный под Бальзака Родена,— вещь, безусловно, замечательная. Во всяком случае, мне она крепко запомнилась.

На окраине Москвы у Геннадия Дмитриевича есть полуподвальная мастерская, при ней жилая комнатушка с дырявым диваном и шикарным холодильником.

Мастерская битком набита человекообразными муляжами, африканскими масками, скелетами, черепами и отвергнутыми заказчиками скульптурами.

Разглядывать изнанку монументалистики при дневном свете и с приятелями даже интересно, но тут пришлось после изрядной танцульки остаться ночевать у Генки в жилой комнате-каморке в полнейшем одиночестве.

Проснулся где-то около двух ночи — незнакомая обстановка, пустые бутылки из-под лимонада, голова трещит, возле головы тарелка, набитая окурками.

Зима была, холодрыга.

Покряхтел я, поворочался, но — дисциплина! Преодолел нежелание вылезать из-под одеяла, забрал тарелку с окурками и отправился искать место общего пользования. Знал только, что оно с другой стороны огромной мастерской расположено. Шарил, шарил свободной рукой возле притолоки двери мастерской — выключателей не обнаружил. Тьма впереди — глаз выколи. Но и упрямства у меня достаточно: ежели, например, морковку натираю, то обязательно до тех пор, пока из пальцев кровь не брызнет. Короче говоря, воткнулся несколько раз во всякую монументалистику, рассыпал половину окурков, опрокинул пару скелетов, но в туалет все-таки добрался.

Тут надо еще заметить, что в нормальных, домашних условиях я никогда не вытряхиваю пепельницы в унитаз. Корень здесь в том, что окурки очень долго не тонут, сопротивляются судьбе со спартанским упорством, сражаются с унитазным водопадом насмерть: вертятся там, крутятся, вроде уже потонут, ан — нет!— опять всплывут. И я за такое жизнелюбие и упорство окурки уважаю. Они, на мой взгляд, как и римские гладиаторы, заслуживают пальца, поднятого вверх. Но и сам я не могу уступить окуркам последнего слова. И вот минут пять провел в туалете, дергая и дергая машинку, пока последний гладиатор не утоп.

В паузах, когда я ожидал очередного наполнения опорожненного бачка, в голову лезли мысли о бренности бытия, вечности мироздания и о том, что рано или поздно придется высказать Геннадию Дмитриевичу свое мнение о его произведениях. Ведь уходить из мастерской художника во сто крат затруднительнее, например, нежели из лаборатории ученого. У гения науки можешь достойно молчать от начала до конца, ибо и он, и все окружающие знают, что ты ничего ни в чем не понимаешь, а с художниками просто беда. Тут даже так получается, что чем хуже художник, тем тебе легче нагородить ему при уходе всякой чуши,— и он будет доволен, а с художественным гением полнейшая безысходность, когда топчешься уже в его передней и — ни единого слова не выдавить: нет слов — и баста!

Но если уж совсем честным быть, то размышлял я про все эти материи и топил пять минут несчастные окурки еще и потому, что было жутковато возвращаться через темную мастерскую-покойницкую. Все-таки скульптура довольно мертвое изобретение. И нервишки пошаливают. Однако и торчать до утра в туалете резона не было.

И когда, значит, последний окурок утоп, я развернулся на сто восемьдесят и лег на обратный курс. И лавировал сперва довольно удачно — пространственная память-то у меня штурманская. Как вдруг сквозь пыльные окна сверкнула луна, и передо мной возник из небытия и тьмы небольшого роста человек — длиннейший птичий нос, волосы, ниспадающие прямыми прядями на изможденные щеки: луна высветила Гоголя, мраморного, безо всякого пьедестала. И мертвые, черные провалы зрачков уперли в меня больной, черный взгляд.

Я чуть в обморок не свалился. Н-нда...

Шутил в своих писаниях при жизни Николай Васильевич много, но и какой-то одинокой запредельной жути в классике достаточно.

К тому же я с детства запомнил, что более всего он боялся быть похороненным живым, в летаргическом сне. И в завещании даже написал, чтобы не хоронили, пока «не укажутся явные признаки разложения тела». И еще, ка-

жется, в завещании попросил не водружать на могилу тяжелого надгробия, дабы оно не давило на него тяжестью Каменного Гостя. Говорят, при вскрытии потом могилы обнаружили его в гробу перевернутым.

Не буду утверждать, что сказанное полностью соответствует действительности,— не в том дело. А в том, что в моем-то мозгу это существует с отрочества так, будто я сам гроб Николая Васильевича вскрывал: воображение — черт бы его побрал!— у меня тоже хорошее.

А тут не в воображении, а въяве увидел скорбную нахохлившуюся фигуру и лицо, которое потусторонне светилось,— черный полированный мрамор в лунных лучах — ни житель света, черт бы Залпова побрал, ни призрак мертвый...

Бежал я от Гоголя — в трусах и майке — точно как Евгений от Медного Всадника, обхвативши голову руками и подвывая на ходу.

В комнатенке засунул ножку стула в ручку двери — крючка не было; полистал разные легкомысленные журнальчики, покурил, но заснуть так больше и не удалось.

Лежал и раздумывал о мистических совпадениях. Ходят слухи, что вдове Булгакова Елене Сергеевне по бедности пришлось отыскивать на задах какого-то кладбища, на свалке среди старых, бесхозных памятников более или менее подходящую к ее вкусу и бюджету, бывшую, естественно, уже в употреблении, замшелую плиту. Понравилась ей одна такая глубоко вдавившаяся в землю плита. А когда плиту перевернули, то обнаружили надпись «Н. В. ГОГОЛЬ». И этот самый камень лежит теперь на Булгакове — вот она, эстафета русской литературы.

Возможно, все это тоже мое воображение, но действую я тут по принципу какого-то великого человека, вроде бы так заявившего: «Коли черта нет, его следует выдумать».

Утром пришел Залпов, вгляделся в мою физиономию и говорит:

— Ну у тебя и выражение на личике! Прямо как у Понтия Пилата!

Я почему-то шепотом ему говорю:

— Сволочь! Ваятель чудотворный! Надо людей предупреждать, что здесь у тебя покойницкая, а не человеческое жилье! Ужо тебе!..

Ну, потом рассказал все, как было.

Он расцвел утренней розой, когда убедился в том, что я действительно ночью насмерть перепугался. Понять его можно. Что для творца может быть прекрасней, нежели потрясение, произведенное его творением на другого художника? И Генка — в компенсацию за бессонную ночь и все пережитые кошмары с ходу возвел меня на подиум (так на древнеримском языке возвышение для натурщиков называется), усадил на трухлявую вертящуюся табуретку и принялся лепить.

Пока он самозабвенно работал, я несколько раз задремывал и чуть было с подиума не свалился.

Часика через два Генка уже закончил.

Голова бюста показалась мне значительно больше моей натуральной, а глина, из которой он все это дело сляпал, грязноватой. Эти свои замечания я высказал вслух, но робко.

Честно признаюсь, мне бюст понравился своей тяжестью, массивностью, монументальностью — размеры и объем произведения пластического искусства играют не последнюю роль, в чем легко можно убедиться на любом углу наших городов.

На робкие замечания Генка ответил, что голова у меня действительно опухшая, но на другое я и не должен был рассчитывать. А про глину монументалист сказал, что она первоклассная.

Затем он закрыл мое изображение мокрой тряпкой и добавил, что сеанс окончен.

Мы попрощались, и я убыл восвояси.

Спустя этак годик случайно узнаю, что красуюсь в столичном Манеже на выставке «Голубые дороги Родины» бюстом уже из настоящей бронзы.

Примчался в Москву на самолете, узнал, что на самом деле отлит в цветном металле и опять спонтанно: не набиралось для огромной выставки, которая должна была прославить морское могущество нашей страны, нужного количества экспонатов. Вот меня и отлили — повезло Геннадию Дмитриевичу Залпову.

Собрал я штук пять московских красоток — знакомых и вовсе не знакомых — и повез их на выставку, чтобы оглушительно похвастаться свидетельством своего вечного теперь бессмертия. Ну-с, купил билеты и повел московских красоток, одна из которых почему-то оказалась негритянкой, в космические пространства манежных анфилад.

Искали мы мой бюст, искали — раза три выставку обошли — нет меня. Ни в натуре нет, ни, как говорится, в списках-проспектах. Я было решил, что меня просто-напросто разыграли. Но тут негритянка обнаружила произведение Геннадия Дмитриевича Залпова. Под моим пластическим изображением висела бирка:

«Портрет писателя-моряка В. Корнецкого. 1979. Бронза. 65×25×36».

Красотки принялись хохотать над опухшей бронзовой физиономией и перевранной фамилией. Я обозлился, исправил фамилию под портретом шариковой ручкой, смотрительница-служительница подняла шум и гам, меня повели в дирекцию Манежа, и там я битый час доказывал, что не верблюд.

За это время красотки смылись.

Мне ничего не оставалось, как опять пойти в зал и повертеться минут пятнадцать вокруг бюста в надежде, что кто-нибудь из редких посетителей обнаружит наше сходство, но такого не случилось. Тогда я позвонил Генке и сказал, что отлил он не меня, а какое-то чучело, да еще и под другой фамилией. На это Генка сказал, что я не Гоголь, чтобы быть на себя похожим, и сам виноват, что у меня дурацкая фамилия, которую вечно путают, и что я должен быть ему до гроба благодарен хотя бы за то, что угодил в компанию Петра Великого, Витуса Беринга и Ивана Папанина. Но даже такие соседи по выставочному залу меня не утешили, а усы Петра напомнили почему-то усы булгаковского кота из «Мастера и Маргариты».

К счастью, тут я обнаружил портрет капитана дальнего плавания Ивана Александровича Мана. Он первым водил «Обь» в Антарктиду, а во время войны проявил огромное количество какого-то уже запредельно-бесшабашного мужества, когда угодил в штрафбат и высаживался в Констанце. Так вот, фамилию Ивана Александровича тоже переврали, и значился он как МААН — два «а» в середине. И я утешился, плюнул на «мраморную слизь» и решил выкинуть историю из головы. Но не тут-то было! Зимой «Голубые дороги Родины» привезли в родной Ленинград и развернули уже в нашем Манеже. На выставку занесло одного моего высокого морского начальника, Героя Социалистического Труда. И вот, когда он обнаружил бронзовый бюст рядового судоводителя, а такое вообще-то положено при жизни только настоящим дважды Героям, то начальник так обозлился на мою нескромность, что к чему-то придрался и сделал мне дырку во вкладном талоне к диплому, а затем отправил меня вне очереди на Охту на курсы повышения квалификации комсостава флота.

Но и это не конец. Где-то еще через год звонит Гена и спрашивает, нет ли у меня знакомых в Прокуратуре СССР. Я отвечаю, что пока нет, но в будущем все возможно. Он орет, чтобы я прекратил шутки, потому что легендарный бюст, когда «Голубые дороги Родины» везли уже с Дальнего Востока в Клязьму, на родных сухопутных железных дорогах сперли. Из Хабаровска мое бронзовое многопудье уехало, а в Клязьму не приехало.

Я говорю, что это вполне естественно и еще раз иллюстрирует любовь ко мне всего нашего великого народа.

Генка обозвал меня идиотом и объяснил, что бронзу воруют даже с могильных надгробий: делать какие-то втулки для передних или задних подвесок «Жигулей».

Я ему сказал, что он сам дурак.

Генка слезливо сказал, что если это моя проделка, то он умоляет бюст вернуть, ибо им, скульпторам-монументалистам, положен на каждый год лимит бронзы — она острый дефицит. А он — Генка — сейчас лепит Семена Челюскина — у того как раз юбилей. И рассчитывал перелить мой бюст в этого землепроходца, но теперь все срывается.

Я говорю: какой может быть юбилей у Семена Челюскина, ежели никто не знает дат его рождения и смерти? Генка говорит, что это не мое дело, а что с него, с Залпова, высчитывают по рублю двенадцать копеек за каждый килограмм моего портрета, хотя он лично никакого отношения к вагонной краже не имел.

Я ему говорю, что если килограмм бронзы стоит рупь двенадцать, то это не дефицит. И украли мой бюст влюбленные читатели, а не автолюбители. Хотя, добавляю я то, с чего начинал эту грустную историю, то есть что меня удивляет дешевизна в нашей стране некоторых бытовых вещей, о цене которых узнаешь в ресторанах или гостиницах, когда кокнешь чашку, графин или тарелку. И что не так давно в Доме кино я перевернул стол на очередного своего режиссера-экранизатора, и обошлось все удовольствие в четвертак...

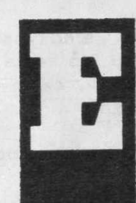
Генка меня недослушал и бросил трубку. Бюст сгинул бесследно. Даже фото не осталось.

Не скрою, я несколько огорчен таким концом этой истории, ибо явственно вижу очистительный огонь, в котором плавится мое бронзовое бессмертие, превращаясь во втулки для передней или задней подвески «Жигулей». Ведь любой — самый средненький — человек огорчается невниманием к его заслугам, готовясь к предстоящему — неизбежному — и, увы, уже вечному забвению.

ПОДЖИГ, КОТОРЫЙ ВЫСТРЕЛИЛ

«БРАЖНАЯ ТЮРЬМА» — так называлось место заключения для лиц, задержанных в пьяном виде, существовавшее в Москве в начале XVII в. Срок заключения в ней был довольно продолжителен, особенно в случаях рецидива, и заключение соединялось иногда с наказанием кнутом».

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

динственное, что я в Чехове не принимаю,— ружье. То, которое обязательно стреляет, ежели повешено автором, например, на стенке какой-нибудь бутафорской коммунальной квартиры.

Я свободолюбив, раба

начисто выдавил и потому считаю: писатель волен развесить или расставить и ружье, и пулемет, и батарею гаубиц, но ничего не стрельнет.

Пускай зритель с замершим дыханием все представление ждет залпа, пускай — против этого я не возражаю. Но залп себе в лоб главный герой литературно-драматического произведения не произведет. Под нежную музыку Шопена, на фоне батареи межконтинентальных ракет он засунет голову в газовую духовку. И все дела. И никакого шума.

Итак, я за свободу от литературных канонов, ибо начисто лишен суеверий. Их выбили из меня еще в военно-морской подготовительной бурсе.

Тринадцатого июля, в понедельник, я уезжал из Москвы в тринадцатом вагоне «Стрелы» в Ленинград на тринадцатом месте после вполне бессмысленного заседания комиссии по морской художественной литературе.

Опаздывать на самолеты, поезда, комиссии и пароходы не моя манера: дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина!

Прибыл к «Стреле» за полчаса. У тринадцатого вагона уже стояла проводница. Она была почему-то с пустым ведром.

Я спокойно докурил на перроне последнюю сигарету.

За это время мимо прошла в вагон миловидная, вся воздушная девушка. (Как сказал бы входящий ныне в моду Северянин: «росно-сиреневая».) У девушки была авоська с ананасами килограммов на десять и изящная сумочка. За девушкой прошел поп — лет тридцати пяти, с белокурой бородкой, в рясе, при всех поповских причиндалах.

Я с привычной ухмылкой вспомнил дурацкую пословицу: «Поп да девка, да порожние ведра — дурной знак». Нормально заплевал окурок, дождался, когда проводница передаст ведро напарнице, и поднялся в вагон.

И сиреневая девушка, и поп оказались соседями по купе. И я поблагодарил бога за тринадцатое место — оно располагалось внизу. Увы, я уже не в том возрасте, когда мужчине нравится взлетать на верхнюю полку одним пружинистым прыжком под девичьим взглядом, а слезая оттуда, демонстрировать прямой гимнастический угол.

Вагон был прохладен и пах сырым бельем.

Поездка начиналась великолепно. Смущало одно: на моей постели валялся фанерный чемодан, здоровенный, перевязанный грубыми веревками, короб, как выражается кое-кто. Я спросил попутчиков о его происхождении.

Священник объяснил, что в купе уже заходили три гражданина. (Он сперва произнес «парня», но сразу переправился на «гражданина».) Едут с нами не все три, а один, а два других его только провожают. Тот, который едет с нами, направляется в Воркуту через Ленинград, так как других билетов не достал. Все граждане немного выпивши и потому, вероятно, положили чемодан воркутянина на мое место. В данный момент граждане пошли искать пиво.

Я попытался снять чужой неопрятный багаж со своей полки, но короб оказался чертовски тяжелым, будто налит сжиженным гелием. Священник любезно помог стащить кладь воркутянина в проход. И я не очень удачно пошутил о том, что в таких чемоданах (по свидетельству Агаты Кристи — эту плодовитую старушку я видел в музее восковых фигур в Лондоне) убийцы обычно бросают расчлененные трупы жертв на произвол судьбы.

Девушка взглянула на меня с ужасом, легко поднялась и вышла из купе. Священник закрыл за ней дверь и в мгновение ока скинул рясу или что там на нем было, оставшись в шикарной пижаме.

Я никогда в жизни пижам не покупал, так как не люблю всего полосатого. Но тоже воспользовался отсутствием девушки, снял форму и забрался под сырое одеяло в старомодной майке и плавках.

Сплю я в поездах головой в сторону окна. Эта привычка выработалась в пику тем перестраховщикам, которые считают, что при сокрушительном столкновении поездов внутрь лежащие головы сохраняются лучше.

Устроился, достал журнал «Новое время». И почуял вдруг запах нефтепродуктов. Дурно пахло от столика, на котором лежало нечто, напоминающее средних размеров углекислотный огнетушитель. Но оказалось, это зажигалка воркутянина, который пока отсутствовал.

Этот тип начал раздражать заочно.

А священник, который оказался словоохотливым, располагал к себе. Кроме ношения сана пресвитера, он был еще штатным борцом за мир от лица нашей церкви и год за годом мотался по миру в этой борьбе, используя служебные командировки еще и для освоения дельтапланеризма в самых труднодоступных местах планеты. Сейчас он занял шестое место на соревнованиях по прыжкам с Эльбруса (5633 м над уровнем моря) и ехал в Ленинградскую духовную академию, чтобы сделать доклад о пользе дельтапланеризма при борьбе с атеистами... Черт-те стулья!

Как говорится в православных кругах (Даль): и у соборных попов не без клопов. Но, чтобы русский поп летал с Эльбруса на дельтаплане! Это, конечно, впечатляет. И я невольно пожалел, что уже сглотнул снотворное и не успею потолковать с таким замечательным мужиком. Звали дельтапланериста простецки: Сидором Петровичем.

Включилась трансляция, заиграла кобзоно-толкуновская музыка, девушка вернулась в купе, Сидор Петрович достал бутылку боржоми и трюфели. Я же, дабы не мешать молодым людям, надел очки и уткнул нос в «Новое время».

Минут за десять до отправления в дверях возникла пьяная морда.

Я как заметил ее, так сразу почему-то всплыла в памяти фраза Михаила Михайловича Зощенко: «Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду». Ну, здесь я, как и Зощенко обычно делал, несколько преувеличиваю. Никакого оружия у воркутянина, конечно, не было. Однако, скажу я вам, морда!

ИНОПЛАНЕТАРНАЯ.

Просто «уголовная» тут никак не подходило. Глубинную семантику или этимологию «уголовника» и «уголовного кодекса» не знаю. В детстве считал — от угла, куда нашкодивших ребятишек ставят носом. В зрелом возрасте решил, что это происходит от пятого угла, который старожилы в казарме заставляют искать новобранцев.

Но смешно и подумать было при поверхностном даже взгляде на воркутянина, что с подобной мордой человека куда бы то ни было можно было загнать, а тем паче сунуть носом в угол.

Вес далеко за центнер, синие джинсы из дерюги, свитер и сапоги на железобетонной подметке. Скажете, я не мог с первого поверхностного взгляда угадать материал инопланетарной обувки? Правильно. Узнал позже.

— Мы, тля, дядя, по газу, а ты, тля, мильтон?— спросил воркутянин, ткнув пальцем в нашивки моей аккуратно повешенной на плечики формы. (Необходимо отметить, что он никак не оскорблял меня и не обзывал тлей, нет! Просто из приличия я вынужден заменять одну букву слова-паразита инопланетянина.)

— Моряк,— сказал я.

— Капитан?

— Да.

— Милиции капитан, тля?.. Ну, и фиг с тобой!..— И он переключился на Сидора Петровича:— Э-э-э-э, поп! Попа и в рогоже узнаешь... Поджиг мой где?

Приходится опять отвлекать ваше внимание к своей особе, но не могу не объяснить, что, когда сам я трезв, то органически не выношу даже чуть пригубивших. Воркутянин же был надравшись до положения риз, как говорили в те времена, когда отцы церкви еще не были озабочены безнравственностью женской аэробики.

— Да вы присаживайтесь, присаживайтесь,— пригласил Сидор Петрович.— А сытому-то попу пояс и не к сану!

— Воркута,.. уголь,.. газ,.. строй,.. труба, тля! Европе прикурить даем!— объяснил воркутянин и уселся на мое «Новое время». Затем протянул волосатую лапу, схватил бутылку с боржоми, привычно отмерил растопыренными пальцами треть жидкости и принялся раскручивать бутылку — так делают, когда изготавливаются глотнуть из горлышка. Совершая эти действия, он разглядывал святого отца — этак тупо, но и хитро разглядывал.

— Пожалуйста, пожалуйста, пейте!— несколько суетливо для дельтапланериста сказал иерей.

Пришелец уже вовсю изготовился опрокинуть в пасть вращающуюся жидкость, когда я не сдержался и строго сказал:

— Отдай мой журнал и возьми стакан, Иуда!

— На-кось, тля, выкуси!— сказал Иуда, но все-таки вылил боржоми не в глотку, а себе на курчавую башку.

— Ах!— с восхищением сказала сиреневая девушка и потеребила «молнию» на своих беленьких джинсах.

Воркутянин фыркнул, встряхнулся, удачно поставил на стол уполовиненную бутылку и вдруг узрел зажигалку.

— Моя! Моя!— радостно воскликнул он.— Вот те крест, думал, потерял поджиг! Бабуля подарила на день рождения... В самый еще нэп ее сготовили... Кулаки, тля, ею колхозы поджигали... Через то и в Сибирь попали. А надпись на ей — «Люсеньке от Розочки»! Ни хрена керосином не воняет — ни-ни!— колпачок, тля, плотный! Ну, а коли колпачок сымешь — тут держись! За ентот, за воздух, тля, держись! Тут, на-кось, выкуси!..

Тут из динамиков раздалось: «До отхода поезда остается пять минут, просьба к провожающим...»— ну, и так далее, а затем опять включилась бодро-траурная музыка.

— Лезь, тля, на свою ракету-носитель,— весело-миролюбиво посоветовал я воркутянину. (И, как скоро выяснилось, на свою голову посоветовал — в прямом смысле этих переносных слов.)

— У космос, дед? Эт ты прав! Милиция что? Милиция завсегда права,— согласился воркутянин и предпринял попытку стащить сапоги, одновременно досказывая про поджиг с надписью «Люсеньке от Розочки»:—Нынче-то поистратился в первопрестольной!.. Холодильник-то в гостинице не работает, а мяса купил на усю артель... Пшел в комиссионку; замечательная, говорят, зажигалка, тля, двадцать пять хрустов!.. Я вот тебя, тебя, красавица, спрашиваю,— ткнул он в направлении росно-сиреневого лобика девушки.— Ежели с ходу четвертак дают, отдавать надо? Никак! Не на дурака!.. Пшел в ювелирный, там, тля, приемщик: полста! Ну, говорю, хрен тебе в ухо, а не бабкин поджиг! Моментик, братки! Поп, помоги-ка на орбиту закувырнуться...

Сидор Петрович без видимой натуги помог. И семь пудов подкулацкого угледобытчика вышли на орбиту валетом, то есть инопланетарная морда исчезла из поля зрения, но полустащенные сапоги я видел хорошо: они понуро свисли с полки над моей головой. Слышно рассказчика тоже было отлично:

— ...Пру, значит, в энтот, в антиквариат... Крутили там, вертели, в лупу Люську глядели... Оказалось, тля, половина серебра, половина платина!.. Во, как старики-то делали! Накось, выкуси, говорю... Х-р-р-р-а... Х-р-р-р-у...

По просветленным выражениям на лицах святого отца и сиреневой девушки я понял, что северянин-космонавт вырубился, то есть его сивушный дух воспарил из бренной оболочки в эмпиреи. (По нелепым космогоническим представлениям древних греков, эмпиреи — наиболее высокая часть неба, наполненная огнем и светом.)

«Стрела» тронулась под задумчивый вальс.

— Ну, слава господу нашему, поехали!— сказал Сидор Петрович и широко, привычно перекрестил пижамную грудь.

Но поехали мы не во славу господа нашего, ибо поезд вдруг застопорился. Этого еле-еле заметного изменения в инерционной системе «Вселенная + Земля + «Стрела» + воркутянин» оказалось достаточно, чтобы последний кувырнулся с орбиты: в строго горизонтальном положении покинул верхнюю полку безо всякого тормозного парашюта, то есть без малейшего шанса на мягкую посадку; а его железобетонные подметки шмякнули мне по черепу.

Раздавшийся грохот как бы подтолкнул поезд — мы поехали уже всерьез.

Пока я искал улетевшие к чертовой матери очки и выходил из шока, дельтапланерист про-

Берта Моризо. 1841—1895. ДЕВУШКА С СОБАКОЙ.

Из собрания А. Хаммера.

Поль Сезанн. 1839—1906. ОТДЫХАЮЩИЙ МАЛЬЧИК.

Из собрания А. Хаммера.

фессионально ощупал парня и вылил остатки боржоми ему за шиворот. Парень очухался, узрел в непосредственной близости коленки сиреневой девушки, обтянутые беленькими джинсами, и облапил их не без какой-то задней мысли.

Девушка спихнула на него авоську с ананасами и забилась в угол.

Возникла проводница, оценила обстановку, ничего особо крамольного пока не обнаружила и потребовала по рублю за белье.

Я, поп и девушка отдали по рублю, подхалимски заявив, что квитанций нам не надо.

Воркутянин промычал: «Катись, милаха, а то пасть порву!»

Проводница игриво хихикнула и, потрепав парня по курчавым волосам, ушла.

Я попросил девушку отвернуться, вылез из койки и помог попу завалить парня обратно. Снять с него сапоги нам так и не удалось, но, по моему предложению, завалили мы воркутянина головой к окну, и я на их счет успокоился. Конечно, понимал, что самое безопасное: уложить парня внизу, а самому лезть на его место, но, так как первый раз в жизни мне повезло и напротив в купе оказалась прелестная девушка, то я, старый дурак, наверх не полез. Просто глотнул еще таблетку снотворного.

Поп опустил кожаную штору на окне, выключил свет и забрался к себе.

Девушка мило повозилась в темноте и тоже успокоилась.

Колеса уютно постукивали, сквозь щель под шторой просверкивали иногда ночные, одинокие фонари; подумалось о предстоящем далеком плавании, о всяких завтрашних заботах, когда здешние нынешние приключения покажутся легким анекдотом.

Вдруг священник тяжко вздохнул и пробурчал:

— Эх, на Сидора-попа не одна беда пришла! Я так подозреваю, что гражданин опять может упасть. Если, товарищ моряк, я в проходе ему чемодан подстелю?

— Бога ради, батюшка,— уже сквозь дрему согласился я.— Только и верхний свет зажгите. Знаете, где включается?

Зажегся синий ночной свет, и я заснул.

Пробудился в 06.02.

Время астрономически точное: на нем — как в дешевых детективных романах — остановились (навечно) мои часы, которые лежали на столике. Часы были расплющены башкой воркутянина при вторичном сходе с орбиты в блин.

Предусмотрительность попа в отношении чемодана оказалась разумной, ибо, хотя инопланетянин трахнулся башкой о столик, само тело приземлилось точно на чемодан. (В данном случае лучше здесь было бы употребить не «приземлилось», а «причемоданилось».)

Предусмотрительность по отношению к его сапогам тоже не оказалась лишней: мой череп больше не пострадал. Но, как часто бывает, я не предугадал другой мелочи: надо было чем-то закрепить матрац на полке, а я это упустил из виду. В результате очутился лежащим в проходе поверх воркутянина. Чисто рефлекторно, пролетая мимо моей полки, он ухватился за мой матрац. И я — уже вместе с матрацем — оказался на нем.

Итак, сложилось в некотором роде пирожное наполеон, которые я едал в ранней юности в кафе «Норд» на Невском проспекте: короб воркутянина, его хозяин, я и мой матрац.

И все — в синем тусклом свете!

Зажегся электрический свет. Мы со священником запихнули мой матрац на место. И увидели жуткий натюрморт: воркутянин лежал на чемодане, голова его запрокинулась, тело обмякло, а вокруг быстро расплывалось кровавое пятно, подступая уже к двери.

При виде крови — и чужой, и собственной — я без лишних хлопот для докторов и наркотизаторов теряю сознание. Но здесь, уже на пределе воли, успел прошептать:

— Отдать якорь!.. Отставить! Стоп-кран! Объявить по составу! Записать в судовой журнал!..

— Зачем?— спросил поп.

— Не видите? Кровотечение у него! Дуба режет! Литров пять уже вытекло!

— Это не из него,— объяснил священник несколько даже весело.— С мясом чемодан-то. А в гостинице, помните, он говорил давеча, холодильник не работал. Вот говядинка-то и раскисла. Полезли спать, капитан. А он пусть уж тут храпит.

Я все-таки похлопал парня по щекам. Он открыл глаза и четко вымолвил:

— Кась-на! Выкуси!

— Может, помочь тебе? Башка как?— спросил я.

— На-кось, выкуси!..

И вот когда мы в третий раз успокоились, подоткнулись рыбьими одеялами, поздыхали каждый о своем, то я вдруг ощутил тревожный запах жареного, то бишь бензинового. И вспомнился мне почему-то Антон Павлович с его трижды проклятым бутафорским ружьем на пыльной стенке театральной декорации. «Зажигалка!— подумал я.— «Розочке от Люсеньки»!»

Воркутянин заворочался на мясном чемодане и прохрипел сквозь застарелый шахтерский кашель:

— И как бы, однако, курить бросить?

Затем с ржавым скрипом провернулось по кремню платиновое огниво.

В купе полыхнул факел, живо напомнивший мне огонь у дульного среза двенадцатидюймовых корабельных пушек времен Цусимы.

— Спасайте женщин и детей! Я сам выплыву!— заорал я по старомодной привычке. Старомодно-архаичная она потому, что в зубодробительные времена в Кронштадте служил царский опричник-комендант. Он только и делал, что охотился за пьяными матросами. Но ежели матрос лежал в кронштадтской луже головой по направлению к тому пирсу, где красовался его броненосец, то зверь-комендант забулдыгу на губу не сажал: звезданет пару раз сапогом со шпорой под ребро — и все дела. А ежели, лежа в кронштадтской луже, матрос самоотверженно орал джентльменскую фразу: «Спасайте женщин и детей, я сам выплыву!» — то сука-комендант приказывал флигель-адъютанту доставить забулдыгу на родной броненосец со всеми удобствами в личной коляске.

К счастью, гигантская зажигалка воркутянина выжрала весь кислород в купе за микросекунду и сама собой погасла. Но и микросекунды оказалось достаточно, чтобы тренированный поп-дельтапланерист среагировал на опасность. Он сорвался со своего Эльбруса и, трахнувшись толоконным лбом в потолочный плафон, который разлетелся вдребезги, шлепнулся на ничего уже больше плохого не ожидавшего воркутянина.

Но ежели прошлый раз воркутянин, покидая орбиту, зацепил мой матрац и меня, то теперь поп увлек за собой девицу вместе с ее матрацем.

Девица, оказавшись между батюшкой, мясным чемоданом, инопланетянином и ананасами, издала такой вопль, такой раздирающий душу, бога и сатану вопль, что в купе ворвалась проводница с веником и, приговаривая: «На одну девушку! Три кобеля!»— начала хлестать всех нас безо всякого разбора сложившейся ситуации грязным веником.

— Стюард! Немедленно принесите чай с лимоном!— заорал я.

Проводница перестала махать веником и даже вроде бы как остолбенела.

(Атака — лучший вид обороны, друзья мои, не забывайте об этом афоризме никогда!)

— Подними штору!— гаркнул я, закрепляя фактор внезапности.

Проводница послушно пробралась к окну.

Аврора уж солнце встречала за бортом «Стрелы».

Мелькали болотистые поля и росные перелески.

Животворный солнечный свет остудил накал мелких страстей. Мы подъезжали под Ижоры, успев за короткую летнюю ночь дать прикурить Европе через то окно, которое в здешних местах Петр Великий рубанул на дикий Запад.

Проводница отправилась за чаем, брезгливо отшвырнув с дороги осколки плафона.

Северянин, горестно вздохнув, принялся вытирать кроваво-мясные подтеки на полу казенным полотенцем.

Мы с попом облачились в соответствующие формы, не обращая на присутствие девушки уже никакого внимания: она стала нам такой родной, как жена на девятом месяце беременности.

Проводница шваркнула на столик четыре стакана чая с лимоном, спросила воркутянина:

— Ну, как дела, поджигатель?

— Какие у нас, однако, дела?— ответил вопросом на вопрос воркутянин, жадно вытягивая ко всем стаканам разом волосатую лапу.

— Я у тебя, спекулянт, спрашиваю: дела как?

— Нет у нас дел, одни делишки,— сквозь застарелый кашель объяснил угледобытчик.— Дела, сама знать должна, у прокурора, а у нас одни делишки!

— Платить убытки как будете? Или с его одного начет?— поинтересовалась проводница, брезгливо подбирая осколки плафона.— Приличные люди, а такой кошмар среди ночи развели!

— Так. Плафон кто кокнул?

Пауза подзатянулась. Мы глядели каждый в свой пятый угол.

— Сам собой кокнулся?— нарушила паузу проводница.

— Эхма...— «Если радость на всех одна — на всех и беда одна»,— мелькнула у меня строфа Григория Поженяна, которой он обессмертил кинофильм «Путь к причалу».— Считай артелью!

— Нет, нет! Уж позвольте!— воскликнул поп, потирая шишак на лбу; шишак становился темно-вишневым.— Сколько за плафон? Я кокнул.— И полез под рясу шарить по карманам.

Ну, а девушка тут начала поиски сумочки, ибо я не встречал еще сиреневых девушек, которые в подобных кошмарных обстоятельствах не теряли бы сумочек.

— Погодь! Однако! Один я в ответе: перебрал чуток!— решил северный гость.— Не лезь, не лезь под рясу, поп! А то я тя бить буду чем попадя!— цыкнул он на Сидора Петровича. И не без нашей российской похмельной робости попросил у проводницы:— Мясом не возьмешь? У меня, начальница, вот те крест — ни копейки!

— Нет, ты, охальник, у меня тухлым мясом не отделаешься!— зловеще сказала проводница.

— А-а-а... где наша, однако, не пропадала?— задал тяжкий вопрос мирозданию охальник и отчаянно рванул свитер на груди:— На! Бери, поджиг! Полста в интикварите... Еще прабабка подарила...

Перед расставанием мы со священником скинули ему по трешке — на похмелку, а девушка высыпала горстку-ладошку мелочи — на счастье, вероятно. (Потому что ананас он отверг, сказав: «Не та закусь!»)

Ну-с, как видите, Чехов опять прав. Все на этом свете может выстрелить. Однако остается еще одна, последняя сложность в уяснении себе заветов классика. Вечно Антон Павлович жаловался на литературную общественность, которая требует от автора рассказа про конокрадов обязательно заявить под финал, что воровать лошадей — плохо и даже как-то неэтично. А я печатаюсь в журнале для меня непривычном — массовом, чуть не два миллиона штук! А вдруг найдутся среди этих миллионов читатели, которым и мораль надо в чистом виде и на блюдечке представить. Для них скажу следующее.

Борьба наша против пьянства и вообще трудна, ибо болезнь запущена. Но тем эта борьба еще осложняется, что среди пьющих за историю России было много и людей чистых, умных, талантливых. И даже сложилось этакое к ним отношение... Ну, как вот в нашем случае. Сбросились же мы ему на похмелку? Сбросились. Плохо это? Ясное дело, что плохо. Но... жалко ведь человека, а? Ведь парень-то он наверняка хороший — и об артели думает своей, мясо ей волокет; и работяга — по рукам видно. Нетрудовые доходы его за тыщу верст обходят. Да, жалко человека. Не он же виноват — водка... Чего с нее возьмешь? Вещество бесцветное, бездушное, безответное — хуже даже родимого пятна.

репортаж с места событий

Последствия бомбардировки близ Баальбека. Фото Рейтер — ТАСС

НА ПОЛОЖЕНИИ ЗАЛОЖНИКА

...Вооруженный патруль обходил одну за другой припаркованные у тротуара машины, вскрывая капоты и багажники. Владельцы крупных магазинов и кафе, поступясь рекламой, закладывали витрины кирпичными стенками. На подъезде к госпиталю Сами Турка медперсонал устанавливал заградительный ряд из бочек красно-белого цвета.

Такую картину довелось наблюдать в районе Мусейтба, поблизости от корпункта АПН, когда в очередной раз паника по поводу заминированных автомобилей охватила ливанскую столицу. Основания для мер повышенной бдительности достаточны: четырьмя взрывами мощных зарядов, попеременно происшедших в западной и восточной зонах Бейрута, были убиты около ста человек и ранены более четырехсот. Чтобы приободрить напуганное население, в печати выступил знаменитый сапер Юсфе Битар. Отставник ливанской армии, он популярно рассказал, как обезвреживал 216 заминированных машин и 1615 других взрывных устройств. Но настроение у бейрутцев от этого не улучшилось. По опыту люди знают, что за варварскими диверсиями стоит разветвленная и профессионально подготовленная агентура, работающая на Израиль. А тот не брезгует ничем, чтобы поддерживать состояние братоубийства и раскола в стране, и прежде всего в ее столице.

Коварный расчет принес дивиденды и на сей раз. На грохотание «смерти на колесах» отреагировала так называемая «зеленая линия», через которую возобновились ожесточенные перестрелки. Беря начало у старого, разрушенного торгового центра, эта сплошная полоса заграждений, огневых позиций и минных полей рассекает город на два лагеря, лишь кое-где связанных узкими проездами. В западной части проживают преимущественно мусульмане, а в восточной — христиане.

— Как же невыносимо тяжело стало жить,— сокрушается Самира, уже немолодая ливанка, работающая машинисткой в конторе по соседству.— Мы с мужем вынуждены были недавно в очередной раз сменить местожительство. Во время одной из перестрелок снаряд попал в квартиру. Она полностью сгорела. Теперь ютимся у родственников. Поездка на работу из одной зоны в другую отнимает ежедневно более трех часов, так как из-за систематического закрытия проездов приходится совершать крюк по пригороду. Вынуждены экономить на всем, цены за один только последний год подскочили на семьдесят процентов. А теперь на семью свалилось новое несчастье — на почве психических стрессов тяжело заболела дочь. Будь они прокляты, Израиль и его местные прислужники, сделавшие нас заложниками в собственной стране.

Самира — христианка, но справедливость ее слов мог бы подтвердить и мусульманин, в особенности из южной окраины Бейрута. Зияющие раны, нанесенные израильской агрессией 1982 года и массированными обстрелами, до сих пор не залечены. Обычное для этих мест зрелище — дома-развалины без электроэнергии и водопровода, перенаселенные людьми. Здесь самый высокий в городе уровень безработицы [свыше 80 процентов], заболеваемости среди детей, большая нехватка жилья. Положение усугубляется тем, что

окраина вобрала в себя свыше 150 тысяч человек, покинувших юг Ливана из-за террора, развязанного там сионистскими оккупантами.

И все же в наиболее бедственном положении оказались обитатели лагерей палестинских беженцев. Их три, таких лагеря в Бейруте, ставшие приютом для десятков тысяч изгнанников из Палестины и их детей, никогда не видевших родины. С кем бы из палестинцев ни доводилось говорить, все они считают свое пребывание в Ливане временным. Расчет сионистов иной: они хотели бы натурализовать «беженцев» на чужбине, а еще лучше — посеять вражду между ними и местным населением. Баррикады вокруг лагерей до сих пор напоминают о недавних столкновениях между палестинцами и «амалевцами». Сейчас благодаря осуществлению плана по укреплению безопасности в Западном Бейруте с участием сирийских военных наблюдателей обстановка улучшилась. Но сионисты не оставляют усилий для того, чтобы спровоцировать новые антипалестинские выступления. Именно так расценили наблюдатели то обстоятельство, что шесть из семи последних налетов израильской авиации были нацелены на населенные пункты со смешанным палестино-ливанским населением под предлогом борьбы с «палестинским терроризмом».

— Да, в Бейруте в концентрированном виде находит отражение та политика, которую проводят силы сионизма и империализма в отношении Ливана,— говорит главный редактор органа ливанских коммунистов газеты «Ан-Нида» Танюс Дуейбес.— Путем дестабилизации обстановки, разжигания разного рода противоречий, поощрения изоляционистских тенденций они хотели бы держать страну и палестинское движение Сопротивления в постоянно ослабленном состоянии, усматривая в этом путь к обеспечению гегемонистских интересов Израиля.

...Я заканчивал печатать этот репортаж, когда раздались два сильных взрыва. Из окна корпункта было хорошо видно, как очередная пара израильских самолетов-разведчиков, преодолев звуковой барьер, пошла параллельными курсами над городом. Подобная картина повторяется почти каждый день.

Владимир ФИЛИППОВ,
корр. АПН в Бейруте —
специально для «Огонька»

Этот малыш — одна из жертв варварского налета израильской авиации.

См. II обл. и 1-ю стр.

«ДИТЯ МИРА» родилось в Москве

Языковой барьер первыми преодолели дети. Встретившись утром, они уже через два часа изобрели некий универсальный способ общения мимикой, смесью русских и английских простейших слов. К вечеру первого дня сообща пели несколько песен под аккомпанемент музыкального руководителя Стивена Рифкина — экспрессивного мужчины средних лет с озорными глазами и огненно-рыжей шевелюрой. Главные режиссеры восседали посреди зала, доводя, шлифуя, уточняя каждую фразу сценария. С советской стороны — Владимир Алеников, с американской — Дэвид Уолкомб. Один не знал английского, другой давно собирался изучить русский. Выручило знание обоими... французского, который с самого начала стал рабочим языком советско-американского культурного проекта под названием «Дитя мира».

Толчком всему послужил телевизионный мюзикл Одесской киностудии о приключениях школьников Петрова и Васечкина. На XXII фестивале детского кино в испанском городе Хихоне фильм представлял нашу страну. Случайно или нет, но в зале, где демонстрировали похождения двух друзей, оказался Дэвид Уолкомб, американский драматург, сценарист, режиссер фильмов для детей. Он смеялся все время, а в своем блокноте сделал пометку: «Разыскать режиссера из СССР Владимира Аленикова!» Вскоре они уже примеривались друг к другу, пытаясь выяснить, у кого чувства юмора больше. Расстались друзьями, преисполненные самых радужных надежд делать совместное доброе дело.

— Дэвид — президент влиятельной в США организации «Пис чайлд фаундейшн»,— говорит Владимир Алеников, встреча с которым состоялась в один из репетиционных дней.— Меня поразила его одержимость в распространении благородных идеалов детского движения за мир. Путешествуя по странам, он искал людей, неравнодушных к судьбе молодой поросли земли.

— Теперь я знаю, что таких людей в мире большинство,— включается в разговор Уолкомб, просивший переводчика в деталях сообщать, о чем беседуют с его советским коллегой.— Но есть и злые, жестокие люди, в представлении детей они вредные колдуны и волшебники-одиночки, над которыми возможна только коллективная победа.

В первом советско-американском мюзикле главными действующими лицами становятся русский мальчик Егор и американская девочка Дженнифер. Действие мюзикла разворачивается в СССР и США в недалеком, по замыслу авторов, будущем. Около полутора часов длится на сцене красочный спектакль с песнями и танцами, вместивший в себя многие наболевшие проблемы сегодняшнего дня. Спектакль зовет всех к действию во имя будущего, во имя любви. Это спектакль о нашей совместной жизни на Земле без войн, ставшей Планетой Мира. Взрослых он возвращает в их детство, а детей переносит в будущее, не омраченное пожарами военных конфликтов.

Владимир Алеников: Выбор главных действующих лиц и участников мюзикла был проблемой номер один. Мы с Дэвидом устраивали малышам испытания, порой пожестче, чем на приеме в иной театральный вуз. Один человек, по замыслу, должен был обладать всем комплексом сценических приемов — играть, петь, танцевать, перевоплощаться в другую роль и, что немаловажно, не раскисать в случае чего, быть предельно контактным и сразу располагать к себе...

Дэвид Уолкомб: С этой целью я по первому звонку Володи брал билет и «на перекладных» — прямые полеты еще не были возобновлены — добирался до Москвы. Прилетал раз десять...

Так набралось двадцать четыре актера. По двенадцать с каждой стороны.

Ранее состоялась некая условная «премьера», проба сил. В дни проведения XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве фрагмент спектакля «Дитя мира» сыграли в зале с группой американских детей, прибывших на фестиваль. Спонтанная, построенная на импровизациях лирическая вставка в концертной программе, а люди плакали от переполнявших их чувств. Более серьезную репетицию помогло устроить телевидение с помощью космического спутника связи. Телемост, посвященный памяти трагически погибшей Саманты Смит, связал студии в Москве и Миннеаполисе. Спектакль шел одновременно на двух континентах: девочку в Москве играла Нина Гомиашвили (она же Герда в фильме «Снежная королева»), главную роль с американской стороны — школьник по имени Крис Пасси. Тогда-то стало ясно: эксперимент следует развить, а успех закрепить.

Владимир Алеников: Нынешний спектакль значительно отличается от первоначального варианта пьесы Дэвида Уолкомба. Тем хотя бы, что чрезвычайно близок к жизни, в него вошли эпизоды того самого телемоста памяти американской школьницы, острые вопросы современности звучат не в «облагороженном» виде, но так, как о них говорили бы сами дети. Многие диалоги придумали наши маленькие актеры...

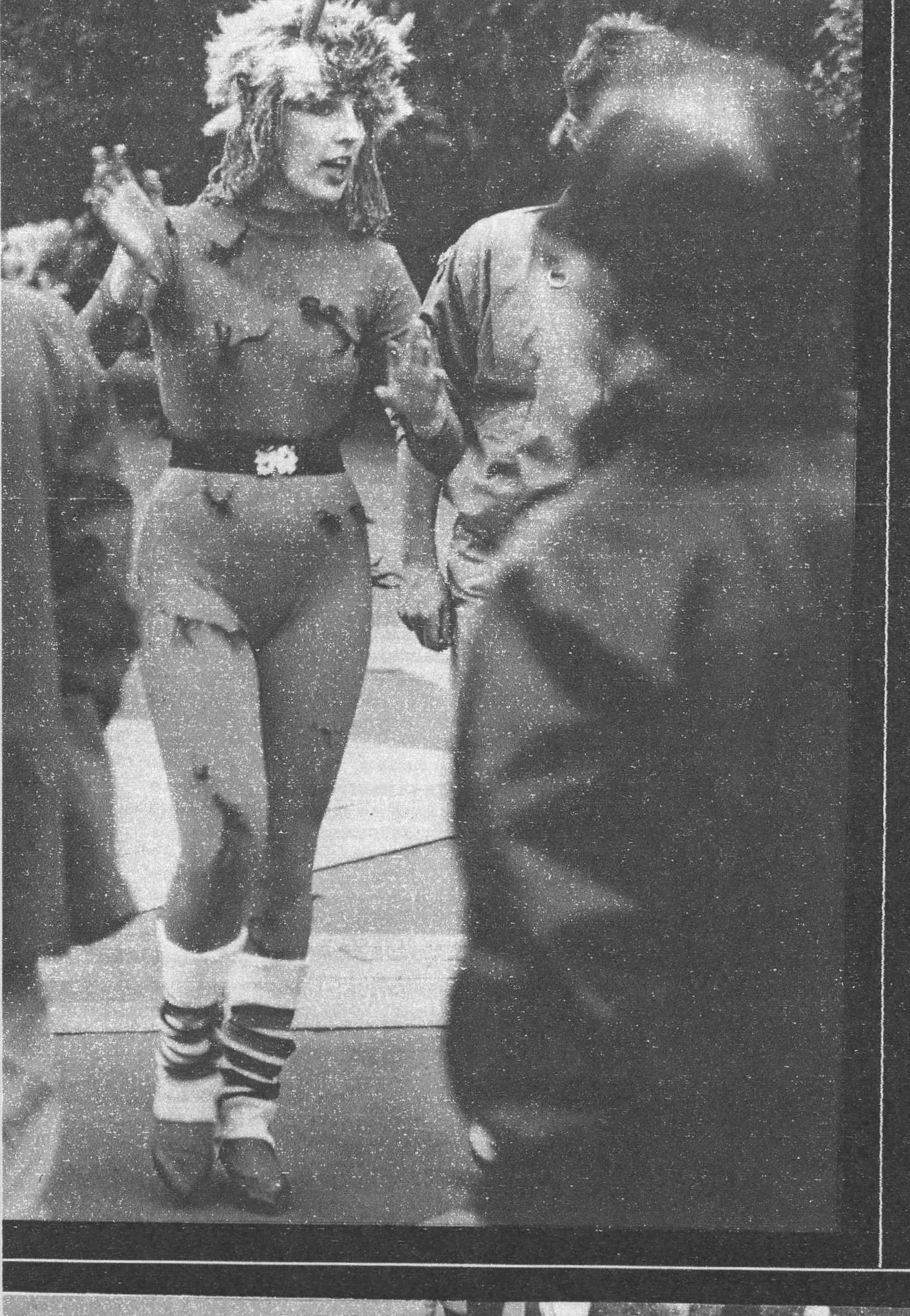
Дэвид Уолкомб: ...а нам оставалось только записать и внести их в сценарий. По ходу действия юные актеры «взрослеют», и дай бог, чтобы в жизни они выросли чистыми, не поддались дурному влиянию, не очерствели сердцем! По сказке ведет всех Рассказчица — ее роль исполняет Людмила Сенчина.

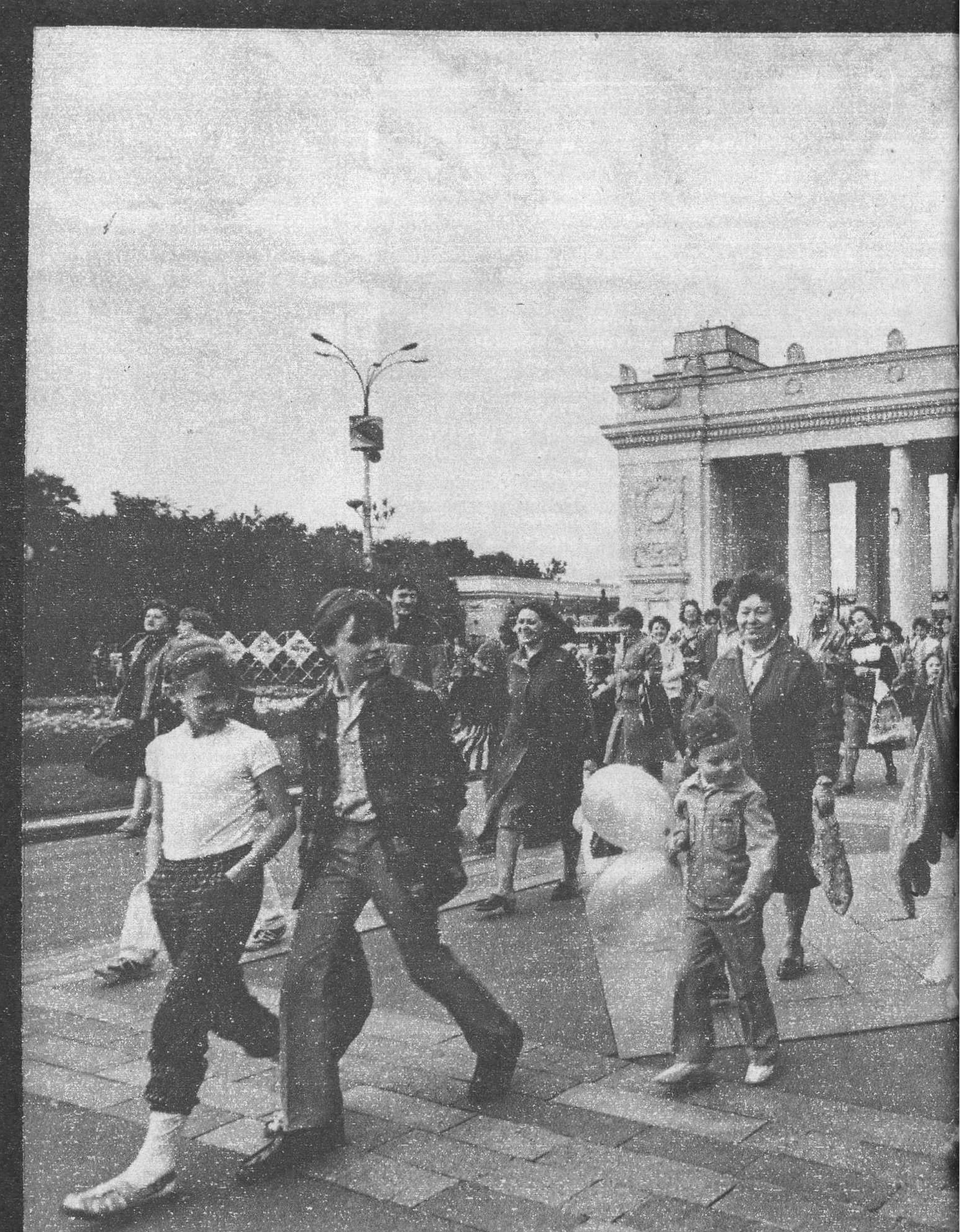
Августовские репетиции были напряженными, допоздна горел свет в зале конгрессов Центра международной торговли на Красной Пресне. После прогонов труппа вместе с советским вокально-инструментальным ансамблем отправилась на берег Черного моря, в «Артек», к самой требовательной аудитории. Небольшой отдых, совмещенный с не менее напряженными, чем в Москве, репетициями, поездки по нескольким городам СССР и снова спектакли в столице накануне вылета за океан. Впереди масштабная задумка Уолкомба и его друзей — поездка со спектаклем «Дитя мира» по 16 городам Америки, к представлениям будут привлечены «звезды» популярной музыки. В середине сентября намечается главный экзамен уже в Нью-Йорке, где предстоит выступить на открытии очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Хор из ста девочек и мальчиков, представляющих страны — участницы международной организации, будет сопровождать «Дитя мира».

Как смотрят на открывающиеся перед ними перспективы сами дети, те, кто играет в спектакле?

Коллин Баррис, 16 лет, исполнительница главной роли Дженнифер: «Нельзя упускать шанс сказать взрослым, что им пора остановиться и не готовить нам могилы. Я восхищена всем увиденным в Советском Союзе и мечтаю, чтобы учебники в школах наших двух стран были одинаковыми...»

Егор Дружинин, 14 лет, ученик 185-й московской школы, бывший Васечкин, исполнитель роли советского мальчика Егора: «Своей сказкой о любви мы говорим вещи, которые сегодня кажутся нереальными, но, возможно, уже завтра станут обыденными. Как хотелось бы увидеть наш спектакль через много лет в исполнении наших детей, а в зале чтобы сидели все до единого те, кто занят на сцене сегодня...»

КАРНАВАЛ

Фото И. ФЛИСА

Куклы-маски, ряженые, скоморохи встречали москвичей и гостей столицы в ЦПКиО имени Горького, где впервые за много лет состоялось молодежное массовое эстрадно-театрализованное представление «Волшебный карнавал». Свое искусство демонстрировали артисты Москонцерта и театров столицы. Песни, шутки, смех сопровождали праздник. А когда наступил вечер, в небо взлетел ослепительный фейерверк.

Продолжаем публикацию писем читателей (см. «Огонек» № 34), откликнувшихся на объявленное журналом Всесоюзное соревнование профсоюзных здравниц семейного отдыха.

А КАК ОТДЫХАЛИ ВЫ?

ЧТО ЗА РЕЧКА БЕЗ ПЛЯЖА!

Я пишу от имени бабушек и дедушек. Ведь не всегда папам и мамам удается по работе вместе уехать, да еще с детьми. Так и у нас получилось. Да еще и путевок не было. Вот и подались мы с женой, она тоже на пенсию вышла, в знакомые места, на Калужчину, где отдыхали несколько лет назад. Есть такая станция Балабаново, знаменитая тем, что там спички делают — целая фабрика. И в том районе как раз вблизи речки Истья расположен дом отдыха того же имени.

Мы-то знали уже, что в этом доме отдыха очень хорошая столовая и замечательные повара, работающие там десятки лет, и что поэтому администрация имеет возможность продавать курсовки, благо рядом деревня, и многие, живущие в ней, с удовольствием пускают квартирантов. Получается жилье недорогим. Мы разместились с нашей Олечкой, внученькой, в мансарде, получили чистейшее постельное белье в доме отдыха и были всем удовлетворены. Кстати, этот опыт продажи курсовок — а до столовой, клуба, детских площадок, библиотеки, к слову сказать, богатой, всего десять минут ходьбы — имеет смысл распространить и в других местах. Очень полезный опыт. Я, например, не слыхал, чтоб подобное было еще где-либо. Так мы и прожили бесхлопотно на полном, так сказать, пансионе сорок восемь дней.

Но вот о чем хотелось бы сказать — это для всех отдыхающих больной вопрос — не оборудован пляж, нет, по существу, тут пляжа. Речку перегородила плотина. Ниже ее купаться не рекомендуется — спичечная фабрика загрязнила воды. До места выше плотины далековато. Двадцать пять — тридцать минут ходу. Не каждому это доступно в жару. Придешь туда — голое место. Ни одного деревца. Некуда спрятаться от солнцепека. Нехитрое это дело — оборудовать тент, зонты поставить, кабины для переодевания. Директор тут новый, но, говорят, очень толковый и горячо взялся за наведение порядка. Видимо, еще руки не дошли — студенты из строительного отряда крыши ремонтируют. Но пляж оборудовать надо!

Д. ВОРОНИН,
пенсионер.

НА ЭКСКУРСИЮ НЕ ПОПАСТЬ

Совсем недавно мы — это Олежка, наш пятилетний сын, муж и я — вернулись из дома отдыха «Щелково», что недалеко от Москвы. В первые дни лили дожди. В корпусе холодно, горячей воды нет, негде просушить одежду. Да и занять себя нечем: шахматы и шашки, а вечером — кино или танцы. Для детей — игры.

А когда распогодилось, увидели, какие здесь красивые места — сосновый бор, речка Воря, озера. Говорят, есть крутой обрыв, почти скала с романтической историей. О ней рассказывала наша соседка по дому, Екатерина Михайловна. Она сейчас уже на пенсии, отдыхала в «Щелкове» десять лет назад и добрым словом вспоминала этот дом отдыха и его работников. Только этой «скалы» мы не видели. Сами не нашли, а экскурсовод по окрестностям нас не водил.

Отдыхающие предоставлены сами себе. Кто в лес, кто на Голубое озеро — вот и все. А мы решили поехать в Загорск — никогда там не были. Но чтоб записаться на экскурсию в этот старинный русский город, вы не поверите, я вставала в шесть часов утра и бежала занимать очередь. В восемь начинали записывать. С первого захода я так и не попала в число счастливых. Не понимаю, почему такое происходит. Ведь от Щелкова до Загорска недалеко, можно организовать несколько рейсов. А за время нашего заезда туда было только три экскурсии.

И вообще с организацией массовых походов и игр здесь плохо. Прожили мы двенадцать дней, а с физоргом так и не познакомились.

И еще. Хотелось бы пожелать более разнообразного рациона в столовой. Мы, конечно, не планировали «набирать» килограммы в весе, но меню оставляет желать лучшего. На третье в обед почему-то нас все время кормили манными кашами или манными пудингами. И это в разгар лета, когда столько свежих ягод, фруктов, да и соков везде полно в продаже!

Серафима МЕРГЕНОВА,
фрезеровщица
2-го часового завода

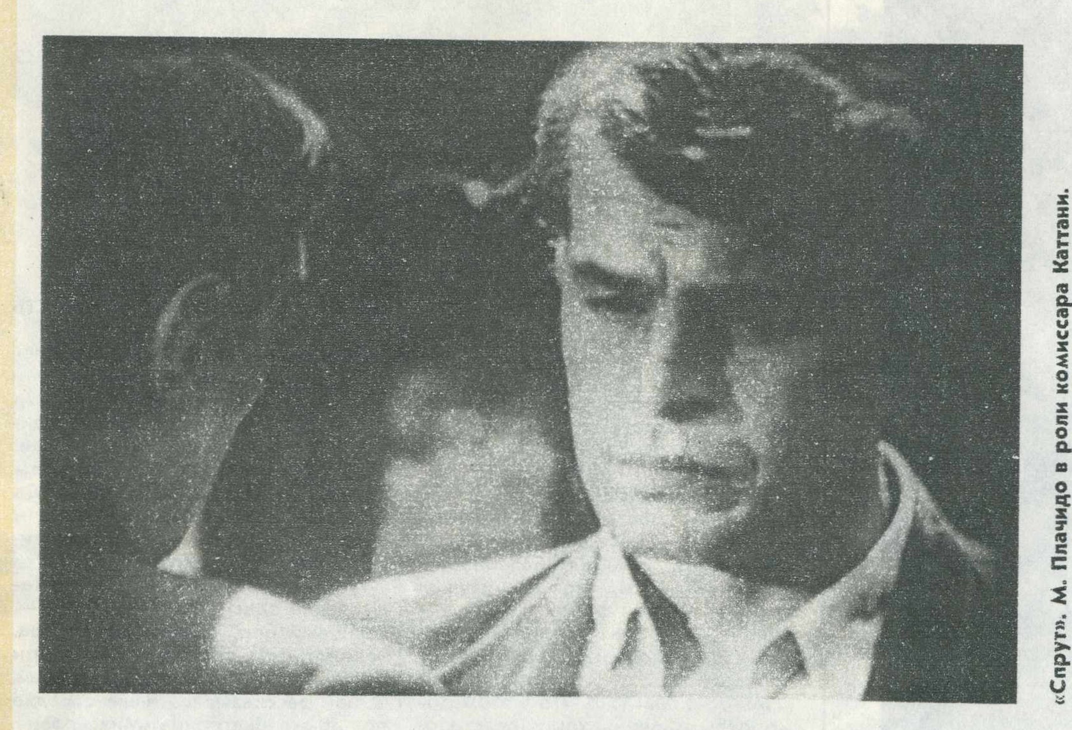
ИЗ ПОЧТЫ ТЕЛЕРУБРИКИ

«Дорогая редакция! В течение шести вечеров мы с волнением смотрели итальянский фильм «Спрут» режиссера Домиано Дамиани. Главный его герой, комиссар полиции Коррадо Каттани, вступивший в борьбу с сицилийской мафией, запомнился нам, конечно же, больше всех остальных. И, думаем, надолго: настолько обаятелен этот актер.

Нельзя ли узнать о нем подробнее, очень заинтересовала нас его творческая судьба. Уверены, что наше желание разделяют и многие другие телезрители».

Семья СЛЮСАРЕВЫХ.

Волгоград.

«Спрут». М. Плачидо в роли комиссара Каттани.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Микеле Плачидо

В кинематограф Микеле Плачидо пришел с драматической сцены и чередует работу в кино с работой в театре. По его словам, больше всего он любит Луиджи Пиранделло. И сейчас готовит новые роли в пьесах этого «трудного» драматурга-философа.

Плачидо далеко не юн, ему под сорок, и снимается в кино он добрых лет десять. Взлет его начался сравнительно недавно — с начала 80-х годов.

Первая встреча наших зрителей с Плачидо состоялась в озорной социальной кинокомедии режиссера Марио Моничелли «Народный роман» (1974). Помните молодого полицейского Джованни, этакого наивного обольстителя, страстно полюбившего юную Винченцину (Орнелла Мути), решившую начать независимую жизнь? Джованни страдает не только от любви, но и оттого, что должен разгонять демонстрации безработных и забастовщиков, от одиночества в большом городе. Образ этого честного, простодушного деревенского парня, не сумевшего найти в Милане другой себе работы и мучающегося от любви к своенравной Винченцине, подкупал своей искренностью, был нов и нетрафаретен.

Роли простоватых парней «из народа» Плачидо исполнял и в других лентах. Привлекательный образ, созданный в «Народном романе», грозил стать штампом. Переломным в творческой биографии Плачидо был 1979 год: он получил приз за исполнение главной роли в психологической драме режиссера Сальваторе Сампери «Эрнесто» на фестивале в Западном Берлине, а затем был приглашен видным режиссером Карло Лидзани на главную роль в фильме «Фонтамара», знакомом нашим зрителям.

Фамилия Плачидо (по-русски — невозмутимый, тихий) никак не соответствовала бурному накалу страстей, боевому духу его новых персонажей. Фильм «Фонтамара» — экранизация романа Иньяцио Силоне, написанного в 1930 году и замеченного М. Горьким. Плачидо сыграл крестьянского парня Берардо, возглавившего борьбу односельчан против нищеты и фашистских притеснений. Приглашенный на этот фильм уже как «звезда», он сумел гармонично слиться с многочисленными исполнителями — в большинстве своем непрофессиональными — с показанной в фильме бунтующей крестьянской массой.

В прогрессивном кино Италии очень плодотворным стало содружество Микеле Плачидо с мастером жанра политического детектива, коммунистом Дамиано Дамиани, ленты которого хорошо знакомы советским зрителям. В фильме этого режиссера «Человек на коленях» Плачидо сыграл типичного сицилийского наемного убийцу — коварного, вероломного, следующего с неотвратимостью судьбы за своей жертвой. Куда подевалось «положительное» обаяние актера! Бегающий взгляд, мягкие движения, неслышная, кошачья походка... Он и страшен, и жалок одновременно.

В телесериале Дамиани «Спрут», а затем в его продолжении — «Спруте-2», который снял другой крупный мастер политического кино, режиссер Флорестано Ванчини, Плачидо играет роль обаятельного, неподкупного, мужественного полицейского комиссара Коррадо Каттани, снискавшего широкую любовь миллионов телезрителей (а главным образом телезрительниц) не только в Италии, но и далеко за ее пределами.

Теперь для них имя, облик Плачидо прочно ассоциируются с образом Коррадо Каттани. В первом телесериале Каттани терпит сокрушительное поражение. И лишь оставшись совсем один, лишившись жены, дочери, друзей, дает клятву холодно и расчетливо бороться со спрутом мафии, коррупции, торговли наркотиками и оружием до самого конца.

Действие второго сериала переносится с Сицилии в итальянскую столицу, а оттуда — уже в третьем сериале, сценарий которого пишет сейчас Эннио де Кончини, автор первых двух,— переносится за океан. И Коррадо Каттани одерживает победу. Останется ли он сам жив, чего будет еще стоить ему эта победа? Пока неизвестно. А первые два сериала, демонстрировавшиеся в Италии в 1984—1985 годах, имели сенсационный успех, каждый вечер собирая у экранов телевизоров более 20 миллионов зрителей — фактически «Спрута» смотрел каждый второй итальянец. И немалая причина такого успеха — Микеле Плачидо.

«Когда актер приближается к сорока годам,— говорит Плачидо,— он должен решить: или он останется исполнителем характерных ролей, или должен браться за главные роли, нельзя всю жизнь оставаться «молодым актером». Нет сомнения, что «Спрут» позволил мне пойти по наиболее престижному (назовем его так) пути. Он придал мне уверенности в себе самом, показал, что я могу справиться и с такой сложной историей, телефильмом продолжительностью в шесть часов... Некоторые мне говорят, что это рискованно, что я навсегда буду ассоциироваться у зрителей с комиссаром Каттани. А я отвечу: ну и прекрасно! Потому что актер живет в памяти самое большее в двух-трех ролях за всю свою карьеру. И если память обо мне будет связана со «Спрутом», я этим буду очень доволен».

Неустанная работа Микеле Плачидо в прогрессивном кино заслуживает тем большего уважения и признательности, что актер в прямом смысле слова рискует собственной жизнью. Мафия не прощает ему ни «Спрута», ни образа киллера Марио в другом фильме Дамиани, «Связной из пиццерии». Когда этот фильм снимался в Нью-Йорке, Микеле Плачидо якобы «случайно» среди бела дня ударили ножом. Ранение, по счастью, оказалось легким. А анонимным угрозам по телефону и в письмах нет конца...

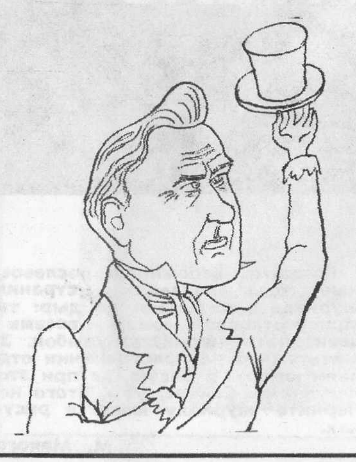
Закончим словами, произнесенными режиссером Лидзани во время съемок «Фонтамары»: «Плачидо — очень талантливый актер, которого ни кино, ни театр еще не сумели раскрыть до конца».

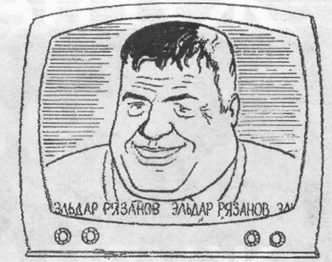
Г. БОГЕМСКИЙ

ДРУЖЕСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

М. И. ЦАРЕВУ

**Во всем отмечен
высшим баллом,
а вот довольствуется
Малым.**

Э. А. РЯЗАНОВУ

**На съемках он
полсвета обогнул,
но фильмы все выходят
без изъянов:
ведь там, где классик
что не дотянул,
перетянул по-своему
Рязанов.**

Текст Дм. ДЕМИНА Шаржи Е. ГОРОХОВА

КРАТКИЙ СПРАВОЧНИК НАЧИНАЮЩЕГО БЮРОКРАТА

Составил Александр НОРИН

— Без галстука ты призрак.

— Хорошо, когда твоя жена красивее жены начальника. Хуже, когда умнее.

— Если у тебя нет собственного мнения — не страшно. Хуже, если есть, и неправильное.

— Если на твоем пути встретился слишком умный подчиненный — выдвинь его подальше.

— Если кто-то уж очень круто идет вверх — не стой на дороге. Лучше пристройся сзади.

— Овладевай искусством садиться в машину, не сгибаясь.

— Чем дольше отлучаешься, тем более рабочий вид придавай столу.

— При возникновении сложностей — иди на больничный: лежачих не бьют.

М. ЛЯШЕНКО

ПРОТОКОЛ ОДНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, мы с вами собрались, чтобы найти пути решения, обсудить очень важную проблему: «Аспекты пустого как генезиса порожнего». Сначала мы заслушаем доклад товарища Языкова, а затем перейдем к дискуссии по данной проблеме.

ПЕРВЫЙ — ЯЗЫКОВ. Товарищи, сегодня понятие пустого включает в себя целый комплекс проблем, связанных с наличием порожнего. Рассмотрение этого вопроса в данном аспекте подразумевает исключение факторов пустопорожнего применительно к экстремальным значениям пустого в зависимости от порожнего. Эти взаимосвязи обусловливаются широким спектром, охватывающим данную категорию в различных параметрах, независимо от влияния, с одной стороны, концентрации порожнего и, с другой стороны, дифференциации пустого. Взаимопроникновение этих двух дискретных величин подготавливает почву для экстраполяции оценки взаимозаменяемости в пространственно-временных структурах алгоритмизации данных процессов с учетом дестабилизирующих воздействий условно-аналитических построений. Вот на этом я хотел бы пока остановиться.

ВТОРОЙ. У меня есть существенные возражения по поводу первой части сообщения Языкова, где он исключил факторы порожнего применительно к экстремальным значениям пустого. Мне хотелось бы внести ясность. Пустое, как известно, не может быть в то же время наполненным, но это совсем не значит, что полное может оказаться пустым.

ТРЕТИЙ. Если мы примем пустое за «икс», а порожнее будем рассматривать как функцию от «игрека», то нам станет совершенно очевидным тот факт, что «икс» будет стремиться к «игреку», что приведет к зависимости Кк от Вс; а это потребует расчетов и экспериментальной проверки.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Я совершенно согласен с Третьим. Необходимо провести расчеты и экспериментально доказать, что А и Б не равны С, а для этого потребуется минимум 3—4 года работы.

ПЯТЫЙ. Я бы хотел добавить, что Четвертый недооценил сложность проблемы и взялся несколько опрометчиво утверждать, что данный объем работ можно провести за 3—4 года. Надо учитывать огромную загрузку наших сотрудников, решающих в данный момент проблему пустого в отрыве от порожнего. Необходимо привлечение и участие в решении этой проблемы НИИпшик и НИИтьфу и Лаборатории экспериментальной опорожненности полной пустоты.

ПЕРВЫЙ. Товарищи, я совершенно с вами согласен, что материальная и техническая база, а также малый штат сотрудников тормозят работу над этой проблемой. Я вынужден был ограничиться в своей работе тем минимумом, который далек от максимума. Мне кажется, что если ставить вопрос так, как это сделал товарищ Пятый, то есть решая проблему широкомасштабно, то мы должны рассчитывать на срок минимум 10—11 лет. Мы не должны забывать различные непредвиденные обстоятельства, которые могут приостановить нашу работу. Мне думается, что реальные сроки 12—13 лет.

СЕДЬМОЙ. Правильно!

ВОСЬМОЙ. За 13 лет нереально!

ДЕВЯТЫЙ, ДЕСЯТЫЙ (хором). 15! Пя-тна-дцать!

ОДИННАДЦАТЫЙ И ДВЕНАДЦАТЫЙ (громко скандируют). Шестнадцать!!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, прошу внимания. Я считаю, что вопрос поднят правильно и своевременно, и мы будем добиваться выделения дополнительных средств на проведение работ, увеличения штата сотрудников и утверждения сроков работ минимум на 15 лет. Предлагаю выделить в организационную группу по этому вопросу следующих товарищей: Первого, Второго, Третьего, Четвертого, Пятого, Шестого, Седьмого! Есть возражения? Нет? Тогда прошу голосовать. Спасибо! Единогласно!

РЕШЕНИЕ. Создать подкомиссию по подготовке работы комиссии по созданию новой лаборатории на базе расширения штата, выделения дополнительных средств. Расчеты по данному вопросу возложить на Восьмого, Пятнадцатого и представить в течение года. По вопросу создания филиала НИИ и экспериментального цеха провести в ближайшее время семь расширенных совещаний. Назначить ответственных товарищей и освободить их от всякой работы, кроме разработки аспектов пустого как генезиса порожнего, с выделением средств из фонда НИИ на организацию работы по разработке.

—А ну, пройдись!

Рис. Н. Белевцева

А. РУБАНОВИЧ

ИНДУС

— Простите, вы динарь? — спросил я у мужчины с сигаретой в зубах и с животиком до груди.

Мужчина перестал на секунду курить, присел на топчане.

— В каком смысле дикарь? — Он довольно высокомерно посмотрел на меня.

— Ну в том, что отдыхаете без путевки.

— Понял: меня выдает роскошное махровое полотенце?

— Да...

— Дорогой мой, забудьте это слово — «динарь». Динарей теперь почти не осталось. Я, если хотите знать, «индус».

— Это как же понимать?

— Индус — значит индивидуально устроенный. Вот у вас, например, сколько человек в палате?

— Трое.

— И нас трое. В трехкомнатной, со всеми удобствами. Плюс хозяин работает в санатории. Это большой плюс!

— А как вы проходите сюда, на санаторский пляж?

— Я же вам сказал, мой хозяин работает в санатории.

— А как вы решаете проблему питания?

— Точно так же. Хозяин работает в санатории. Он мне приносит меню, я заказываю.

— И процедуры принимаете?

— В любой момент. Любые! Мой хозяин работает в санатории.

— А обратный билет вы уже взяли?

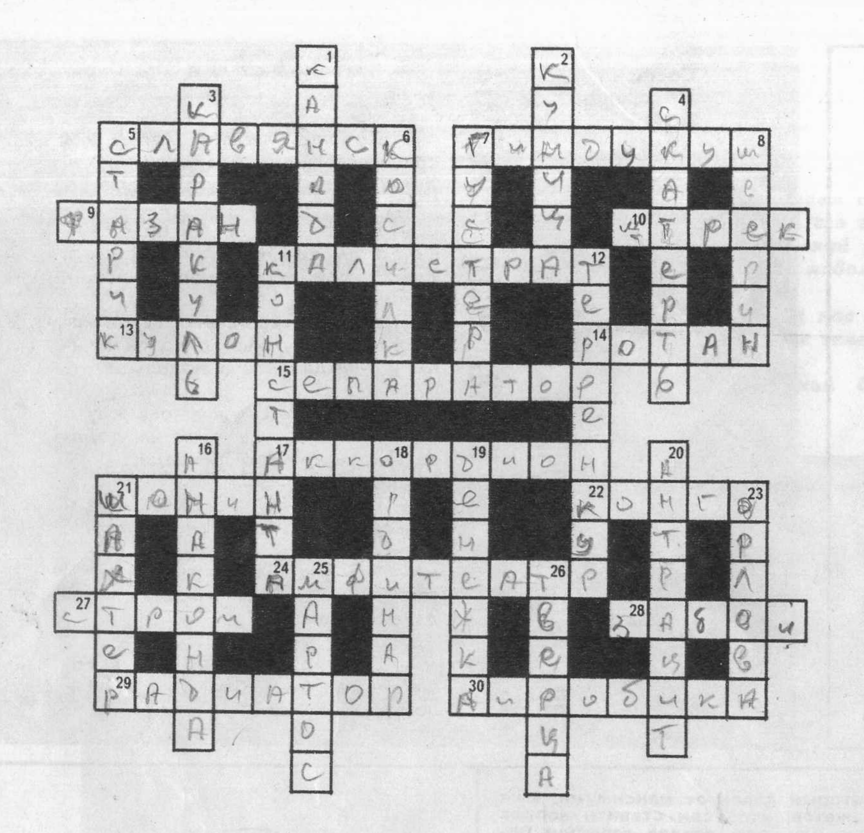
— Дорогой мой! С обратным билетом никаких проблем! Но... Зачем торопиться уезжать с курорта, где хозяин работает в санатории, а ты находишься в командировке по проверке его работы?..

Рис. В. Владова

КАЛЕЙДОСКОП КАЛЕЙДОСКОП

Кроссворд

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Город в Донецкой области. 7. Горная система в Азии. 9. Птица отряда куриных с ярким оперением. 10. Горизонтальная горная выработка. 11. Стихотворение Н. А. Некрасова. 13. Единица количества электрического заряда. 14. Рыба, обитающая в Амуре и реках Приморья. 15. Аппарат для отделения одного вещества от другого. 17. Разновидность гармони. 21. Советский летчик-космонавт. 22. Река в Центральной Африке. 24. Места в зрительном зале. 27. Шеренга. 28. Конец горной выработки, рабочее место шахтера. 29. Нагревательный прибор в системе отопления. 30. Ритмическая гимнастика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Государство в Северной Америке. 2. Пушной зверек. 3. Озеро на Памире. 4. Изделие из ткани для покрытия стола. 5. Пьеса М. Горького. 6. Сельскохозяйственное орудие. 7. Промысловая рыба семейства карповых. 8. Город в ГДР. 11. Постоянная величина. 12. Лечебная ходьба. 16. Крупная змея, обитающая в тропиках Южной Америки. 18. Средний уровень воды в определенном водоеме. 19. Русская медная монета XIX века. 20. Ископаемый уголь. 21. Советская футбольная команда. 23. Киноактриса, народная артистка СССР. 25. Скульптор, автор памятника Минину и Пожарскому. 26. Приток Волги.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. «Освобождение». 7. План. 8. Трюм. 9. Торф. 12. Арктур. 13. Навага. 14. Ангара. 16. Банионис. 18. Премьера. 20. Лабрадор. 21. Каратаев. 22. Африка. 25. Зодиак. 28. Силуэт. 30. Полк. 31. «Спор». 32. Фетр. 33. Обсерватория.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Оцелот. 2. Вагнер. 3. Биатлон. 4. Диаметр. 5. Ньютон. 6. Егоров. 10. Закариадзе. 11. Сакраменто. 14. Астара. 15. Аптека. 17. Охра. 19. Мята. 23. Форстер. 24. Квартет. 26. Изонцо. 27. Кактус. 28. Суфлер. 29. Латвия.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Микрохирург Р. О. Датиашвили приехал проводить Расу в первый класс. (См. в номере материал «Раса идет в школу».)

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Мир». Художник Олаф Брауэр (ГДР). Издательство «Плакат». Москва, 1986 г.

ЖУРНАЛ — ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРНАЛ

Давно не читал «Огонек». Уже забыл, что это такое. И вот 11 августа в электропоезде Калуга — Москва почти все читали 31-й номер. Прочел и я. И так понравился журнал, хоть выписывай. А с подпиской уже определился: восемь газет, журналы «Коммунист», «Крокодил», «Этика» — серия издательства «Знание». Но если и последующие номера будут такого уровня, придется еще раскошелиться — поквартально, как я делаю, сокращаю единовременные расходы на подписку.

С большим удовольствием читал о блоковских местах и о Гарсиа Лорке, но особенно хочу выделить три материала: «Портрет американского бюрократа», «Как быть с Сережей?», «Нет у нас в прекрасном мире правды?».

Л. Сабанин

Москва.

Самое время появиться живому, красочно оформленному еженедельнику. Действительно, перетасовками и прочими «косметическими» средствами не обойтись. Нужны новые приемы, методы, формы, которые бы смогли поднять на новую ступень боевитость, задор. Нужен действенный контакт «журнал — читатель — журнал» — прочный залог читательских симпатий.

Р. Хабиров

Башкирская АССР, пос. Чишмы.

Вот уж чему мало «Огонек» уделяет внимания, так это семейно-бытовой тематике. А зря! Надо смело и откровенно писать о недостатках воспитания в семье и школе, о молодежи, о подростках. Да мало ли тем? Женщина и общество, женщина и семья... Все это нужно, особенно сейчас, когда серьезное внимание уделяется человеческому фактору.

Н. Аксенова

Ленинград.

Разговор ведется прямой, откровенный. Возрождается рассказ на страницах журнала. Интервью с крупными деятелями культуры и науки перестали быть дежурными одами. Пример тому — интервью с писателем В. Астафьевым и доктором филологических наук С. Аверинцевым.

Д. Дажин

Москва.

Когда-то, вспоминаю послевоенные годы, последнюю страницу журнала зачитывали до дыр: там присутствовал юмор — восемь — двенадцать карикатур-улыбок. Заметьте, что не полстранички отдавали юмору, а целую, да при этом регулярно. Сейчас, увы, этого нет. Верните журналу юмор в рисунках.

М. Макогон

Одесса.

Журнал становится тем, чем он и должен быть, имея более полуторамиллионный тираж. Грустно только, что событие это происходит на склоне моих лет (85-й год, инвалид, участник героической обороны Ленинграда). Но прочитал «У Виктора Астафьева, на Енисее» и будто принял лучшее лекарство от одолевающих меня физических недугов. Ленин, его соратники, народ непобедимы!

И. Петров

Архангельск.

Хотелось бы прочитать не только о перестройке экономики и улучшении качества продукции, но и о перестройке в мыслях, психологии, поведении людей. А то получается, что производство меняется, а люди остаются прежними. Материалы об этом должны быть остры и конфликтны.

Л. Бирюков

Актюбинск.

Последние номера «Огонька» принесли ряд приятных сюрпризов нам, читателям. Например, замечательное фото В. Высоцкого с воспоминаниями В. Золотухина, рассказ Ю. Рытхэу «Возвращение на Землю» и др.

Ю. Минин

Москва.

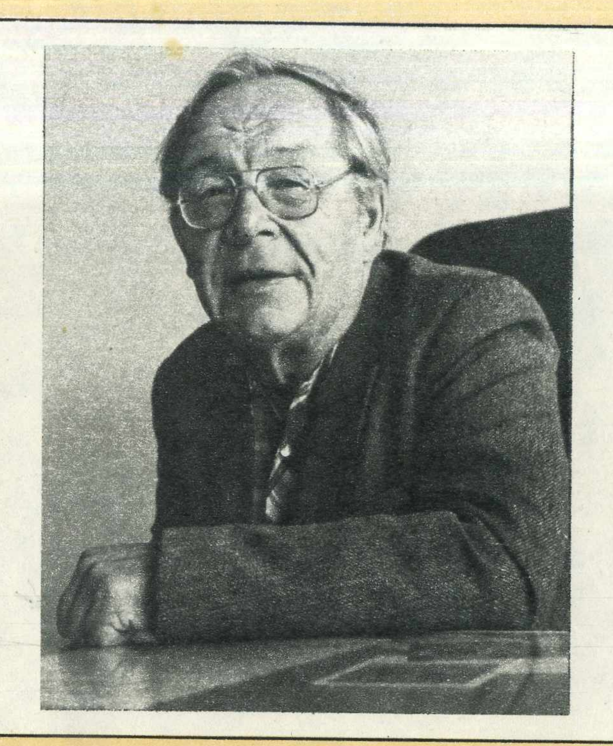
Никогда я не думал, что буду писать в вашу редакцию. Толчок к этому мне дал «Огонек» № 32, где есть репортаж из пункта подписки в Алма-Ате. Раньше я журнал перелистывал, а теперь читаю вдумчивее, потому что исчезает из него все лишнее, дежурное. Он стал злободневным, современным. Судите сами: зачем мне на первых полосах читать хронику событий месячной давности, о которых я знаю из газет? Нравятся и последние страницы: анонс, ориентировка на телевидение.

А. Белсон

Латвийская ССР, Салдусский р-н.

ОТ РЕДАКЦИИ: ***Мы взяли из последней почты несколько писем, объединенных читательской верой в то, что журнал может стать и непременно станет лучше. Мы делаем журнал для вас, и ваши пожелания — важнейшие рекомендации на пути к его улучшению. И слово критики вашей, и похвальное ваше слово слышны и важны для нас. Мы ждем новых советов, оценок, предложений, просто искренних писем. Сейчас, во время подписной кампании, это ведь знак того, что постоянных читателей у нас немало, а завтра будет еще больше.***

Хочется в это верить.

НОВЫЙ РОМАН ВЛАДИМИРА ДУДИНЦЕВА

«Анжела Даниловна прошла за прилавок, потом ей показали на дверь, она вошла в комнату. Ее сопровождали уже три женщины, одна из них была в синей милицейской форме.

— Пожалуйста, выньте из кармана то, что вы вырезали из подшивки. И дайте нам,— раздался чей-то голос.

Рука, как бы парализованная, с трудом согнулась, достала из кармана сложенный листок.

— Зачем вы это сделали!»

Ответ на этот вопрос вы получите, прочитав в нашем журнале отрывок из нового романа Владимира Дудинцева «Белые одежды».

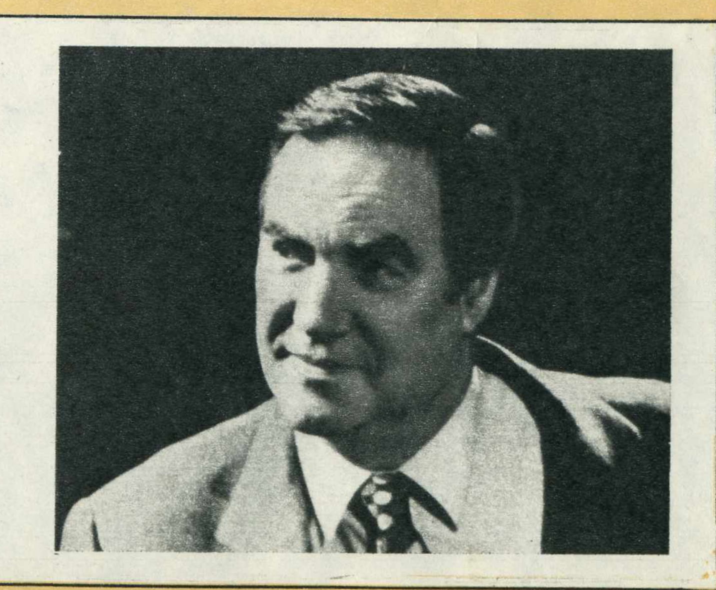
ДЕНЬ СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА

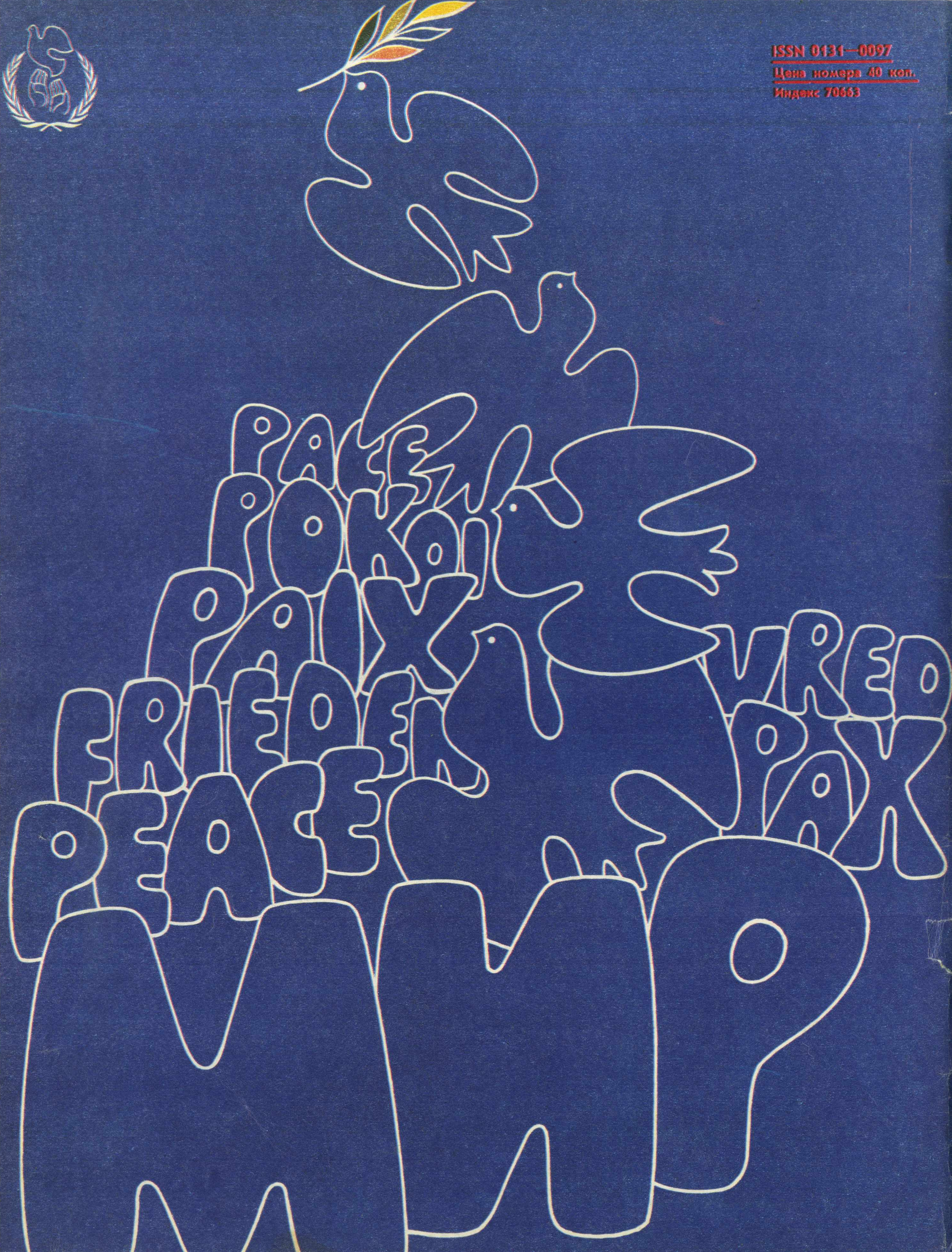
Среди тех, кто достойно несет звание коммуниста-руководителя, в Минском горкоме КП Белоруссии нашему корреспонденту назвали имя первого секретаря Советского райкома партии Людмилы Николаевны Сыроегиной. В одном из ближайших номеров будет опубликован фотоочерк о ее рабочем дне и беседа с нею. Читатель узнает о принципах — партийных, нравственных, этических, которые исповедует Л. Н. Сыроегина в работе с людьми и в своей повседневной жизни.

ОЧЕВИДНОЕ—НЕВЕРОЯТНОЕ

«Я убежден — популяризаторы науки, в том числе и сами ученые, должны взять на себя труд помочь людям сформировать свое отношение к самым разным вопросам науки, к непрерывно накопляемому и обновляемому человеческому знанию. Важно не столько объяснить людям, далеким от науки, что происходит в той или иной области знания, сколько помогать им самим активно мыслить. Считаю это очень важной сейчас гражданской позицией ученого»,— говорит постоянный ведущий телепередачи «Очевидное — невероятное» профессор Физико-технического института Сергей Петрович Капица. Он выступит в рубрике «Огонька» «Наука и мы».

скоро в «огоньке» ● скоро в «огоньке» ● скоро в «огоньке» ● скоро в «огоньке» ● скоро в «огоньке»

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663